

63.3(2)23
E57

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

СКИФИЯ
ЕВРАЗИЙСКИХ
СТЕПЕЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Л. Л. ЕЛЬНИЦКИЙ

СКИФИЯ
ЕВРАЗИЙСКИХ
СТЕПЕЙ

Историко-археологический
очерк

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск • 1977

ПРЕДИСЛОВИЕ

Культурно-историческая панорама Евразии выигрывает в отчетливости и полноте, если при ее создании использовать этно- и топонимику древних племен и народов, хотя и давно исчезнувших с лица земли, но оставивших глубокие следы как на территории их обитания, так и на очень широкой периферии.

Все сказанное относится и к племенам скифов, которые упоминаются в ассирийских источниках (ишкузаи) в первые столетия I тыс. до н. э. Скифы кочевали по степным и лесостепным пространствам от Восточного Туркестана, до Венгрии, в пределах, близких нынешним границам нашего государства.

Древние, а за ними и средневековые европейские авторы очень широко и свободно употребляли имя скифов применительно к кочевническим племенам евразийских степей. Скифами продолжали называть тюрко-монгольские орды, наводнявшие волго-донские пространства в эпоху Киевской и Московской Руси. Это было не только перенесением древнего названия на более поздние обстоятельства; тюрко-монголы и в действительности многое унаследовали от алано-сармат и гуннов, впитавших в себя скифскую культуру и распространивших ее вширь и вглубь по указанной территории — в кочевнической среде и среди оседлого населения.

. Если наименование «скифы» характеризовало первое на территории Восточной Европы большое объединение кочевнических племен, то в Передней Азии ему предшествовало другое имя — киммерийцев (гимирраев), ближайших родственников скифов, вернее, их невозможно строго разграничить, поскольку имя скифов, несомненно, распространилось, начиная с VI в. до н. э., на киммерийские

племена. Родственность - киммерийско-скифских племен выражается в их значительной этно-культурной общности (так что разделить их сколько-нибудь определенно можно лишь во времени, а не в пространстве) и в том, что аристократическая верхушка и тех и других племен, судя по сохранившимся именам собственным, была ирано-язычной.

Имя киммерийцев появляется в ассирийских источниках в самом начале I тыс. до и. о., по связываемые с ними археологические культуры на территории Северного Ирана гораздо старше. Однако известно еще более общее и древнее наименование-определение: Umman manda, относящееся к северо-восточным конным кочевникам, проникавшим в древневосточные страны с III тыс. до и. э.

Кроме того, в североиранской, прикаспийской и прикавказской этнонимике, по ассирийским и другим древневосточным письменным данным, открываются и другие племенные имена. Так, имя удов (кутов) прослеживается с глубокой древности и до античной эпохи. Достаточно сказать, что одно из наименований эквидов в древнем Эламе, зафиксированное в источниках III тыс. до и. э.¹, называется именно с прикаспийскими удами (позднейшими удинами, бодииами, будинами), игравшими видную роль на обширных пространствах. Индийские и китайские письменные источники рубежа II и I тыс. до н. э. называют племенные имена восточноазиатских кочевников: даи, сэ (ти), уну и др. Позднее они полностью или частично растворились в именах киммерийцев и скифов, а некоторые из этих имен — в виде саев, даев, гуннов — зафиксированы в самой западной части евразийских кочевнических территорий, вплоть до границ Северной Италии.

Проникновение хеттов в Малую Азию, касситов в Месопотамию и пиксосов в Египет, как и позднее киммерийско-скифское вторжение в Малую Азию и Сирию, было связано с общим передвижением евразийских кочевых племен. Это же явление имело огромное общекультурное значение и оказало влияние на образование позднейшей гидро- и топонимике. Лингвистическая карта древней Евразии, карта гидро-топо-этнонимов, во многом определя-

ется передвижениями и деятельностью тех племен, которые в широком смысле можно назвать киммерийско-скифскими. Отсюда ясно, до какой степени вопросы происхождения скифской культуры, распространения и перемещения скифских племен важны для исторической географии нашего материка. Скифские и родственные им по культуре племена в древности в некоторой мере определили культурно-географический облик Северного Китая, Северной Индии, восточно- и североиранских стран, Сирии, Малой Азии, северной части Балканского полуострова и Придунавья вплоть до Рейна.

Кочевнические племена были не только грабителями, но и стимуляторами технического и культурного развития. Целые периоды в истории Евразии определяются в свете взаимосвязи кочевнического и оседлого быта. Так, на прогресс ремесел, и в частности техники обработки металла, сильно повлияли потребности воинственных кочевнических сообществ. Номады все решительнее заявляли свои требования носителям оседлых культур потому, что из кочевнической среды возникали многие правящие династии: III династия Ура в Месопотамии, касситская династия в Вавилоне, владыки Ассирии, хеттские цари, цари Мидии, Ахемениды, парфянские и кушанские владетели, скифская династия в Северной Индии. Влияние кочевников сказывается на культуре и языке древней Италии, а в Адриатике этим вызвано, возможно, возникновение загадочной культуры этрусков.

Знакомство с археологией кочевых племен, с их во многом легендарной историей, мифологической и культовой ономастикой (именами их божеств), с их военной, административной и другой терминологией дает богатый материал для культурной географии не только нашей страны, но и многих соседних стран. Анализ одной лишь легенды о происхождении скифов, как она изложена Геродотом, приоткрывает совершенно неожиданно картину глубокой историко-культурной связи и культурно-географического единства переднеазиатских, североиранских и восточноевропейских стран в первой половине I тыс. до н. э.

Культурная общность, установившаяся на всем пространстве евразийских степей в результате рапнекочевнической активности, охватывала собой и тяготевшую к ним — в хозяйственном и политическом отношении —

широкую оседлую периферию. Эта общность не ослабевала и в эпоху господства на евразийских степных просторах **тюрко-монгольских** кочевнических государств. Только с учетом этих тенденций к объединению, действовавших на протяжении тысячелетий, можно понять легкость и быстроту, с которой осуществлялись предприятия Ермака, Дежнева и Хабарова.

Карта современной Евразии (особенно **наименования** ее гор, морей, рек, многих культурных областей и отдельных центров) сложилась под влиянием скифской военно-политической активности и совершавшегося для **скиф**ских нужд широкого хозяйственного и культурного общения. Выяснению роли скифов в формировании культурно-исторической панорамы Евразии и посвящена предлагаемая работа.

ВВЕДЕНИЕ

Так называемая скифская культура в некоторых ее проявлениях зародилась среди кочевых племен евразийских степей во II тыс. до н. э. Ее возникновение связано с приручением и использованием лошади (в Азии еще и верблюда) для верховой езды с военными целями. Носителями и распространителями этой культуры были те племена, из которых происходили цари-вожди военных дружин, подчинивших в различной степени многие другие — этнически родственные и чуждые, кочевые и оседлые — племена и обложивших их даними и повинностями. Формы этих повинностей хотя и эволюционировали во времени, но в общем оставались, даже и в эпоху утверждения классовых отношений и формирования скифской государственности, достаточно примитивными и имели натуральный характер.

Впрочем, в более позднее время у скифских царей находились в подчинении греческие причерноморские города, а в свидетельстве Геродота о скифах-пахарях, сеющих хлеб не для собственного употребления, а на продажу, можно усматривать завуалированное указание на существование принудительного возделывания зерновых культур для нужд греко-скифской торговли².

Такого же рода отношения между восточноскифскими племенами и скотоводческо-земледельческими общинами восточноиранских оседлых культурных образований следу-

² Herod., IV, 17: οὐκ ἔστιν οἰκιστοί. Быть может, из этого рода отношений должно быть понято то место «Херсонесской присяги», в котором говорится — с оттенком долженствования — о сборе и вывозе зерна, собранного на крымской равнине (ср.: Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных надписях Северного Причерноморья.— ВДИ, 1964, № 1, с. 115 и сл.).

ет предполагать в Бактриане, Фергане, Согдиане, Хорезме, в Прикаспии, в Северном Иране (Мидии) и в Закавказье (Урарту). То, что известно об отношениях земледельческих культур Северного Китая с северо-западными кочевниками юн (жун) и ти (ди, се), тоже не противоречит сказанному выше.

Подобные властвующие и выставяющие верховного военного вождя степные племена (от времен Геродот² и до Приска Панийского) называли себя «царскими» племенами.

Наиболее раннее проявление бытовых форм и идейно-эстетических тенденций, значительно позднее нашедших широкое выражение в скифском мышлении и образе жизни, может быть отмечено уже в майкопской культуре рубежа III—II тыс. до н. э., развившейся на Северном Кавказе в долине р. Кубань, там же, где тысячу лет спустя образовался один из самых древних и мощных на европейской почве очагов скифской культуры.

Большой Майкопский курган позволяет судить о быте, а отчасти и идеологии вождя некоего прикавказского скотоводческого племени. Трудно сказать, как широко распространялась его власть, по судя по богатству и разнообразию погребального инвентаря, к нему стекалась дань со значительных территорий. Погребальное ложе вождя было окружено чем-то вроде шатра-балдахина, укрепленного на штангах с художественными серебряными навершиями в виде фигурок быков — вероятно, наподобие тех шатров, которые позднее имитировались в могилах скифских царей и гуннских шаньюев в европейских и азиатских странах. К форме таких шатров (с имитацией их украшений живописными средствами) приближались, возможно, некоторые северокавказские дольмены³.

Погребение Большого Майкопского кургана, камера которого разделялась на три части, содержало еще два одновремененно захороненных женских костяка, по-видимому,

³ Череп лошади и другие конские кости, найденные в кургане № 1 в Константиновке близ Пятигорска (более или менее ближе во времени большим майкопским курганам), показывают что Кавказ на рубеже III — II тыс. до н. э. знал домашнюю лошадь (Hermanns A. Die Nomaden von Tibet. Wien, 1949, S. 178). Лошадь на серебряном сосуде из Майкопского кургана свидетельствует о том же, хотя, может быть, это еще и изображение дикого экземпляра лошади Пржевальского (Hancar F. Kaukasus-Luristan. — ESA, 1934, Bd 9, S. 47 f.).

останки царских наложниц. Вооружение вождя более всего походит на вооружение колесничного воина, тогда как хозяйственно-бытовой инвентарь содержит приспособления для приготовления походной пищи — в частности огромные двупалые вилы, которые могли служить и оружием, и вертелами для поджаривания мяса.

Что касается бытовых предметов — орудий труда и особенно круглодонной хозяйственной керамики, то они связывают культуру больших майкопских курганов с культурой северокавказских поселений эпохи раннего металла типа Долинского поселения близ Нальчика⁴, поселка Каменноостского и поселения Мешоко⁵ и с культурой так называемых фатьяновских могильников, распространенных по средней полосе европейской части СССР и также содержащих погребения вооруженных кочевников, существовавших, видимо, за счет подавления и ограбления оседлого населения этих же территорий.

В фатьяновских могильниках, впервые в местах распространения этой культуры, археология сталкивается с ритуальными (связанными с предварительным умерщвлением) человеческими захоронениями, поскольку в некоторых могилах обнаруживается по два и более скелета, захороненных одновременно. Обычно это скелеты женщин и детей, следовавших за умершим мужчиной в могилу, для сопровождения его на тот свет. В этом обряде позволительно усматривать первые признаки рабства, точнее первые признаки собственнического отношения к людям, первоначально чаще всего, по-видимому, к женщинам и детям.

Формы металлических изделий и образцы предметов искусства, найденные в Майкопском кургане, обнаруживают широкие стилистические связи — от Египта и Месопотамии до западноевропейских мегалитов. Но более всего майкопская культура оказывается родственной содержанию почти столь же богатых (и, вероятно, более или менее синхронных) могил дохеттских вождей племен Центральной Анатолии, обнаруженных в 30-е годы на Алаче Гейюк и в других, родственных названным, восточноанатолийских погребальных памятниках. Хотя культура «цар-

⁴ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение близ Нальчика. — МИА, 1941, № 3, с. 137 и сл.

⁵ Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 69 и сл.

ского» некрополя Алача Гейюк и не точная копия майкопской культуры, но обряд погребения в подкурганных земляных камерах с бревенчатым накатом и некоторые предметы вооружения и, главное, украшения в древневосточном зверином стиле создают между обеими культурами известную общность.

Весьма соблазнительно было бы думать, что в могилках некрополя Алача лежали древнейшие носители хеттского языка, известного по более поздним письменным памятникам, индоевропейские черты которого связывают их (и, быть может, именно через майкопскую культуру) с центральноазиатским кочевническим миром, скорее всего и создавшим структурные элементы индоевропейской грамматики и древнейший словарь политической, военной и бытовой терминологии⁶.

Навязывая периферийным земледельческим племена свою власть и (как это бывало позднее у скифов и ранних гуннов по отношению к индийцам, иранцам и китайцам) свою военную технику и некоторые связанные с нею черты быта, кочевники переняли от своих оседлых соседей многое из бытового обихода и технических навыков. Так, технику обработки металла и других материалов: кочевники узнали от поработанных ремесленников. Очевидно, металлические изделия, относящиеся к ранней стадии майкопской культуры, исполнены металлургами, происходившими из областей, расположенных к югу от Кавказа⁷, тогда как более поздняя стадия этой культуры, представленная памятниками станицы Новосвободной, позволяет говорить о достаточно широком местном производстве металлических изделий. Незначительное количество металлических орудий и украшений, извлекаемых из фатьяновских погребений, оказывается также южно-русского, кавказского или еще более далекого происхождения⁸.

Если на европейской почве некоторые элементы «скифской» культуры прослеживаются с рубежа III—II тыс. до н. э., то на азиатской территории первые признаки ко-

⁶ Childe V. G. The Arians. The Study of Indo-European Origins. L., 1926.

⁷ Иессен А. А. Из истории древней металлургии меди и бронзы на Кавказе.— ИГАИМК, Л., 1935, вып. 120, с. 80 и сл.

⁸ Ozols J. Ursprung und Herkunft der Zentralrussischen Fatjanovo-Kultur. Berlin, 1962, S. 78 f.

Трехтысячелетнего быта появляются несколько позднее. На Верхнем Енисее и на Алтае найдены погребальные памятники афанасьевской культуры начала II тыс., отражающие зарождение кочевого скотоводческого хозяйства. В могильниках афанасьевской эпохи, с курганными насыпями, встречаются кости обычных домашних животных — крупного и мелкого рогатого скота. Поселения афанасьевской культуры немногочисленны и невыразительны, что и свидетельствует о характерном (для известной части ее носителей) кочевом быте. Нередки случаи совместного захоронения одной, а порой двух или даже трех женщин (также и с детьми) при мужском погребении, иногда с признаками подчеркнутой связи принудительной погребенной женщины с мужчиной (соединенные руки)⁹. Это го? ворит о развитии патриархальных отношений, о собственническом подходе к членам семьи и о наличии нескольких жен у племенных вождей, родовых старейшин и т. п. Структура могильника Тас-хазаа на р. Абакан, возможно, представляет в зародышевой форме устройство ставшего уже знаменитым кургана Аржан в Туве (в котором склепы лепятся вокруг княжеского погребения по принципу пчелиного улья), как и других некрополей, возникших вокруг погребений вождей в разных местах евразийской Сибири — от Средней Азии до Придунавья.

Любопытно отметить, что уже в это время наблюдается (по антропометрическим данным черепов афанасьевских могильников) смешение монголоидных и европеоидных признаков с преобладанием последних. И хотя, разумеется, рассуждения о «белокурой расе», на основании данных китайских летописей¹⁰, вряд ли могут быть восприняты серьезно, важно, что степные евразийские пространства на рубеже III—II тыс. до н. э. были заняты смешанным и лишь по преимуществу европеоидным типом человека, тогда как ближайшие таежные и горные местности были заселены представителями монгольской расы. При этом отмечается значительная устойчивость наблюдаемых антропологических признаков.

⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 50 и сл. Ср.: Липский А. А. Новые данные по афанасьевской культуре.— В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 269 и сл.

¹⁰ Дебен Г. Ф. Палеоантропология СССР. М., 1948, с. 124.

• Кочевники оказывались посредниками в распространении культур между живущими далеко друг от друга народами — земледельцами. Например, приходится допустить возможность заноса к верховьям р. Хуанхэ из Прикаспия (района Анау) раскрашенной керамики с ленточной орнаментикой или, как думают другие, даже из днепровско-дунайского бассейна — элементов трипольской орнаментики¹¹, а также орнаментики галынтатской культуры, прослеживающихся на территории Китая и вплоть до Индокитая (Вьетнам)¹². Кочевники способствовали обмену металлическими и керамическими изделиями между Дунайским бассейном, Кавказом и Малой Азией. Обмен этот был весьма широк уже в середине II тыс. до н. э., когда наблюдалось большое сходство форм оружия и орудий в Центральной Европе, Передней Азии и на Кавказе. Концом II — началом I тыс. датируется наибольшее распространение в азиатских степях андроновских и карасукских форм и орнаментальных мотивов, связанных с выработкой древнейших образцов! кочевнического искусства, металлического вооружения и конского убора¹³, аналогии которым в Восточной и Центральной Европе получают в археологии наименование «фрако-киммерийской культуры».

Все II тыс. до н. э. для археологии характерно зачатками степной кочевнической культуры, но ее расцвет начинается в IX—VII вв. до н. э. Карасукская и позднеандроновская культуры развиваются на азиатских пространствах, сейминская, абашевская и другие — на восточных рубежах Европы, культуры кобанского круга — на Кавказе и белозерско-белогрудовского — в Приднепровье.

Скифская культура в собственном смысле характерна преимущественно для верхушечных слоев раннекочевнического общества. Важный признак этой культуры — оружие конных воинов, украшенное в зверином стиле. Стиль варьировал в зависимости от того, под каким преобладающим влиянием (иранским, кавказским или балкано-греческим) находилась та или иная скифская территория. Но наряду с этим, конечно, много значили и местные куль-

¹¹ Bachhofer L. Zur Frühgeschichte Chinas.— «Die Welt als Geschichte», 1937, Bd 3, H. 4, S. 256.

¹² Heine-Geldern R. Das Tocharerproblem und die Pontische Wanderung.— «Saeculum», 1951, Bd 2, H. 2, S. 225 f.

¹³ Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972, с. 77.

турно-идеологические традиции, выражавшиеся, впрочем, не столько в технике и в художественных формах, сколько в быту и обрядах.

Для скифской культуры вообще характерны широкие межплеменные объединения (союзы племен) под верховенством «царского» племени. В античные времена на территории Евразии существовало несколько подобных объединений, что подтверждается как письменно (сообщением Геродота о двух средоточиях царских скифов — скифов-сколотов и скифов-амиргиев в Европе и в Азии, наличием нескольких этнических наименований для скифов в древнеиранской эпиграфике и в китайских источниках), так и археологически (наличием нескольких, более или менее одновременных, групп «царских» скифских некрополей «а азиатской и европейской территории — на Кубани, Днепре, Алтае, в Туве и Казахстане).

Скифской культуре свойственна ираноязычность, а точнее, принадлежность известных ирано-скифских собственных и других имен к северо-восточной ветви древнеиранского¹⁴ языка. Но в древних письменных памятниках (греческих, иранских, индийских и китайских) есть немало скифских имен не североиранского, а локального (центральноазиатского, кавказского¹, фракийского и какого-либо другого) происхождения. Значительные различия обнаруживают верования и культовые обряды скифов. Если вообще для скифов характерны культы солярных божеств и культ прародителей-родовладык и материнских божеств и употребление всякого рода звериной символики тотемного происхождения, то конкретные религиозные и художественные представления испытывают па себе влияние некоторых периферийных культур или же развиваются в большой с ними.

Особенно значительно видоизменяется скифский погребальный обряд. Его реальное соответствие сделанному Геродотом описанию находит свое археологическое подтверждение иногда в достаточно общей форме (и при этом, если одно выступает отчетливо в курганах Причерноморья, то другое более определено — в пазырыкских курганах Алтая). Разнообразие же погребальных форм

¹⁴ Об иранском по преимуществу источнике осведомленности древних греков говорит, в частности, замечание Геродота по поводу рассказов греков (ионийцев) о скифах: эти рассказы в действительности-де относятся к массагетам (Herod., I, 216).

почти всякий раз находит свое соответствие в местных обрядовых или бытовых нормах, исконных, но испытывавших на себе более или, менее глубокое воздействие скифской культуры¹⁵.

Таким образом, вряд ли серьезно можно говорить о какой-либо этнической (даже если не идти в определении этноса *далее языковой общности*) однородности скифов, хотя на этом время от времени пытаются настаивать некоторые ученые¹⁶. Степень проникновения вглубь местного (как кочевого, так и оседлого) населения элементов скифской культуры также весьма различна, не говоря уже о том, что и среди наиболее общих и единообразных ее проявлений могут быть подмечены особенности, характерные не только для европейских или азиатских скифов, но и в пределах этих основных групп. Разумеется, элементы местных культур, так или иначе затронутых скифской культурой, отличаются еще большим разнообразием.

На всем том пространстве евразийских степей, которое может быть названо ареалом скифской культуры, она распространена далеко не однородно. Значительные терри-

¹⁵ Б. Н. Граков (Скифы. М., 1971, с. 64 и сл.), а за ним М. И. Артамонов (Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 61) настаивают на том, что царские скифы Причерноморья погребали в катакомбах, а не в обычных камерных могилах. Первый из них ничего не говорит о возникновении этого обряда у скифов, тогда как Артамонов считает, что катакомбы заимствованы скифами из Передней Азии и продолжают традицию индийских скальных гробниц. Но, во-первых, надо сказать, что хотя катакомбные (или подбойные) скифские захоронения и очень распространены в Причерноморской Скифии с конца VI и в V вв. до н. э., наряду с ними не исчезают и обычные прямоугольные камеры. Во-вторых, катакомбно-подбойные скифские могилы, несомненно, продолжают соответственные традиции катакомбной культуры, соприкасающейся (в Северном Прикаспии и на Нижнем Дону) с предскифской и раннескифской культурами. Достаточно раннее проникновение в Северный Прикаспий сарматского погребального обряда (подбой) из Заволжья также может служить указанием на истоки этого обряда у скифов Причерноморья. Новейшие факты этого рода, относятся к Придону и Приазовью (см.: Археологические открытия 1969 г. М., 1970 с. 159; ...1970 г. М., 1971, с. 124; ...1972 г., М., 1973, с. 308). Как известно, широкая сарматизация Северного Причерноморья привела к большому распространению захоронений в катакомбах в первые века н. э.

¹⁶ Граков Б. Н., Мелокова А. И. Об этнических и культурных различиях... в скифское время.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952, с. 39 и сл.

ЛХ
ЛХ
ЙЙ
ТЬ
Е-
ТН
а-
'ОБ
те ~
ГО-
Об-
ТИ,
ЛХ
СЯ,
ЫХ
НО-
рое
на
ри-

тории и в Европе и в Азии вообще лишены каких бы то ни было ее признаков, тогда как некоторые местности (у границ Северного Китая, в Минусинской котловине, на Алтае, в Туве, в Семиречье, в Приуралье, на Нижней Волге и на Дону, в Прикубанье и в Приднепровье) насыщены памятниками скифской культуры, обнаруживаемыми среди материальных остатков быта тех времен.

Судя по степени распространения «скифских» вещей, территории к югу от Дуная и к западу от Тиссы не испытывали постоянного и сильного воздействия скифской культуры, элементы которой проникали туда в результате кратковременных набегов па задунайские земли и вследствие мирных связей дунайско-балканских культур того времени с Украиной, Причерноморьем и Прикавказьем. С одной стороны, известный румынский ученый Василь Пырвай¹⁷, на основании спорадических находок скифских вещей и по аналогии с продвижениями степных кочевников в Западную Европу в более позднее время, допускал скифские рейды вплоть до Адриатики (через Молдавию, Ольтению и Банат) и Эгеиды (через Болгарию и Македонию). С другой стороны, некоторые отечественные и зарубежные ученые¹⁸ склонны объяснять столь глубокое проникновение предметов скифского вооружения, конского убора и украшений в Центральную Европу преимущественно наличием торговых связей.

Взгляд на скифскую культуру как на явление, связанное с бытом общественной верхушки кочевых племен и с культурной ассимиляцией, осуществлявшейся под перекрестным влиянием периферийных оседлых цивилизаций и местного, подчиненного скифам скотоводческого и земледельческого населения, усваивавшего в какой-то мере скифский язык, принимавшего также и самое имя скифов (саков, готов и т. д.), — взгляд этот был воспринят многими учеными, авторами обобщающих трудов по истории скифской культуры¹⁹. С некоторых пор, однако (преиму-

¹⁷ Parvan V. *Getica*. Bucuresti, 1926, p. 728.

¹⁸ Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 82 и сл.; Dusek M. Waren die Skythen in Mitteleuropa und Deutschland? — «*Prähistorische Zeitschrift*», 1964, Т. 42, S. 49 f.; Sulimirski T. *Prehistoric Russia*. L., 1970, p. 378 f.

¹⁹ Minns E. H. *Scythians and Greeks*. Cambr., 1913; Ростовцев М. И. *Эллинизма и иранство на юге России*. Пг., 1918; Sulimirski T. *The Sarmatians*. N. Y., 1970.

щественно среди лиц, занятых изучением какой-либо одной ветви скифской культуры, из числа причерноморских или азиатских), стали предприниматься попытки связать культуру и имя скифов с некоей этнической определенностью.

Так, Б. Н. Граков в ряде работ²⁰ отстаивает этническую и культурную общность степных племен, располагавшихся между Днестром и Доном, считая только их одних подлинными скифами и пытаясь обосновать подобное представление в первую очередь ссылками на Геродота. Последний, как известно, при всей противоречивости его размежевания скифов и не-скифов, устанавливает некий (впрочем, лишь политический, а не этнический) принцип для подобного разграничения (Herod., IV, 21). За Доном, вплоть до Волги и Урала, Б. Н. Граков (вслед за Миннзом и Ростовцевым) помещает савроматов, основываясь в данном случае на определенном археологическом единстве (и в некоторый ущерб Геродотовым представлениям о географических границах сарматского племени).

Вероятно, не без влияния этой концепции, скифская культура западно- и центральноазиатских пространств рассматривается М. П. Грязновым, С. И. Руденко, А. Н. Бернштамом, С. И. Вайнштейном и Н. Л. Членовой²¹ как результат локального развития сакских, гуннских и других тамошних кочевых и оседлых племен (соответственно племенным именам) в приданных им географических границах, письменные данные о которых содержатся преимущественно в китайских источниках. За последние десятилетия участились также попытки согласования археологического материала поселений и могильников, добытого на территории Скифии, с данными древней географии. Попытки эти предпринимаются не только ради выявления и обособления локальных культур отдельных известных

²⁰ См. напр.: Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре — МИА, 1954, № 23.

²¹ Грязнов М. П. История Киргизии, т. 1. Фрунзе, 1963, с. 57 и сл.; Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. Л., 1949; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня. — МИА, 1952, № 26; Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

древней литературе скифских племен (а также и пещерных), но и для выяснения этногенеза скифов.

Новая наука пыталась с некоторых пор подкрепить археологическими и лингвистическими данными возникшую, вероятно, в жреческой среде храмов Аполлона ионийскую версию появления скифов в Европе (она приписывалась Аристею из Проконнеса). По этой версии, скифы пришли в Северное Причерноморье с востока, на место изгнанных якобы ими киммерийцев. Ираноязычность многих царских имен у скифов (как впрочем и у киммерийцев), по мнению некоторых ученых, свидетельствует в пользу их среднеазиатского происхождения, а сходство многих элементов звериного стиля в Сибири и в Прикубанье подтверждает как будто эти лингвистические соображения.

Все это послужило основанием для С. А. Лашо-Данилевского, И. И. Толстого и П. Н. Кондакова, Э. Миннза, М. И. Ростовцева, В. А. Городцова, а в наши дни (хотя то не столь настойчиво) — А. А. Иессена и А. И. Тереножкина представить скифов в качестве азиатских кочевых племен, наводнивших в начале I тыс. до и. э. причерноморские степи и вытеснивших из них киммерийцев — автохтонное население конца эпохи бронзы и раннего железа, бытовавшее в Приднепровье и на Дону на рубеже II и I тыс. до н. э.

Однако детальное изучение памятников скифского времени не могло не показать, что даже явно кочевнические черты в бытовых аксессуарах и погребальном обряде тесно связаны с местными более древними культурами и при этом достаточно разнообразны. А. А. Спицын²² в работе о «скифах-пахарях» выявил несколько локальных групп в лесостепной полосе европейской Скифии. М. И. Ростовцев²³ охарактеризовал локальные особенности скифских погребальных памятников на Тамани, в Прикубанье, на Нижнем Днепре, на Киевщине, Полтавщине и на Дону. Последующие исследования, учитывающие материалы, добытые на скифских городищах в низовьях Днепра и Днестра, в Приазовье и в лесостепной полосе, еще более отчетливо устанавливают локальные черты скифской культуры, всякий раз связывающиеся генетиче-

²² Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей. — ИАК, 1918, № 65. С. 87 п. сл.

²³ Ростовцев М. И. Скифия и Босфор. Л., 1925.

ски с местными культурными формами, характерными для эпохи бронзы .

На исходе эпохи бронзы срубная культура из Поволжья, где она еще до недавнего времени была известна лишь в сравнительно ранней стадии, распространилась в Причерноморье, частично вытеснив или перекрыв катакомбную культуру, центром распространения которой было Прикавказье. На этом основании некоторые исследователи — а среди них наиболее убежденно М. И. Артамонов и Б. Н. Граков и их ученики — отождествляют древнейших скифов с носителями позднесрубной культуры, носителей же катакомбной культуры оба они склонны отождествлять с киммерийцами.

Но, начиная с А. А. Спицына, отметившего близость скифской культуры Приднепровья к гальштату, многие исследователи — и среди них обстоятельней других А. И. Тереножкин — видят предшественников скифов и их ближайших предков в носителях белогрудовской и черноресской культур, сложившихся в Среднем Приднепровье под влиянием лужицкой культуры и культуры эпохи бронзы в Семиградье²⁵.

Безусловно, в этих утверждениях содержится определенная доля истины. Несомненно, распространение срубной культуры с востока на запад и культурные течения, шедшие с Балканского полуострова, оказали значительное влияние на население причерноморских степей эпохи раннего железа, что в свою очередь не могло не повлиять на известные черты скифской культуры. Она же определенными своими сторонами (например, проявлениями хозяйственно-бытовой деятельности и прежде всего бытовой керамикой, формами культовых предметов и некоторыми чертами погребального ритуала и погребальной архитектуры) всякий раз прирастала к местным формам и приобретала поэтому локальный характер. На восточноевропейской, прикавказской и азиатской почве скифская (савроматская, меотская, массагетская, скифо-сакская и про-

²⁴ Либеров П. Д. Племена среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964; Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968; Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворсклі. Кит, 1967; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

²⁵ Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском правом берегу. Киев, 1961.

ними
По-
стна
лась
тата-
бы-
лова-
ОПОР,
ией-
[оси-
гож-

тогуннская) культура всякий раз срасталась своей быто-
вой стороной с местными культурами, такими, например,
как кобанская и каякентско-хорочевская на Кавказе,
сейминская в Поволжье, андроновская и карасукская
в Казахстане, на Алтае, на Енисее (в Туве).

И все-таки наиболее специфические черты скифской
культуры, связанные с кочевым бытом владетельных пле-
мен евразийских степей, оказались менее подвержены
локальным влияниям и более устойчивы в своих межпле-
менных проявлениях, что и заставляло древних китайцев,
иранцев и греков называть носителей этой культуры од-
ним общим племенным именем, приписывать им полити-
ческое, языковое и всякое другое единство, в степени,
быть может, даже и большей, нежели они им обладали
в действительности.

Некоторые ученые (например; М. И. Ростовцев), осно-
вываясь преимущественно на Геродоте, видели в скифах
ираноязычных представителей арийской расы²⁶. Другие
(например, Э. Миннз), идя от Гиппократ, считали скифов
представителями монгольской расы²⁷. И в недавнее время
некоторые исследователи использовали антропологиче-
ские данные для определения этнической принадлеж-
ности тех или иных скифских племен²⁸. Некоторые
антропологи пытались на основании антропометрических
показателей судить об этическом родстве (или неродст-
ве) представителей тех или иных племен по материалам
древних некрополей²⁹. По этому поводу уместно будет,
пожалуй, повторить слова, сказанные в свое время Г. Вей-
нертом (в связи с попытками установления расовой при-
надлежности по краниологическим признакам): «О мон-
гольских черепаха нередко неправильно представ-
ление... Монгол, известный нам лучше всего как японец,
китаец или кореец, является столь выразительным расовым
типом, что его невозможно ни с кем спутать. Совсем не так
обстоит дело с его черепом. Следует, может быть, напо-
мнить о том, что различить, например, льва и тигра может
любой ребенок. Однако перед их скелетами и специалист

²⁶ Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на юге России,
с. 32 и сл.

²⁷ Minns E. H. Scythians and Greeks, p. 82 f.

²⁸ Бернштам А. Н. Указ. соч., с. 207; Киселев С. В. Указ.
соч., с. 114 и сл.

²⁹ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Л., 1948, с. 79 и сл.

оказывается беспомощным, когда он хочет определить дев это или тигр?

Мы, конечно, можем узнать монгольский череп по плоскости лица и по выступающим скулам, но во многих случаях мы все же не можем утверждать расовую принадлежность того или иного (отдельного) черепа. Известно также, что монгольская раса короткоголова, но вы бы все же удивились (признакам сходства), если бы сравнили индексы длины и ширины (некоторых) монгольских и европеических черепов» .

Нельзя при этом не напоминать и того, что культурное и языковое единство отнюдь не предполагает обязательно единства расово-антропологического. Южные славяне в антропологическом отношении представляют собой нечто совершенно иное, чем их восточноевропейские «братья по крови». Во всяком случае, язык и культура объединяют их вопреки антропологическим различиям.

Раскопки пазырыкских курганов на Алтае, содержащих набальзамированные и сохранные вечной мерзлотой трупы восточно-скифских племенных царьков, свидетельствуют о совместном существовании и о смешении представителей азиатских и европейской антропологических групп ³¹.

Хотя, как уже замечено, вообще именно евразийские кочевники признаются создателями индоевропейской речи, в отношении языка некоторых скифских племен высказывались более определенные суждения. Переданные Геродотом и другими древними авторами скифские имена чаще всего находят свое этимологическое истолкование в древнеиранском языке. Сарматские имена, содержащиеся в греческих надписях Боспора (преимущественно римского времени), — почти исключительно иранские. Современный осетинский язык, небезосновательно считаемый языком, родственным языку древних и средневековых алан, тоже был северо- и восточноиранским диалектом, занесенным на Кавказ сарматским племенем, пришедшим туда из-за Каспийского моря.

³⁰ Weinert H. Der Affenmensch. Sinanthropos von Peking in seiner Bedeutung für die menschliche Stammes- und Rassen-geschichte.— «Die Welt als Geschichte», 1937, Bd 3, S. 252.

³¹ Руденко С. И. Культура племен Центрального Алтая в скифское время. Л., 1960, с. 177.

На этом основании еще В. Й. Миллером высказано утверждение, что скифы говорили на североиранском диалекте. В наше время мнение это подтверждено и развито М. Фасмером и В. И. Абаевым. При всей непреложности этих данных нельзя забывать и того, что значительная часть известных из древних источников скифских имен не поддается по той или иной причине истолкованию из иранского словаря. Многие имена имеют несомненные параллели (а то и точные копии) на фракийской почве. Третьи — не иранские и не фракийские³².

Среди восточноскифских имен, переданных иранскими или китайскими источниками, есть несомненно чуждые иранскому языку формы. В этом нет ничего удивительного уже по одному тому, что мир ираноязычных скифов пребывал постоянно в движении и к нему не могли не примешиваться не только неиранские, но и вовсе неиндоевропейские элементы, время от времени пополнявшие число его активных этнических компонентов.

■ Скифская идеология выработала свои совершенно определенные черты, получившие глубокое отображение в искусстве. Степной кочевник считал себя охотником-хищником, кем он в значительной мере и был в действительности, каким его воспринимали оседлые скотоводческо-земледельческие общества периферии степного мира, за счет ограбления и эксплуатации которых он преимущественно и существовал. Это отчетливо видно из тех характеристик, которыми сопровождают имена степных племен «географические» пассажи Авесты.

Прирученные четвероногие и пернатые хищники были помощниками кочевников на охоте. От тотемов-хищников производили себя многие племена. Скифское искусство особенно любовно разрабатывало формы звериного тела ■ звериные композиции. Любовь к звериным формам и звериной орнаментике пробуждается на самых ранних стадиях охотничьего быта, но номады уже в древние времена выработали и распространяли по степным просторам • Евразии, от границ Китая до Венгрии, некие стилистиче-

³² Около трети местных имен, известных из причерноморской греческой эпиграфики, не являются ни иранскими, ни фракийскими, по мнению В. Згусты (Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlicher Schwarzmeerküste, Praha, 1955, S. 439 f.).

ские образцы, ставшие постепенно общими для всего их мира и определившие лицо скифского искусства.

На одном из ранних, но в то же время весьма высоких по мастерству и по идейному содержанию памятников древнекочевнического искусства — на серебряном сосуде из Майкопского кургана — видны со всей остротой противоречия, характеризующие идеологию степняков и их антиподов — оседлых земледельческо-скотоводческих племен. Перед нами скорее всего идеальный мир, но в конкретной географической обстановке: Кавказские горы, две стекающие с них и впадающие в море реки, с хороводом вокруг него хищных и домашних зверей³³. Лошади, хищники (один из них явно прирученный для охоты: с ошейником) и фантастический зверь с развощенным хвостом (встречающимся на более позднем памятнике Северного Ирана) — продукт кочевого быта, наблюдательности и фантазии, тогда как содружество хищников и домашних животных — утопия, зачаток представлений о золотом веке, окрашивающих идеологическую борьбу начальных времен возникновения общественного неравенства и патриархального рабства. Демократическая мысль разбитых рабовладельческих обществ воспринимала первобытное варварство, а также и скифский мир, как пример идеальной общественной организации, лишенной язв классового строя — войн, рабства, угнетения, несправедливого суда ... И это вопреки наличию довольно объективных реальных данных о скифском быте.

Хотя Геродот и использует значительный географический и этнографический материал, получающий ныне свое подтверждение в археологических данных, нарисованная им картина Скифии и быта скифских племен не только схематична, но и легендарно-фантастична. И только в «Анабасисе» Ксенофонта, в описаниях западнокавказских племен, содержатся истинные черты скифского быта и характера, основанные на подлинной аутопсии. В этом описании много такого, что роднит кавказские племена с описанными Геродотом и другими более поздними авторами европейскими и азиатскими скифами; в то же время

³³ Близкий изображенному на майкопском серебряном сосуде пейзаж с горами и текущими с них реками отмечает А. М. Талльгрэн (Tallgren A. M. Dolmens of North Caucasia.—«Antiquity», 1933, vol. 7, N 26, p. 194, Fig. 3 — 4) на стене одного из северокавказских дольменов.

оно почти лишено идеализации варварского быта, привнесенной греческой этнографией, воспринимавшей его с точки зрения культовой и социальной утопии. Эти соображения необходимо неукоснительно учитывать, поскольку Геродот остается основным письменным источником при изучении скифской истории и культуры. Только у него содержится связный рассказ из области скифской истории VII—V вв. до н. э., сопровождаемый уникальными подробностями относительно социальных установлений, этнографии, быта, религиозных верований и обрядов, зачастую с трудом поддающимися опосредствованию и проверке. Последующие главы призваны, насколько это удалось автору, исторически конкретизировать и прокомментировать «Скифский рассказ» Геродота, раздвинув при этом хронологические и географические рамки.

КИММЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА

В 1893 г. Г. Винклер отождествил племенное имя Gimirrai клинописных текстов с **Κιμμεριοι** древнегреческих авторов¹. Это отождествление с тех пор широко принято в науке. Оно поставило вопрос о полулегендарных киммерийцах на реально-историческую почву. Тем самым киммерийцы, в свете древнеассирийских свидетельств будучи характеризованы в качестве **Umma mandā** — «конные воины», предстали как один из кочевых и воинственных народов Прикавказья и Северного Ирана, с которыми ассирийским царям неоднократно приходилось вступать в борьбу².

Стремление согласовать данные клинописных документов со свидетельствами Геродота и Страбона породило большую экзегетическую литературу. С некоторых пор археологи начали связывать с именем **киммерийцев** предскифский материал, находимый в Причерноморье³, на Балканском полуострове и в Прикарпатье. Появилось по-

¹ Winckler H. *Altorientalische Forschungen*, Bd 1. Leipzig, 1893.

² Имя «умман манда» прилагалось ко всем северным кочевникам. В VII в. до н. э. придавалось киммерийцам и Теушше при Асаргадоне, Дугдамме — в царствование Ассурбанипала. Надпись Набонида называет этим именем индийского царя Астиага. **Киаксар** в одном и том же документе (в Хронике Гедда) называется то по имени (**Умакиштар**), то как вождь умман манда. По мнению Б. Б. Пиотровского, это означает, что **Киаксар** командовал объединенными силами мидян и скифов (Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток. — СА, 1954, № 19, с. 149, прим. 2). Мидяне же названы умман манда в вавилонской версии надписи Кира Старшего (Piotrowicz L. *L'invasion des Scythes en Asie Antérieure au VII siècle av. J. C.* — «Eos», 1929, № 32, p. 495 я.).

³ Городцов В. А. К вопросу о киммерийской культуре. — ТСА РАНИОН, 1928, № 2, с. 46 и сл.; Tallgren A. M. *La Pontide prescythique*. — ESA, 1926, vol. 2.

пятое «трако-киммерийского периода» в истории восточно-европейской культуры⁴, а археологи-марксисты школы Н. Я. Марра стали говорить о «киммерийской» (или киммерской) и «скифской» стадиях общественного развития⁵.

В качестве реакции на такого рода обобщения, связанные с объединением разнохарактерного и разновременного археологического материала, в ряде работ были предприняты попытки привязать имя киммерийцев к какой-либо одной археологической культуре. Подобную попытку произвел в свое время и автор этих строк⁶. Ее негативная задача сводилась к выяснению легендарно-литературного аспекта известной части древнегреческих сообщений о киммерийцах, а позитивная заключала в себе стремление указать границы «киммерийской культуры» в рамках прикавказской культуры кобанского друга VIII—VII вв. до н. э.

Имя киммерийцев и наименование страны Gamirra появляется в ассирийских документах впервые в конце VIII в. до н. э. в источниках эпохи Саргона II (722—715 г. до н. э.). Имя скифов в тех же источниках возникает (как *Asgura — Iskuza*) несколько позднее в документах первой половины VII в. до н. э. — эпохи Асаргадона, 681—668 гг. до н. э. Этим как бы подтверждается представление греческих авторов V в. до п. э., согласно которому пришедшие из закавказских областей в VII в. до н. э. скифы изгнали из причерноморских степей живших там киммерийцев⁷.

⁴ Harmatta J. *Le problème cimmerien.* — «Archeologiai Ertesítő», 1946, № 48, p. 131; Sulimirski T. *Prehistoric Russia. L., 1970*, p. 378 f.

⁵ Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. — ИГАИМК, Л., 1932, вып. 12, с. 62 и сл.

⁶ Ельницкий Л. А. Киммерийцы и киммерийская культура. — ВДИ, 1949, № 3, с. 14 и сл. Ср.: Олже. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 36 и сл., 97 и сл.

⁷ Скифы-ишкузай выделились из киммерийской среды, быть может, еще в Передней Азии, поскольку имена, сходные с Партатуа (Прототий Геродота), известны были в Каппадокии в доскифскую эпоху (König F. W. *Alteste Geschichte der Meder und Perser.* — «Der Alte Orient», Leipzig, 1934, Bd 33, N. 314, S. 27). Совместно они пребывали в Армении в VII в. до н. э. и вступили в отношения с медами. За царем-вождем Каштаритой (Киакар Геродота) следуют гимиррай, саларды и мадаи. Возможно, геродотово сообщение о победе скифов над киммерийцами в какой-то мере связывает-

Ассирийцы пребывали с киммерийцами во враждебных отношениях, тогда как скифы выделились из киммерийской среды скорее всего в качестве союзников Ассирии. Киммерийцы же выступают в ассирийских документах в качестве союзников урартов. Однако ни ассирийские, ни даже греческие источники не дают почувствовать культурной и этнической разницы между киммерийцами и скифами: и те и другие — всадники, вооруженные луками, копьями, мечами, и те и другие имеют ираноязычные имена.

Из греческих источников известны два имени киммерийских вождей: Лигдамис (Λυγδαμῖς) — вождь малоазийских киммерийцев и Кобос (Κοβός) — вождь треров. Страбон отождествлял их с киммерийцами (Strab., Geogr., I, 3, 12). Первое из этих племен, по догадке Винклера⁸, было греческой формой киммерийского имени Дугдамме (Dugdamme или Dugdamma), известного из ассирийских текстов (ср.: скифо-иранское имя Τευταμός, засвидетельствованное Ктесием⁹). Имя это этимологизируется как ираноязычное, хотя некоторые и не считают его таковым¹⁰. В ираноязычной же форме передает ассирийский источник имя сына Дугдамме — Шандакшатра. Собственно, иранская лишь вторая часть этого имени — ksatra (царь), тогда

ся с сохранным Страбоном фактом столкновения скифского царя Мадия с Робом и Лигдамисом (Strab., I, 3, 21). Мадий при этом находился в союзе с Ассирией, а Лигдамис — с Урарту (см.: Дьяконов И. М. История Мидии. Л., 1956, с. 285, прим. 3; Он же, Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 207).

⁸ Winckler H. *Altorientalische Forschungen*, Bd 2. Leipzig, 1893, S. 492 f.

⁹ На одной из табличек архива Ашурбанипала Дугдамме назван среди вождей умман манда, в качестве царя племени сака угутум. Это племенное наименование содержит в своей первой части древнейшее упоминание этнонима Saka и тем самым ставит киммерийцев в связь с прикаспийскими саками. Кроме того, может быть позволительно представить себе вторую часть этого наименования — угутум, как некую модификацию имени Дугдамме? (Ср.: Junge J. *Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike.* — «Klio», Beih. 41, N. F., H. 28, S. 7). В. И. Абаев, в согласии с И. Гарматтой (Harmatta J. *Le problème Cimmerian*, p. 131), полагает, что киммерийцы, при всей их этнической неоднородности, имели ираноязычную верхушку. Согласен он и с И. М. Дьяконовым (История Мидии, с. 241) в том, что киммерийцы — доскифское самонаименование одного из племен, позднее слившихся со скифами (Абаев В. И. *Скифо-европейские* изоглоссы. М., 1965, с. 125 и сл.).

¹⁰ Lehmann-Haupt K. F. — *PWRE*, 1924, Halbb. 21, Sp. 424.

как первая — Sanda — идентична малоазийскому имени Sandas, Sandon, под которым известно древнемалоазийское божество, отождествляемое чаще всего с греческим Гераклом. Не исключено поэтому, что имя Шанда-, или Сандакшатра, возникло в киммерийской среде уже на малоазийской почве. В то же время имя это должно быть сопоставлено со скифским теофорным именем Санерг (Σανεργες IOSPE, IV, p. 290) и с царским скифским именем Саневг (Pар. Oxyrrh., X, 1241, с. 2)¹¹. Значительно более тесные связи с Ираном обнаруживает имя киммерийского вождя Теушпа (Teušpa), вероятно, отождествляющегося с известным из Геродота Теиспом, Теиспес (Herod., VII, 11), древнеперсидским Tsispis, сыном Ахемена и родоначальником династии Ахеменидов; киммерийское ее происхождение, подтверждается, возможно, еще и именем Ариарамн, составленным из ирано-скифских племенных наименований арии и рампы¹². Все эти обстоятельства позволяют видеть в киммерийцах, так же как и в скифах, появившихся в Передней Азии в VIII—VII вв. до н. э., восточноиранские племена, проникавшие в Северо-Западный Иран и Прикавказье из закаспийских степей. Первые проникновения северочерноморских и прикавказских племен в Пе-

¹¹ Ближние этому имена известны в Прикавказье и в несколько более позднее время. По свидетельству Фавста Бузанда (III, 6 — 7), царь западнокаспийских массагетов и брат Хосрова звался Санесан. Древнеармянский царь по имени Санадуг засвидетельствован Моисеем Хоренским. Известен также Санесан — царь гуннов и алан (Lozinski V. Ph. The Original Homeland of the Parthians. S.-Gravenhage, 1929, p. 37). В древней Иберии Сандон был известен как Заден (Картлис Цховреба; Меликишвили Г. А. Из истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 229). Отождествление скифского царя-родоначальника с Гераклом получило свое отражение и в одном из вариантов геродотовой легенды о происхождении скифов, где в качестве ипостаси Геракла выступает сын Зевса Таргитай, именем своим связывающийся с переднеазиатским божеством Деркето или Атаргатис (Траков Б. Н. Скифский Геракл. — КСИИМК, 1950, № 34, с. 7). Сравни также интересные предположения на этот счет, высказанные у И. М. Дьяконова (История Мидии, с. 241).

¹² Кир I был сыном киммерийца Теиспа и скифянки Шпако (по Геродоту — I, 110 — Шпако означает: собака-волчица), дочери или сестры Ишпакая. Киммерийцы и скифы вместе с мидянами под водительством Каштариты-Киаксара проникают в начале VII в. в Кирманшахей, завоевывают племя парсов (Parsuas) и захватывают Аншан, где Теисп (Tsispis) основывает около (568 г до н. э. царство Ахеменидов (König F. W. Op. cit., S. 31).

реднюю Азию прослеживаются по археологическим данным еще на рубеже III—II тыс. до н. э. Именно в это время элементы, характеризующие «куро-аракскую» культуру энеолита и ранней бронзы, мощной волной устремились в Сирию и Палестину по тем самым путям, какими гораздо позднее — через полтора тысячелетия — двигались киммерийско-скифские полчища ¹³.

К 1360 г. до н.э. относится клинописный документ из Боказкёя, содержащий договор между хеттами и царями Митанни, в котором читаются имена индо-иранских божеств, свидетельствующие о причастности митаннийцев культуре тех средне- и восточноазиатских племен, в среде которых они имели хождение ¹⁴.

Древние поселения и некрополи Северного Ирана (Тепе Гиссар и Тепе Сиалк в первую очередь) обнаруживают, уже и для эпохи бронзы, определенное культурное родство с закаспийскими странами — с памятниками типа Анау V и IV, Намазга тепе III, Яз тепе I и др., особенно в отношении форм и орнаментики керамики ¹⁵. Наиболее же отчетливо проникновение элементов степных кочевнических культур в области Северного Ирана прослеживается, начиная от рубежа II—I тыс. до н. э., с распространением культуры раннего железа, когда на некрополях А и В Тепе Сиалка появляются захоронения с керамикой, украшениями и принадлежностями конского убора (удилами и псалиями), предметами вооружения из бронзы и железа (кинжалы и наконечники копий), обнаруживающими весьма близкое соответствие оружию хеттских, а отчасти и микенских центров, но наряду с этим — котлы для варки мяса, явно связанные с кочевым бытом, а также костяные и бронзовые (черешковые и втульчатые) наконечники стрел, характерно доскифских и раннескифских форм ¹⁶.

¹³ Иессен А. А. Кавказ и древний Восток в IV и III тыс. до н. э. — КСИА, 1963, № 93, с. 5 и сл.

¹⁴ Childe G. The Arians. A Study of the Indo-European Origins L., 1926, p. 18.

¹⁵ Массон В. М. Древнеземледельческие культуры Маргианы. — МИА, Л., 1959, № 73, с. 93 и сл.

¹⁶ Ghirschan R. Fouilles de Sialk pres de Kashgan, vol. 1 — 2, 1938/39. Основываясь на рассмотрении содержимого могил № 15 (могила всадника) и № 7 некрополя В, характерных во многих отношениях для всего некрополя, Р. М. Бёмер стремился уточнить его дату. Он выделяет изображение на каменном цилиндре-печати;

родственные в некоторых отношениях находки известны из могильных комплексов Луристана; так, на Тепе Гуране обнаружены захоронения с бронзовыми кинжалами и железными украшениями, свидетельствующими о принадлежности этих могил к ранней поре эпохи железа. Найденная на Тепе Гуран керамика имеет аналогии в погребениях некрополя В Тепе Сиалка¹⁷. В этой же связи должны быть упомянуты находки в Гасагду (в Северном Иране) и в Талыше (в Иранском и Советском Азербайджане), равно как в курганах Мингечаура и в некоторых других памятниках Мильской степи и, в частности, в раскопанном А. А. Иессеном Малом кургане близ Кямилътепе, относящемся ко второй половине VII в. (с конским черепом, предметами конского убора и лощеной керамикой)¹⁸.

Некоторые из могил некрополя В Тепе Сиалка выложены из каменных плит, как это нередко можно было наблюдать на некрополях эпохи поздней бронзы и раннего железа на Кавказе и в Сибири. Подобные подкурганые каменные ящики раскапывались Де Морганом в начале нынешнего столетия в районе азербайджанского Талыша¹⁹. Погребения Талыша относятся к эпохе раннего железа (отчасти, может быть, еще и поздней бронзы) и содержат материал, до некоторой степени родственной соседним закавказским культурам и в кое-каких отношениях перекликающийся с прикавказско-кочевническими. Например, в одном из погребений в Ага-Эвларе найдены части же-

по сторонам фантастического животного с раздвоенным хвостом представлены всадники со среднеазиатскими прическами в виде косичек. Такая же прическа изображена на раскрашенном черепке глиняного сосуда (Гиршман, Указ. соч., т. 2, табл. 90,2). Конские украшения на этих изображениях близки соответствующим изображениям на ассирийских рельефах времен Тиглатпаласара III и Саргона II, что позволяет датировать некрополь В второй половине VIII в. до н. э. (Boemer R. M. Zur Datierung der Nekropole В von Тепе Sialk.— «Archaeologischer Anzeiger», 1965, Н. 4,

¹⁷ Thrane H. Tepe Guran and the Luristan Bronzes.— «Archaeology», N. Y., 1970, N 1, p. 27f.

¹⁸ Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильской степи.— «Труды Азербайджанской археологической экспедиции», Л., 1965, вып. 2, с. 32 и сл. (МИА, № 125).

¹⁹ Morgan H. de. Recherches au Talyche Persan en 1901.— In: Mémoires de Delegation en Perse, vol. 8. p., 1905, p. 251, 328, fig. 792-811; p. 314, fig. 627.

лезной уздечки с трехпестельчатыми псалиями, а также железный топор, близкий скифскому типу. Там же найдены бронзовые фигурки лося и быка с короткими рогами, исполненные в кавказском зверином стиле. Де Морган допускает возможность принадлежности этих, называемых им дольменными, погребений племенам каспиев или (в более поздних случаях) относящихся к их числу кадусиев, которые в раннюю пору, вероятно, входили в киммерийско-скифские союзы племен, продвигавшиеся в юго-западном направлении в области Северного Ирана и в Закавказье. В талышских погребениях встречаются двугерые бронзовые и железные наконечники стрел раннескифских типов, а также железные ножи и кинжалы, с перекрестьями, скифо-сибирских форм. Последние отмечены Де Морганом на некрополе Муси Иери и в других пунктах на Лельваре ²⁰.

К более поздним памятникам Талыша, помимо лельварских могильников, примыкают в качестве близкородственных, находки в области ганджа-карабахской культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа, прежде всего в курганах Ханлара (Еленендорфа) — культуры, истоки которой относятся, видимо, еще ко II тыс. до н. э., судя по находке в могильнике Ходжалы II бусины с клинописной надписью, упоминающей Ададнирари I (1310—1281 гг. до н. э.) ²¹. Бронзовые изделия, в частности предметы вооружения из курганов Ганджи (Ханлара), имеют западнокавказский (хеттский) облик. Бронзовые украшения и изображения на керамике относятся к кругу кобанской культуры, тогда как погребальный обряд и конские захоронения вызывают представления о быте азиатских кочевников раннескифского времени ²².

Отправляясь от работ Нестора, Хорвата, Гарматты, Сулимирского, Ганчара, Крушнова ²³ и других, посвящен-

²⁰ Morgan J. de. La préhistoire orientales, vol. 3. P., 1927,

²¹ Мешанинов И. И. Археологическая экспедиция в Нагорный Карабах и в Нахичеванский край, — ИГАИМК, 1926, вып. 1, с. 218 и сл., 223 и сл.

²² Hancar F. Kaukasus-Luristan. — ESA, 1934, Bd 9, S. 47 f.

²³ Nestor J. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. — 22 Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1933, S. 133 f.; Gallus J. et Horvath T. Un peuple cavalier préscythique en Hongrie, vol. 1—2. Budapest, 1939; Harmatta J. *Le problème*

ных предметам доскифского и раннескифского вооружения и конской сбруи в кругу кавказских, северочерноморских и прикарпатских культур, А. А. Иессен проследил, начиная с комплекса Новочеркасского клада, распространение и хронологию металлических частей конской уздечки предскифской и раннескифской эпохи. Под именем Новочеркасского клада фигурируют вещи из инвентаря разрушенного раннекочевнического погребения, открытого в 1939 г. Это небольшой, но типичный «киммерийский» комплекс, состоящий из бронзового топора кобанского типа, двукольчатых удилов, трехплетельчатых псалий и круглых бляшек с крестообразными украшениями. По форме удилов и псалий Новочеркасский клад относится к древнейшему периоду существования металлических деталей конской узды. Иессен датирует его рубежом VIII—VII вв. до н. э., т. е. примерно как раз тем временем, к которому относятся первые известия о киммерийцах в ассирийских источниках.

Близкий к новочеркасскому кладу, хотя и более поздний материал найден был на склоне горы Бештау. Этот более разнообразный комплекс имел в своем составе также бронзовый котел с кольцеобразными ручками, напоминающий сибирские котлы из-под Минусинска. У хуторов Кубанского и Алексеевского и у Эссентуков найдены были близкие по характеру предметы кочевнического обихода, относящиеся к предскифскому времени²⁴. Аналогичные предметы были получены и из других пунктов Северного Кавказа, при этом уже не из степных, а из горных местностей — в Кобанском могильнике (Северная Осетия), в Каменномостском могильнике (Кабардино-Балкария), а также в Нальчикском кургане²⁵, в могильнике кобанского типа у с. Сержень-Юрт (Южная Осетия),

kimmerien.— «Archaeologiai Ertesito», 1948, № 7-9, p. 79 s.; Sulimirski T. Die thrako-kimmerische Periode in Südostpolen.— «Wiener Præhistorische Zeitschrift», 1938, № 25, S. 143 f.; Hancar F. Op. cit., S. 107 f.; Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабарде в 1948 г.— «Учен. зап. КНИИ», 1950, вып. 5, с. 265 и сл.; ср.: Он же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 110 и сл.

²⁴ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII — VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР.— СА, 1953, № 18, с. 49 и сл.

²⁵ Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабарде в 1948 г., с. 265; Он же. Древняя история Северного Кавказа, С. 126.

где мужские захоронения сопровождалось оружием, иногда и конскими скелетами с бронзовыми деталями уздечек «киммерийского» характера, позволяющими датировать могильник VIII—VII вв. до н. э. Материал предскифского и раннескифского времени получен в погребениях Тлийского могильника (Южная Осетия), в Трельском могильнике близ Тбилиси и в Боржомском ущелье²⁶. Могилы воинов предскифского времени, в сопровождении конского захоронения, известны на могильнике Куланурхва в Абхазии, а также в Двани²⁷. Находки, произведенные при раскопках могильника у с. Брили, в верховьях р. Риона, дополняют представления о присутствии в глубинных местностях Кавказа воинов-кочевников киммерийского и раннескифского облика, знакомого по приведенные выше данным. Могилы в Брили, относящиеся к VII—VI вв. до н. э., содержат железные акинаки, топоры-секиры, изогнутые ножи, а также украшения из бронзы и кости в кавказском и раннескифском зверином стиле.

Нужно добавить, что на Северном Кавказе представлены бронзовые предметы, казалось бы более характерные для степных культур Северного Причерноморья и Приднепровья,— такие, как бронзовые наконечники копий с прорезными лезвиями, кельты с одним или двумя ушками, серпы с загнутыми черешками и кинжалы с перехватами у черешка («срубного» типа), т.е. тот материал, который признается показательным для предскифских комплексов названных местностей²⁸. Подобные находки сделаны были случайным порядком в верховьях Кубани, в Теберде и в других, расположенных далее к востоку местностях Северного Кавказа. В одном случае они извлечены из распаханных курганов (близ ст-цы Удобной Краснодарского края)²⁹. Их можно было

²⁶ Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с. 95 и сл.; Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 417 и сл.

²⁷ Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культуры в с. Куланурхва. Сухуми, 1962; Макалатия С. И. Раскопки Дванского могильника.— СА, 1949, № 11, с. 225.

²⁸ Гобеджишвили Г. Ф. Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952.

²⁹ Анфимов Н. В. Находки предметов эпохи бронзы близ ст. Удобной.— СА, 1957, № 4, с. 155 и сл.; Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 116 и сл.

бы считать предметами импорта из причерноморских степей в Предкавказье, если бы при исследовании большого, происходящего из Прикубанья материала А. А. Иессен не показал убедительным образом вероятность местного производства этого рода находимых на Кавказе изделий³⁰. При решении вопроса о местах выработки форм подобных предметов следует учитывать не только то, что наибольшее их количество (включая и соответствующие литейные формы) относится к Северному Причерноморью и Приднепровью, но также и то, что металлурги Кавказа во многих случаях оказывались создателями типов бронзовых и железных орудия и оружия, распространенных в скифском мире³¹. Импорт продукции кавказской металлургии в первые века I тыс. до н. э., отчетливо прослеживаемый по топорам кобанского типа, не менее убедительно подтверждается находками бронзовых сосудов «галыштатского» типа в Приднепровье (исполненных в технике сосудов Жемталинского клада, происходящих с Кавказа) и других многочисленных бронзовых изделий Северного и Центрального Кавказа³².

Культурные связи Приднепровья с северокавказскими, приволжскими и зауральскими местностями, как, вероятно, и рейды кочевых племен из Заволжья и Прикавказья в Приднепровье, имели место уже в доскифское (в частности, в чернолесское) время, что подтверждается, по-видимому, некоторыми уникальными находками, вряд ли объяснимыми лишь обменом. Так, на Московском городище Киевской обл. найден обломок диоритового топора, ближайшая аналогия которому есть в Каменноостском могильнике, в Кабарде. На Субботовском городище найден обломок ступки из серого сланца — точное подобие ступки с поселения андроновской культуры у с. Алек-

³⁰ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии. — МИА, 1951, № 23, с. 86 и сл.

³¹ Гобедришвили Г. Ф. Памятники древнегрузинского горного дела... — «Сообщения АН ГрССР», 1952, № 3, т. 13, с. 188.

³² Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 128 и сл. На белозерском этапе (IX — VIII вв. до я. э.) на Нижнем Днепре встречаются вислобушные топоры северокавказских (кубанских) форм и наконечники стрел кубанских типов (Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. — МИА, 1955, № 46, с. 146). Находки эти отнесены к сабашиновскому этапу.

сеевки Кустанайского р-на (на р. Тобол)³³. Об этом же свидетельствуют спорадические находки в Приднепровье клепаных бронзовых котлов предскифского и раннескифского времени, подобия которым известны на Средней и Нижней Волге. Имея в виду находку кованного из нескольких бронзовых листов котла, с двумя вертикальными ручками на венчике, у с. Антонины на Воляни, по технике и форме совершенно идентичного котлам из Куйбышевского музея и из с. Тараша Киевской обл., можно допустить, что география подобных находок указывает один из путей кочевнических передвижений с востока на запад и для него найдутся некоторые топонимические ориентиры³⁴. А распространение к западу от Днепра предскифских форм колющего оружия (железных кинжалов с прямыми перекрестиями и бронзовыми рукоятями), конскоп сбруи в виде двукольчатых удиц и трехпестельчатых псалтий свидетельствует о проникновении в Центральную Европу кочевнического быта, сложившегося где-либо в поволжских или донских степях.

Относя к числу киммерийских захоронения, обнаруженные в Каменноостковом могильнике, в так называемом Новочеркасском кладе, а также в курганах: Симферопольском, Обрывском, Черногородском, Камышевахском, Малой Цимбалке, Широком кургане (у с. Малая Лепатиха Херсонской обл.), как и находки на чернолесских городищах Среднего Поднепровья, А. И. Тереножкин в последующих работах присоединяет к ним курганы у с. Зольное близ Симферополя, у с. Бутенки Кобелякского р-на, у с. Носачева Смелянского р-на, могильник у хутора Суворовского Измаильского р-на, наконец — курганы у с. Балки на Запорожье и у хутора Верхнеподпольного близ Ростова-на-Дону. Это все преимущественно воинские захоронения предскифского периода, датируемые VIII—VII вв., обнаруживающие в инвентарях (предметы вооружения и конской упряжи) признаки северокавказских связей.

Группируя перечисленные комплексы как киммерийские, А. И. Тереножкин настаивает на их местном при-

³³ Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961, с. 86 и сл.

³⁴ Antoniewicz V. Vase en bronze de Volynie — ESA, 1934, vol. 9, p. 191 s.

черноморском характере, возражая Е. И. Крупнову и другим исследователям, стремившимся связать этот «киммерийский» материал с Прикавказьем³⁵. Существенным обстоятельством при решении вопроса о культурной принадлежности «киммерийского» материала Северного Причерноморья является его незначительность и разбросанность. Хронология его также не может считаться разработанной настолько точно, чтобы можно было пытаться достаточно четко разграничить комплексы VIII и VII столетий, а эти последние строго отделить от комплексов начала VI столетия. Вследствие этого в картине северочерноморского киммерийского мира продолжает господствовать та же смутность и неопределенность, какал является из анализа письменных источников: сведения исторического характера о северочерноморских киммерийцах, которыми мы обязаны древнегреческим авторам, насквозь легендарны, как и «киммерийская» топонимика Веспора, связанная не столько с реальными киммерийцами, ибо возникла лет на двести позже их существования, сколько с теми же легендами, сложившимися среди причерноморских греков³⁶.

Отграничение северочерноморских «киммерийцев» от самых ранних скифов также наталкивается на затруднения. Поскольку все скифские комплексы определяются по наличию в их орнаментике элементов звериного стиля, а киммерийские — по его отсутствию, то нельзя не обратить внимание на то, что этот стилистический критерий приобретает более географическое, чем хронологическое значение: памятники геометрического стиля, характеризующие «киммерийское» искусство, в общем тяготе-

³⁵ Тереножкин А. И. К истории изучения предскифского периода. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973. Ср.: Он же. Киммерийцы. М., 1964. (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).

³⁶ Легенда об изгнании киммерийцев скифами из Северного Причерноморья связывается Б. Н. Граковым (Скифы. М., 1971, с. 27) и М. И. Артамоновым (Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 13) со сменой катакомбной культуры срубной. Второй из названных авторов поздние проявления катакомбной культуры в Северо-Западном Прикаспии и Приазовье склонен связывать с задержавшимися там киммерийцами. Историчность легенд об изгнании скифами киммерийцев, с допущением того, что киммерийцы «принимали участие в разрушении Трои VIIa», признает также А. М. Хаанов (Социальная история скифов. М., 1975, с. 208).

ют к западу, древнейшие же проявления скифского звериного стиля, относящиеся еще к VII в. до н. э. (времена существования исторических киммерийцев), — к востоку, к области его возникновения. Поэтому прав скорее А. А. Иессен, квалифицирующий Новочеркасский клад и другие, близкие ему по характеру и по времени погребальные комплексы как киммерийско-скифские, полагая, видимо, что носители того и другого племенного наименования в культурно-этническом отношении являли в VII в. значительное единство³⁷.

Западные границы Скифии, очерченные Геродотом с захватом Нижнего Придунавья, не соответствуют действительности для его времени, потому что существование Скифии к северу от Дуная и к западу за Днестром не подтверждается в достаточной мере ни историческими, ни археологическими данными. Тем большим анахронизмом (и даже вовсе противоречиво по отношению к общей его концепции Скифии) звучит приводимое Геродотом

наименование «Старая Скифия» (ἡ ἀρχαία Σκυθία — IV, 99) применительно к пространству западнее Днестра. Наименование это может быть понято и оправдано лишь в том случае, если представить себе, что эта территория была занята кочевыми племенами еще в киммерийскую эпоху. В подтверждение можно указать значительный археологический материал, прослеживающийся еще с эпохи бронзы особенно в Подолии и в Венгрии.

Разумеется, материал этот придется подразделять на «киммерийский» и скифский преимущественно по хронологическому признаку, так как в культурном отношении он в значительной мере однороден. В нем, правда, прослеживаются две струи: кавказская, связанная с кругом кобанской культуры, и поволжская, связанная с ранне-сарматским культурным кругом. На основании этих признаков соответствующим группам археологических памятников можно придать вышеуказанные наименования. Условность этих обозначений проистекает из недостаточной четкости соответствующих археологических комплексов, ориентирующий материал которых — предметы вооружения и украшения, с известной примесью местных компонентов.

³⁷ Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII — VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. — СА, 1953, № 18, с. 49 и сл.

Из числа погребений доскифского периода на Среднем Днестре известны небольшие курганы близ с. Лука Врублевцевская Каменец-Подольского р-на. В кургане №4 обнаружены пять скорченных костяков, лежавших в два яруса. Центральное положение в могиле занимали два костяка. Один находился у северной стенки камеры в сидячем положении, как это нередко приходится наблюдать на Кавказе и в Северном Иране в могилах эпохи поздней бронзы. При погребенных найдены обломки керамики раннескифских типов³⁸.

Т. Сулимирским опубликовано одно из подкурганных погребений Комаровского могильника³⁹, содержание которого позволяет констатировать связи с доскифскими культурами Восточной Европы, вплоть до срубной и сейминской. В составе инвентаря этого погребения — бронзовая булавка с плоской ромбической головкой, типа головки серебряной булавки Бессарабского клада, не столь далекие параллели которой известны на Кавказе⁴⁰; обломок бронзового кинжала с рифлением на средней части лезвия, позднесрубного типа, и обломок бронзового сосуда, с орнаментикой, также напоминающей орнамент керамики позднесрубной культуры. Предметы, подобные описанным, а также бронзовые серпы и кельты, именуемые иногда «семиградскими» (но литейные формы для которых находят на Украине, вместе с кинжалами и наколочниками копий, а также булавами с цапфами пониже головки, характерного для срубной культуры и предскифских культур Прикавказья вида), встречаются на территории прикарпатских культур предскифского и раннескифского времени большей частью в качестве случайных находок. К этому же времени относится и знаменитый Михалковский клад золотых украшений, найденный в ареале комаровской культуры⁴¹.

³⁸ Шовкопляс Т. Г., Максимов Е. В. Дослідження курганного могильника Предкіфського часу на Середньому Дністрі. — «Археологія», 1952, № 7, с. 89 и сл.

³⁹ Sulimirski T. Barrow-Grave 6 at Komarow. — «Bulletin of the Institute of Archaeology», 1964, № 4, p. 171 f.

⁴⁰ Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 228.

⁴¹ Т. Сулимирский (Die Thrako-Kimmerische Periode..., S. 151) датирует его 600 — 550 гг. до н. э. по позднейшим из входящих в него предметам, относя его к эпохе, переходной от трако-киммерийской к скифской. С кладом из Михалкова должны быть сопостав-

Аналогичные находки отмечены и западнее, на территории Венгрии, в бассейне рек Мароша и Тиосы. Находки, имеющие параллели в материале восточноевропейских степных и прикавказских кочевых культур, прослеживаются на указанной территории, начиная от эпохи развитой бронзы. Значительную близость к позднебронзовым культурам Прикавказья обнаруживают инвентаря могил, открытых близ с. Орошвар на берегу Дуная, у границы Чехословакии и Австрии, в составе которых много бронзовых предметов: спиральные подвески и колокольчики, булавки с листовидными уплощенными головками и шейные гривны. Скелеты лежали в скорченном положении, и при одном из них обнаружен череп лошади. Таков же характер находок в Гросгофлейн-Фёллик: в подкурганной, с завалом из камней, могиле, по сторонам нескольких человеческих скелетов, лежавших в скорченном положении, находились конские скелеты или черепа. Лошади были азиатского типа, керамика — с орнаментикой, характерной для восточноевропейских предскифских культур⁴². К концу эпохи бронзы относятся

лены и некоторые другие находки: клад из Олешова, содержащий большое количество бронзовых кельтов и других предметов, орнаментированный костяной псалей из Бельца — округ Сокол (Sulimriski T. Op. cit., S. 143). С этими прикарпатскими находками сопоставляется также клад золотых сосудов и их фрагментов из Вальчитрана в Болгарии (Reinecke P. Ein neuer Goldfund aus Bulgarien.— «Germania», 1925, № 9, S. 50 f.), с орнаментикой, содержащей позднемикенские и гальштатские элементы, прослеживающиеся вплоть до Бессарабского клада. Рейнеке склонен был относить этот клад к VII — VI вв. до н. э. и связывать его с киммерийского-агафирской культурой. По его мнению, объекты клада изготовлены в Семиградье из металла, добытого там же, и попали в землю во время скифского нашествия. В связи с этими находками может быть упомянут еще и фрагмент золотого кинжала из Персинари-Плоэшти, формой своей напоминающего близкие к позднехеттским мечи и кинжалы из Тепе Сяллка и Тальша (Condurachi E. L'archéologie roumaine au XX siècle. Bucarest, 1963, tab. 3, 1).

В землянках и хозяйственных ямах на поселении раннескифского времени у с. Супостав Тернопольской обл. встречаются в одних и тех же горизонтах керамика голиградских типов и керамика комаровской культуры (что свидетельствует о их известной синхронности), в пределах VII в. до н. э. (Свешников К. Поселения раньескифского часу біля с. Сухостав.— «Археологія», 1957, № 11, с. 106 и сл.).

⁴² Roszegi F. The Bronze Age Cemetery at Orozvar (Tusovce) — «Folia Archaeologica», 1958, № 10, p. 57 f.

еррп- находки скелетов лошадей азиатской породы (тарпанов)
одки, в нижних слоях поселения Тосег⁴³. К несколько более
гских позднего времени, а именно к рубежу VII—VI вв. до н. э.,
кива- относятся находки на некрополе Сентеш Векерзуг, на
азви- Средней Тиссе, где конские остатки сопровождалась ран-
звым- нескифским материалом: бронзовыми и железными нако-
огил, нечниками копий и стрел, топорами, акинаками, кресто-
щцы образными бляхами для подвешивания горитов или кол-
ного чанов, бронзовыми зеркалами так называемого «ольвий-
здь- ского» типа. Некрополь содержал вытянутые, скорченные
ками и кремированные погребения, значительно различавшие-
голо- ся по составу инвентаря. Более богатыми оказывались по-
геди. гребения с предметами вооружения, но наиболее пышным
лик: было захоронение женщины (могила № 27), имевшее над
сто- собой бревенчатый накат. По устройству своему эта могила
х в сравнивается М. Пардуцем со скифскими захоронениями
или полтавской группы⁴⁴. При двух могилах обнаружены ос-
ор- татки колесниц, погребенных вместе с лошадьми (по паре
ред- при каждой колеснице), а также могилы с отдельными
ется конскими захоронениями. Несмотря на то, что погребения
содержали наряду со скифскими также и местные (запад-
но-«галыштатские») предметы, их все-таки, видимо, сле-
дует связывать не с местной, а с предскифской и ранне-
скифской культурой, поскольку известные далее к западу,
в Богемии и на территории распространения печельской
(баденской) культуры, галыштатские погребения с колес-
ницами лишены конских захоронений.

К юго-западу от территории комаровской культуры
в предскифское и скифское время была известна кушта-
новицкая культура: она охватывает ряд могильников
(Бильке Станово, Голубина Колодне и др.), а также не-
сколько поселений. Эта культура рассматривается ее ис-
следователями как скифо-галыштатская, где скифский
элемент считается привнесенным, а удельный вес его
расценивается по-разному. Следует, однако, учитывать,
что в куштановицкой, как и в комаровской культуре,
предскифскими (и скифскими) являются не только ору-

⁴³ Bökoniy S. Les chevaux scythiques du cimetière de Szentes-
Vekerzug. — «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hunga-
ricae», 1952, vol. II, p. 172 s.

⁴⁴ Parducz M. Le cimetière hallstien de Szentes-Vekerzug. —
«Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1952,
vol. 2., p. 143.

жие, но частично и керамика, а также и погребальный ритуал⁴⁵. Один из исследователей этой культуры находит возможным считать ее в основе скифской, но приобретшей некоторую местную окраску⁴⁶.

Эгейское культурное влияние на районы Придунавья прослеживается с очень древних времен и становится особенно отчетливым в эпоху расцвета микенской культуры. На Балканах и к северу от Дуная, в бассейне Тиссы, известно до десятка находок позднемикенских мечей⁴⁷. Микенское влияние сказывается больше всего в керамической и металлической орнаментике и в формах предметов, несомненно, местного происхождения. Гальштатские формы и орнаменты возникли в значительной мере в порядке освоения эгейских культурных элементов. Культурное взаимодействие Эгеиды и Придунавья не прерывалось и в раннегеометрическую эпоху, о чем свидетельствуют формы и орнаменты драгоценностей клада в Вальчитране и других подобных по времени и характеру изделий.

Следы влияния микенского и геометрического ремесла и искусства на культуру ранних скифов чрезвычайно существенны в области таких самобытных явлений скифской культуры, как звериный стиль, и ставят целый ряд проблем о путях этого влияния, которые, вероятней всего, проходили и через Придунавье и через Малую Азию. Поэтому представляются недостаточно убедительными попытки установления приоритета Придунавья в процессе распространения на Кавказе эгейских и гальштатских форм и художественных традиций⁴⁸. Нельзя, впрочем, не

⁴⁵ Lengyel J. Beiträge zur Ursprungsfrage der Kustanovice Kultur.— «Folia Archaeologica», 1960, vol. 12, p. 61 f. Г. Н. Смирнова и К. В. Брянкович (Происхождение и хронология памятников куштановицкого типа Закарпатья, — «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», 1965, вып. 7 с. 89 и сл.) стараются преуменьшить значение киммерийско-скифского компонента куштановицкой культуры и всячески подчеркивают компоненты голиградско-гальштатские.

⁴⁶ Потушняк Ф. М. Археологічні знахідки бронзового та залізничного веку в Закарпатті. Ужгород, 1958, с. 99 и сл.

⁴⁷ Condurachi E. Influence grecque et romaine dans le Balkan (VIII Congrès International d'Archéologie Classique, Paris 1963). P., 1965, p. 317.

⁴⁸ Gazdapustai Gy. Beziehungen zwischen Praskythischen Kulturen des Karpatenbeckens und des Nordkaukasus.— «Acta Antiqua et Archaeologica», 1964, Bd 5, S. 10.

обратить внимания и на обратный процесс некоторого проникновения форм и самих предметов обихода из Придунавья в Эгейский бассейн, и в частности в Аттику, в эпоху гальштата, так как во время раскопок на афинской агоре обнаружены предметы вооружения и конского убора скорее всего трансильванского происхождения⁴⁹.

Предскифские (восточноевропейские и кавказские) элементы куштановицкой культуры прослеживаются уже и в культуре ноа, частично совпадающей с куштановицкой по ареалу и предшествующей по времени. Во всяком случае, культура ноа знает чаши с высокими петлеобразными ручками, с выступами а cilindro getto. Эти чаши связывают придунаиские культуры эпохи поздней бронзы и начала железа, с одной стороны, с Прикавказьем и кизилкобинской культурой Крыма, с другой — с балкано-фракийскими (голиградского типа), восточноальпийскими и североиталийскими культурами раннего гальштата. Связи с кавказско-причерноморским миром прослеживаются и по костяным наконечникам стрел⁵⁰. Куштаовицкая культура возникает в VIII—VII вв. до н. э. и в ранних своих проявлениях имеет много общего с чернолесской культурой, а позднее — со скифской культурой Причерноморья (анalogии в области керамики — на Каменском городище, в ольвийском и курганном материале)⁵¹.

Памятники этого рода есть и далее к югу, в Болгарии, где в местности, у ст. Равна (Варненский округ) раскапывался некрополь, содержащий погребения с сожжением, иногда в каменных ящиках, и с инвентарем, близким к раннескифскому: железные ножи с кольцевым навершием на ручках, двуспиральные фибулы и керамика форм, близких панноно-италийским, и предскифским (баночные сосуды с налепными валиками, со вмятинами по верхнему краю, а также сосуды с петлеобразными ручка-

⁴⁹ Foltiny S. Athens and the East Hallstat Region.— AIA, 1961, vol. 65, № 3, p. 283.

⁵⁰ Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Подднестровья. — МИА, 1953, № 64, с. 18 и сл.

⁵¹ Lengyel J. Beitrage zur Ursprungsfrage..., S. 61 f.

ми). По этому материалу могильник может быть датирован VII—VI вв. до н. э.⁵².

В Истрии и в восточной части долины р. По известны единичные случаи конских захоронений, иногда с человеческими скелетами при них⁵³. На некрополе Эсте подобное захоронение произведено не позднее чем в VII в. до н. о. В известном кладе бронзовых вещей и их обломков, найденном в Болонье (так называемая *fonderia di Bologna*) и относящемся к эпохе Вилланова, найдены удила, напоминающие луристанские. Удила с псалями в виде стилизованных фигурок лошадей кавказско-луристанского типа найдены также на некрополе **Беначчи I** в Болонье (VII в. до н. э.). И наконец, в **Вадене** близ р. Адидже (в Венетии) исследован некрополь с сожжениями в глиняных урнах, которыми служили горшки баночных форм или близких им, с углубленным геометрическим орнаментом или с наклепными валиками по верхней части сосуда, как в предскифских культурах днепровско-днестровского бассейна. Среди находившихся в этих урнах **приношений** — бронзовые витые удила карасукского или северо-иранского типа, псалии в виде конских фигурок кавказско-луристанского образца, ножи и булавки, сходные с **кобанскими**⁵⁴.

Как уже говорилось, предскифские памятники Северного Причерноморья могут быть связаны с **исторически-**

⁵² **Мирчев** М. Раннетракийский некрополь при Равна (Варненско). — «Археология», 1960, т. 2, № 1, с. 29 и сл. Констатируя, что сходство кавказско-кобанских предметов с соответствующим придунайскими находками не прослеживается до полной их идентичности, **Ф. Ганчар** указывает на факт распространения гальштатских керамических форм в раннескифское время через Украину (днепровско-днепровские городища, Вельское городище) на Кавказ (Моздокский могильник, Нальчик, Пятигорск, Кисловодск, Луганск и Урус-Мартан в Чечне). Именно эту **восточногальштатскую** культуру Ганчар именует киммерийской культурой Северного Причерноморья, полагая, что она предшествует скифской и развилась под культурным влиянием Придунавья и в результате переселений из Придунавья на восток, вплоть до Северного Кавказа; доказательство же этого он находит во «фракийских» гидронимах Причерноморья и **Предкавказья**, распространение которых, разумеется, сообразней представить себе в противоположном направлении (**Hancar F.** *Kaukasus-Luristan.* — ESA, 1934, Bd 9, S. 89).

⁵³ **Ducati P.** *Storia di Bologna.* I. Firenze, 1928, p. 69.

⁵⁴ **Laurenzi L.** *La civiltà villanoviana...* — «Documenti e studi», *Bologna*, 1960, № 6, p. 24, tab. 17.

ми **киммерийцами** лишь условно, поскольку письменные свидетельства о северочерноморских киммерийцах, включая и «киммерийскую» топонимику в районе Боспора, имеют преимущественно легендарный **характер**⁵⁵.

Иное дело, когда речь заходит о Передней Азии, Прикавказье, Малой Азии, отчасти также и о Балканском полуострове. Для всех этих стран сведения о киммерийцах приобретают большую или меньшую конкретность. Греческие авторы сообщают ряд топонимических и этно**имических** данных, позволяющих наметить некоторые вехи на путях перемещений киммерийских племен, указать в иных случаях, откуда и куда они передвинулись на протяжении не столь уж значительного времени, потому, что имя киммерийцев всплывает лишь в VIII в., а к VI столетию оно уже исчезает с исторической сцены.

В то время как ассирийские источники знают киммерийцев в Прикаспии и **Прикавказье**⁵⁶, греческие авторы локализуют их преимущественно на северо-востоке (в Каппадокии) и на северо-западе (в Пафлагонии, Вифинии и в Троаде) Малой Азии.

Проникнув через Северный Иран в Малую Азию в **70-х** гг. VII в. до н. э., киммерийцы уничтожили фригийское царство, разрушив и разграбив столицу его — Гордион, где раскопками обнаружены значительные следы их **пробытия**. Помимо бронзовых наконечников стрел раннескифских типов, найденных при расчистке оборони-

⁵⁵ Гомеровский эпос не знает имени скифов, а киммерийцам (Одиссея, XI, 14) придает неопределенную северную локализацию (близ врат Аида). Илиада (XIII, 6) обозначает северных кочевников лишь описательными эпитетами. Гомеровские **гишнемолги** и галактофаги — это киммерийцы, а не скифы. Такой вывод следует, видимо, из Каллимахова гимна «К Артемиде», в котором он называет киммерийцев, а не скифов, «доителями кобылиц» (ст. 253 sq.:

ἐπὶ δὲ στρατῶν ἰλημολγῶν ἤγαρεκκιμερίων ψαμμάθωι ἴσον).

А то обстоятельство, что Гесиод именует скифами **гишнемолгов** (Охутгн. Раругн, vol. 11., L., 1915, p. 48), означает, вероятно, лишь известную «модернизирующую» реакцию на появление на греческом горизонте нового кочевнического имени, подобного по его политическому резонансу имени киммерийцев и в какой-то мере его уже к тому времени заменившему.

⁵⁶ Любопытно, однако, то, что урартские надписи, называя ряд племенных имен, из которых иные поддаются отождествлению с именами, зафиксированными по-гречески и локализованными на Кавказе в области киммерийских племен, самого имени **киммерийцев** не употребляют.

• тельных сооружений **Гордиона**, в городе и на некрополе обнаружены бронзовые украшения, принадлежности конской сбруи, а также конские захоронения. Весь этот материал по стратиграфическим данным можно отнести к VII—VI в. до н. э. В более позднем горизонте (V в. до н. э.) обнаружены железные пластины нагрудника ирано-скифского типа, который, разумеется, мог принадлежать (если только он не попал в этот горизонт из более древнего слоя) одному из скифских конников ахеменидского войска. Почти каждый сезон раскопок в Гордионе приносил материалы, свидетельствующие о культурных явлениях, так или иначе связанных с **североиранскими** и **кавказскими** культурами «киммерийского» толка. Так, в кургане Р, под слоем твердо сбитой глины, как в некоторых курганах на Нижнем Днепре, в деревянной камере, сооруженной из балок четырехугольного сечения, с двойной кровлей, заваленной камнем, в одном из бронзовых котлов урартского типа (без поддона) **найлены** деревянные украшения-аппликации деревянных же сосудов **киммерийско-скифского** стиля: фигурка льва, нападающего на быка; фигурка ирано-сибирского типа, с характерной для скифского звериного стиля формой ушей: с обращенными внутрь завитками; фигурки крылатой лошади и быка в ярме, с отверстиями для инкрустированных глаз; фигурка скачущего оленя; фигурка коня, с телом, украшенным концентрическими кружочками, в стиле, напоминающем украшения бронзовых, инкрустированных серебром **фигурок** из Алача **Гейюк**⁵⁷.

По мнению Р. Юнга, описанные находки относятся ко времени, непосредственно предшествующему сохраненной источниками дате киммерийского нашествия. В мегароне № 3, тоже в «докиммерийском» слое, найдены аппликации из кости с рельефными изображениями: олень, в скифском стиле, обращенный вправо, с повернутой назад головой; грифон, держащий в зубах рыбу; конный **воин** в шлеме, с загнутым вперед шишаком, с копьем и небольшим круглым щитом; лошадь под ним кочевнического типа⁵⁸

⁵⁷ **Joung R. S. Gordion 1956.**— AJA, 1957, vol. 61, № 4, p. 325 f.

⁵⁸ **Joung R. S. Gordion Campaign of 1959.**— AJA, 1960, vol. 64, № 3, p. 240 f.

• В 652 г. до н. э. киммерийцы захватили Сарды, после чего грабили греческие города эгейского побережья Малой Азии (Смирну, Магнесию и др.). В 30-е гг. VII в. киммерийцы были задержаны и разбиты ассирийцами, рас-полагавшими поддержкой скифов. После этого они упоминаются лишь как обитатели местности у Адрамитий-ского залива, где известен пункт Киммериды, и Северной Каппадокии, в районе Синопы, где они, по словам Стра-бона (Strab., XII, 3, 8) задержались долее всего. Именно эту область ассирийские источники называют страной Гамирра, а древнеармянские — Гамирк, по имени киммерийцев⁵⁹.

Проникновение некоторых прикаспийских племен в Малую Азию под именем киммерийцев документируется, в частности, тем, что в Северной Каппадокии, где греческая легенда поместила царство амазонок, несомненно отождествлявшихся с киммерийцами, одно из «амазонских» поселений, а также и река, на которой оно располагалось, носит наименование Хадисия. Пункт с этим именем известен уже Гекатею (Steph. Byz., s. v.) и Ферекиду (под именем Хадесия: Schol. Apoll. Rhod., II, 373). Оно не может быть оторвано от племенного имени кадусиев — обитателей западного побережья Каспийского моря. Пункт Хадас в Западной Армении (Anon. Rav., II, 12, p. 74, 9) отмечает, вероятно, этап на пути, по которому это наименование переместилось постепенно из Прикаспия в Каппадокию. Не менее многозначительно в том же отношении и наличие племенных имен телонов и будинов (в качестве гелов, удинов и будиев) как в При-каспии, так и на черноморском побережье Кавказа.

Северная Анатолия знает многочисленные следы пребывания в ней киммерийцев. Раскопки Богазкёя, Алишара и других североанатолийских центров принесли значительное количество скифских наконечников стрел древних типов, найденных у оборонительных стен этих городов. Близ Синопы, в Орду, найден большой клад бронзовых топоров, аналогичных кобанским, кавказское происхождение которых вполне вероятно⁶⁰. Около Султан тепе отмечены скорченные останки с предметами раннескиф-

⁵⁹ Меликишвили Г. А. Из истории древней Грузии, с. 222 и 229.

⁶⁰ Przeworski S. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500 — 700 v. Chr. Leiden, 1939.

ского обихода, которые также могут относиться ко времени киммерийско-скифских набегов на Малую Азию⁶¹.

Мы не должны удивляться тому, что в Гордионе киммерийско-скифский по своему характеру материал происходит тоже из слоя, предшествующего по времени слою разрушения города. Основавшие его гордии или гордиэи (гордиэны) происходили из области Гордиэны (Ptolem., Geogr V, 13, 25), расположенной к северу от Ассирии у истоков р. Тигра, т. е. именно в тех местах, где в результате воздействия ассирийской культуры на кочевнический быт формировался киммерийско-скифский обиход, ремесло и искусство. Находки в Гордионе убеждают, что украшения, уже очень близкие к скифскому звериному стилю существовали там на рубеже VIII—VII вв. до н. э.

По соседству с фригийскими гордиями Геродот помещает матионов — народ, известный ему и к югу от Армении, откуда они, очевидно, и передвинулись за р. Галис. Гекатей (фр. 287) называет их жителями фригийской Гиопы, а в другом месте (фр. 288), как бы обозначая их путь в Малую Азию, говорит о них, как о соседях мосхов. Имя матионов звучит в клинописно засвидетельствованных *utieni*. Его сопоставляют и с наименованием царства Мигани⁶².

Несомненно, по-видимому, и «киммерийский» характер еще одного малоазийского племенного имени, — аримов, известного уже и гомеровскому эпосу (II, II, 783: *εἰν Ἀρριόισι*) и локализуемого Страбоном (Geogr, XII, 8, 19) в Лидии, а при вторичном упоминании (XIII, 4, 6 4- по Ксанту) — во Фригии Катакекаумене. Закаспийское происхождение имени аримов выявляется при его сопоставлении с такими воеточноирано-скифскими племенными именами, как ариасы, аримасы, ариспы и т. п. Далее Страбон находит его в Мисий и в Киликии (XIII, 4, 6), т. е. там, где сильна была примесь пришлых киммерийских племен, и в Сирии (XVI, 4, 27). Едва ли не древнейшим свидетельством, указывающим на пути проникновения этого этнонима в западном направлении, было упоминание аримов в ассирийских источниках XIII в. до н. э.

⁶¹ Gokce N. Zultantepe. — «Anatolian Studies», 1953, vol. 3,

⁶² Меликишвили Г. А. Из истории древней Грузии, с. 266.

вре-
по⁶¹.
ким-
иис
люю
дизи
lem.,
аи у
ль-
иче-
ход,
что
сому
н.э.
омер-
рме-
лис.
жой
их
мос-
ьст-
нем

V

(arima), а позднее в урартских (arime), применительно к верховьям р. Тигра⁶³.

Скифо-иранская принадлежность имени 'Aрiмa, в качестве составной части племенного имени аримаспов, свидетельствуется Геродотом (IV, 27), с приданием ему совершенно искусственной этимологии. В действительности же имя аримаспов ('Aрiмaσποi — конные люди) этимологически необходимо сопоставлять с наименованием конных кочевников в клинописных текстах — Umann manda.

Как бы в порядке осмысления и подтверждения приво-дившихся выше археологических данных предскифского характера, имя Arima может быть принято во внимание при решении вопроса о киммерийских проникновениях к Апеннинскому полуострову, поскольку древние глоссаторы считают его этрусским (опять-таки с искусственной этимологией). Одако не случайный характер присутствия этого имени в Италии документируется этрусскими надписям'и, в которых есть и aria (CIE, № 861), и ariana (GIE, № 11), и aril (СП, № 2145). Подтверждение того, что в этрусском языке было слово arima в значении обезьяна, находим и у Страбона (XIII, 4, 6).

• Как узывалось, имя киммерийцев не оставило по себе реально-исторических следов ни в причерноморских степях, ни тем более на Балканах. И поэтому трудно сказать, сами ли кочевники принесли его с собой в Малую Азию из Прикавказья и Фракии или европейские кочевнические племена так окрещены, вслед за ассирийцами, малоазийскими греками — за сходство быта и языка с переднеазиатскими киммерийцами. Сообщающий о фракийских киммерийцах Страбон (Geogr., I, 3, 21) называет их трерами, а вождя их — Кобом (Κωβος), что перекликается с фракийским же, а вернее гетским племенным наименованием коботов (или костобоков), локализуемых к северу от Дуная, в скифских пределах. Коботы именовались также сабоками (Σαβoκοι) или просто боками (PWRE, IV, col. 129). Известно, кроме того, племенное наименование Τριβοκοι (на Верхнем Рейне).

Имя «киммерийских» треров (Τριηρες, Τραρες), возможно, родственно придунайским траузиям-траспиям Геро-

⁶³ Мелкишвили Г. А. Напри-Урарту. Тбилиси, 1954, с. 22, 52, 90; Salvini M. Nairi e Uru(a)tri. Roma, 1967, p. 46.

дота (IV, 5), и от него произошло имя траки (фракийцы). Г. А. Меликишвили находит топонимические следы треров на Кавказе, вообще вполне мыслимые, поскольку Страбон (XII, 3, 24) заставляет амазонок, треров и киммерийцев придти в Малую Азию из-за р. Галис, т. е. из Прикавказья. Однако приводимый им пример с Триалети, без какой-либо убедительной документации древности этого имени, вряд ли можно признать серьезным⁶⁴. Памяткой этого племенного имени на Кавказе (при этом, несомненно, более определенной, нежели Триалети) является, вероятно, regio **Thiariae** — местность, упоминаемая Плинием (NH, VI, 29) и сопоставленная с именем треров уже В. Томашеком⁶⁵. Принимая во внимание эту возможную кавказскую локализацию треров,

имя **Καβροί** позволительно сблизить с р. Хобом (соврем. Хопш), впадающей в Черное море севернее устья Рions⁶⁶. В согласии с этой кавказской локализацией треров находится сообщение Страбона (XI, 8, 4) о том, что саки, о пребывании которых на Кавказе, а именно в Армении, свидетельствуют топонимы, совершали передвижения вплоть до Каппадокии совместно с киммерийцами и трерами, т. е. сами были киммерийским племенем.

Но с другой стороны, тот же Страбон недвусмысленно и неоднократно называет треров (XIII, 4, 8; XIV, I, 40) фракийским племенем; это допустимо истолковать так: проникнув во Фракию, они потом снова возвращались в Малую Азию с грабительскими целями или, подобно дакам (дакам) и гетам, пребывали одновременно и в Азии (в Прикаспии) и в Европе.

Киммерийское (северомалоазийское) происхождение савроматов особенно отчетливо выступает из краткого сообщения Диодора (IV, 28, 4), позволяющего в том же смысле истолковать и пространный (но в значительной мере легендарный) рассказ Геродота о начале этого племени. Что касается переданной Геродотом легенды о киммерийском курганном некрополе при устье Тиры (IV, 11), то ее, вероятней всего, тоже следует связывать с Прикубаньем, не только потому, что в устье Днестра нет

⁶⁴ Меликишвили Г. А. Из истории древней Грузии, с. 223.

⁶⁵ Tomaschek W. Die Alten Thraker.—«Sitzungsberichte der Wiener Akademie», 1893, Bd 127, Abh. 4, S. 55.

⁶⁶ Wirth G. Zum Volksstamm der Trerer.— «Klio», 1967, Bd 49, S. 48.

сколь-нибудь **приметных** курганных некрополей «царского» типа, но и потому, что само наименование Тиры, как и племенное имя тирегетов, скорее принадлежит тому топонимическому и этнонимическому комплексу, который из Прикубанья был перенесен в Приднестровье вместе с наименованием р. **Гипанис**. Трудно поэтому представить себе, чтобы имя киммерийцев в действительности бытовало на Балканском полуострове. По-видимому, не это имеет в виду и Страбон, говоря о киммерийском племени треров, пришедших в Малую Азию под водительством Коба, имя которого, как и имя треров, вызывает, как показано выше, не только фракийские, но и кавказские ассоциации. Из Страбонова сообщения можно заключить лишь, что малоазийские греки видели, во фракийских трерах и в кавказских киммерийцах достаточно много общего. Общность эта, подкрепляемая представлением об их совместном азиатском происхождении, могла распространяться не только на военный быт и на материальную культуру (о чем свидетельствуют археологические памятники), но в известной мере и на язык тех и других племен, иранские элементы которого прослеживаются в балканских гидро- и этнонимах. Подтверждением может служить сообщение о **киммерийской** Принадлежности мариандинов — малоазийского племени-фракийского происхождения (**обстоятельство**, не бывшее тайной для малоазийских греков). Предком мариандинов почитался **Ἦρως Κιμμεριος** (Schol. Apoll. Rhod. I, 26; II, 140). Именно так поименован в сопровождающей его изображение надписи персонаж, представленный на известной вазе Франсуа из Вульчи как стрелок из лука в скифской одежде.

На **Адрамиттийском** заливе, где киммерийцы пробыли, по преданию, около ста лет (в связи с чем речь должна идти скорее о фракийцах, чем о кавказцах) есть **Киммерида** — единственный, кажется, пример «киммерийской» топонимики у берегов Эгейского моря (Plin., NH, V, 32). Треры и фракийцы, по Страбону (Geogr., X, 1, 22; I, 3, 18), жили чересполосно в Малой Азии, у Даскилея и Абидоса.

По Аристотелю (Sheph. Byz., s. v.), Антандрос назывался Эдонидой, так как его якобы основали фракийские **Эдоны**, или Киммеридой, так как киммерийцы прожили в нем сто лет. Вифины и родственные им мариандины

происходят или от финов (типов), или от киммерийцев (Strab. Geogr., XII, 3, 4). Арриан же (Eustath. ad Dion. Per.) сообщает, что фракийцы под водительством Патраса завоевали Пафлагонию, изгнали киммерийцев Вифинии и обосновались там сами. Имя этого Патраса, видимо, следует сопоставить с гекатеевым Патрасом — пунктом на Понте (fr. 198; Πατρασις πόλις Ποντικῆ) и, с Патреем Страбона (Geogr., XIV, 3, 6).

Все это, по мнению К. Мюллентофа⁶⁷, объединяет тров, фракийских эдонов и киммерийцев воедино. Вмес имен киммерийцев и треров, когда они растворились, ассимилировались на малоазийской почве, появляются имена типов, вифинов, и мариандинов.

Если в придунайских странах трудно предполагать бытование имени киммерийцев, то туда, несомненно, проникали «киммерийские» племена. К северу от Дуная находим гетов и даков в точно таком же взаимоотношении соответствия, какое существовало между массагетами и даями (дагами) в Закаспии. Говоря о прикаспийских ксантиях как о части племени даев, Страбон (Geogr., XI, 8, 2) далее называет это племя фракийским и сопоставляет его имя с наименованием реки Ксанта в Троаде (XIII, 1, 21). Он знает генетов в Пафлагонии, которые, по мнению не названного им источника, перешли оттуда во Фракию и далее к Адриатическому морю, где стали именоваться венетами (V, 1, 4).

Далеко на юге Фракии (и частично даже на о-ве Самофрака) локализуется племенное имя саев. Это имя фигурирует и в декрете в честь Протогена из Ольвии (IOSPE, 1², № 32; SIG³, № 495) применительно к скифскому (сарматскому) племени, находившемуся в III в. до н. э. в районе Ольвии. Стефан Византийский называет за Истром племя саиксаев (т. е. «царских саев»).

Локализуемые к северу от Нижнего Дуная (в Трансильвании) агафирсы (агатирсы, позднее — акатирсы) и своим именем и именем одного из своих легендарных царей, как и легендами о их происхождении и сообщениями о их быте, теснейшим образом связываются со скифами и опять-таки со скифами прикаспийскими — тиссагетами или тирсагетами.

⁶⁷ Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde, Bd 2. Berlin 1897 S. 28 f.

Фракийское племя траусов, или траусиев, названное у Стефана Византийского скифским, связано, быть может, с продвинувшимися в середине VII ст. до н. э. киммерийскими трерами, поскольку имя последних зафиксировано в форме «трары» и перекликается с именем одного из древнейших скифских племен, известным из легенды о происхождении скифов — геродотовыми траспиями⁶⁸.

На Балканском полуострове повторяются племенные наименования, известные также в Прикаспии и Прикавказье. Сигинны, локализуемые Страбоном в Закаспии (Geogr., XI, И, 8), у Аполлония Родосского упоминаются во Фракии, за Истром (Apoll. Rhod., Argon., IV, 320), вместе со скифами. Геродот тоже их знает во Фракии (V, 91) и сообщает, что они одеваются по-индийски. Страбон приписывает сигиннам персидские обычаи и упоминает о том, что их лошади невелики и длинноволосы, имея в виду, очевидно, азиатско-скифскую породу лошадей — тарпанов (Strab., Geogr., XI, 11, 8). Наряду с сигиннами находим в Западной Фракии и синдов, если только их упоминание на фракийской почве не объясняется отождествлением их с синдонаями, упомянутыми у Гекатея. Речь идет, видимо, так или иначе о близко родственных племенах.

К отмеченным случаям именных совпадений необходимо добавить, что у Стефана Византийского сохранилось сообщение о том, что Фракия некогда именовалась

Арией (Θρακη... ἐκαλεῖτο καὶ Ἀρία), как и одна из восточных областей древнего Ирана, названная так по населявшему ее племени ариев. С этим племенным наименованием, звучащим к тому же совсем близко к упоминавшемуся выше племенному имени аримов, должно быть сопоставлено и имя одного из главных фракийских божеств, воспринятых греческим пантеоном, — Ареса, в основе своей племенного божества плодородия, связанного с культом женского божества плодородия в его «амазонской» форме, и имя одного из мифических коней — Ариона.

⁶⁸ Параллельное написание имени треров (Τρηρες) — трары (Τράρες) сближает его, как уже было замечено, с Θρακες и, возможно, является лишь вариантом этого имени (Piotrowicz L. L invasion des Scythes en Asie Antérieure au VII siècle av. J. C — «Eos», 1929, № 32, p. 496; ср.: Дечев А. Характеристика на тракинския език. София, 1952, с. 31).

Прослеженные нами ряды одинаковых или очень близких этнонимов, протянувшиеся из Прикаспия в Малую Азию, а иногда и далее — на Балканы, убеждают в том, что они отражают реальные пути киммерийских племен с востока на запад. Не менее определена, хотя далеко не столь богата и разнообразна этнонимическая картина, свидетельствующая о перемещениях кочевнических племен в доскифское время через Северное Причерноморье. Помимо отмеченных раньше аналогичных этнонимов в Прикаспии и Придунавье, не менее симптоматична переключка имен массагетской царицы Томирис или Тамирис (θαμιρίς) и одноименного сакского царя (Polyaen., VII, 12) с именем Тамиры (θαμιρίς и θαμιρας) — жреца и ипостаси Диониса во фракийской мифологии. Поскольку речь идет о царских, хотя бы и вымышленно царских, именах, им может быть придано этнонимическое значение. Переключка эта происходила через Северное Причерноморье, а не через Малую Азию — таков вывод из наличия посредствующего звена, топонима Тамирака на берегу Каркинитского залива в том месте, откуда у Геродота начиналась, простираясь к западу, Старая Скифия (ἡ παλαιὴ Σκυθίη — IV, 99). Геродотово наименование, возможно, определяется тем, что это пространство было как-то организовано политически в «трако-киммерийскую» эпоху, когда прикаспийские племена передвинулись в Придунавье. Сообщения Страбона позволяют проследить, как некоторые племена из глубины Северного Кавказа в составе киммерийских орд оказывались на западе Малой Азии, у Эгейского побережья.

На Северном Кавказе («над Албанией»), в Керавнских горах, под которыми следует понимать северную гряду Большого Кавказа, Страбон (на основании данных греческих авторов — Метродора Скенсийского, Гипсикрата и спутника Помпея Теофана Митиленского) помещает амазонок, живших по течению реки Мермода или Мермодалиды (Strab., XI, 5, 1), между племенами гелов и легов. Эти племена необходимо сопоставить с полулегендарными и представленными у разных греческих авторов (в частности у Геродота — I, 171) лелегами, считающимися древнейшими обитателями запада Малой Азии, названными позднее карийцами и отождествляемыми иногда с пеласгами (Dion. Hal., I, 17). Гаргареи, согласно ле-

генде, прибыли на Северный Кавказ вместе с амазонками из Темискиры, и наименование р. Мермодалиды, на которой они поселились, перекликается с именем мифической амазонской р. Териодонт (Strab., Georg., XI, 1, 2).

Рассказывая об амазонках и гаргареях — киммерийском племени, имя которого в разных формах (гора Гаргар, город Гаргара или Гаргары, жители которого — гаргареи) присутствует в Троаде, на северо-западе Малой Азии — Страбон (XII, 5, 2) контаминирует полуполюгендарные сообщения называемых им самим и упомянутых нами выше авторов. Получается, что гаргареи, прибыв на Кавказ вместе с амазонками, затем от них отложились и вели междоусобную войну с помощью забредших вместе с ними фракийцев и эвбейцев. В первой части этого рассказа нельзя не увидеть параллельную геродотовой версии легенды о происхождении савроматов (Herod., IV, 110) от союза киммерийцев с амазонками. Что же касается разъяснения, будто гаргареи союзничали с фракийцами и эвбейцами, то оно относится, несомненно, к другой легенде, имеющей в виду иную географическую обстановку. Ни фракийцы, ни тем более эвбейцы на Кавказе не известны, но и те и другие были бы вполне мыслимы в западной части Малой Азии, а именно в Троаде. Необходимо представить себе поэтому, что легенда о союзе гаргареев с фракийцами и эвбейцами против амазонок имеет отношение не к кавказским, а к малоазийским гаргареям. Контаминация этих легенд оказалась возможна потому, что и те и другие гаргареи представляли собой нечто родственное в глазах либо самого Страбона, либо его предшественника, который эту контаминацию произвел. Нельзя при этом забывать, что северокавказские гаргареи вряд ли могли быть известны греческим географам до походов на Кавказ римских полководцев в I в. до н. э., несмотря даже на наличие укрепленного пункта Гаргазы в границах азиатского Боспора, наименование которого связано с их племенным именем. Рассказ о союзничавших с гаргареями фракийцах и эвбейцах должен относиться, скорее всего, к тому же времени, что и рассказы о совместных походах киммерийцев и треров, т. е., вероятно, к VII в. до н. э.

В числе восточных союзников троянцев, Гомер, по мнению Страбона, называет пафлагонийское или кашгадо-

кийское племя генетов или энетов. Страбон в этом случае опирается на **Зенодота** и **Аполлодора**, соответствующим образом эмендирующих текст Гомера:

«...Выведший их из Энеты, где стадаются дикие мулы» (Нот. П., И, 852). Но этой гомеровской Энеты не было в Малой Азии. Другие писатели, по словам **Страбона** (XII, 3, 8), утверждают, будто энеты, жившие первоначально по соседству с каппадокийцами, принимали участие в киммерийских передвижениях к западу Малой Азии, а затем были отнесены к Адриатическому морю, дав, как уже упоминалось, имя местности, расположенной у его северо-западного угла: Энетия или Венетия.

Проникновение энетов-дафлагонцев на Балканы происходило посредством первоначальной их переправы через Геллеспонт во Фракию, после чего в результате долгих скитаний они пришли в **Энетию**. Говорится и о том, что североиталийская Венетия (Энетика) обязана своими лошадьми именно малоазийским энетам-венетам (Strab., Geogr., V, 1,4).

Мигдоны известны были в Малой Азии уже в гомеровские времена. Страбон приписывает малоазийским мигдонам фракийское происхождение (Geogr., XII, 8,10). Действительно, в Македонии есть местность Мигдония или Мигдониа, между реками Аксием и **Стримонем**, на оз. **Больбе** (Strab., Geogr., VII, fr. 41). Ареал: этого имени простирается, однако, через Малую Азию! вплоть до Верхней Месопотамии, где мигдоны, **Мигдония** и р. Мигдоний засвидетельствованы (у Низибиса) поздними авторами, начиная со Страбона (XI, 19, 2), который полагает, что месопотамские мигдоны названы так македонянами, а Плиний (NH, VI, 72) добавляет, что это было ими сделано по сходству с македонскими **мигдонами**. С этим, конечно, было бы трудно не согласиться, если бы не то обстоятельство, что имя племени мигдонов но единственное, встречающееся как в Передней Азии, так и на Балканах. В Малой Азии это имя прилагалось не только к **фригийцам** (Paus., X, 27, 1), но и к **кариям**, поскольку Элиан, опирающийся на древние данные (Var. hist., VIII, 5), сообщает о **мигдонах** на территории **Мифета**, изгнанных при основании этого города греками.

У Плиния (NH, V, 33) мигдоны **связаны** еще и с **мосинами**. И тех и других он помещает близ позднейшего Пергама, т. е. в Западной Мисии. Как известно, **мосии-**

пы или моссирики засвидетельствованы на Юго-Западном Кавказе, между халибами и тибаренами (Xenoph., Anab., V, 4, 2) с древнейших времен — их знает уже Гекатей Милетский (fr. 204) и Геродот (III, 94), и, по мнению многих авторов, именем своим они обязаны деревянным башням — моссиам, служившим для них жилищами.

Поскольку Атенеом (VIII, 45 е) засвидетельствован топоним Моссинос во Фракии на Стримоне, в местности, принадлежавшей Македонии, следует допустить, что и там имена мигдонов и моссинов могли существовать в географическом соседстве. Все эти обстоятельства заставляют причислить моссинов (моссиников) к киммерийским племенам, совершавшим передвижения с востока на запад, в Малую Азию и на Балканы. Такова же судьба, по крайней мере известной части, племени мигдонов.

К киммерийским племенам причислялись и родственные мигдонам эдоны. Солин (9, 1) называет мигдонов частью племени эдонов, а Страбон (VII, fr. 11), наоборот, говорит, что одна часть эдонов звалась мигдонами, другая же — эдонами и сифонами. В Малой Азии имя эдонов зафиксировано в Мисии, где город Антандр, основанный, но Алкею (Strab., XIII, 1, 51), лелегами и пеласгами, по Геродоту (VII, 42), носил в глубокой древности также название Эдониды и Киммериды. Аристотель (Steph. Byz., s. v.) объяснял это тем, что городом овладевали некогда соответствующие племена. Эдонидой, по свидетельству Гезихия (s. v.) назывался первоначально и о-в Фасос, из чего глоссатор заключил, что на нем должны были жить в свое время эдоны.

На киммерийском характере и происхождении племени эдонов необходимо настаивать прежде всего потому, что имя их, в форме **Ἴδοι** известное уже Гекатею (Steph. Byz., s. v.), отнесено им к числу скифских племенных имен. Эдов знает и Плиний (N. H., VI, 50) в числе скифских племен закаспийских степей, откуда, возможно, проникли они в Малую Азию и на Балканский полуостров.

Сказочной народностью, встречаемой нами на Балканах и в Малой Азии, были лелеги. Древние авторы (в том числе Геродот, Аристотель и Страбон) расселяли лелегов в **Карии** (Herod., I, 171) и в Ионии (Starb., Geogr., VII, 2), где Страбон упоминает курганы и крепости лелегов, со слов некоторых не называемых им историков. Особенно любопытно размещение лелегов в Ассе, Антандре,

Гаргаре, Смирне, Эфесе — пунктах, связываемых с амазонско-киммерийскими элементами в Малой Азии (Strab., Geogr., XIV, 1, 21), вследствие чего имя лелегов в указанных местах могло бы оказаться соединенным с именами кавказских легов и гелов, попавших туда вместе с именем гаргареев в числе наименований кавказских киммерийских племен, как и в область Милета (Strab., Geogr. XV, 1,6).

Ссылаясь на Антимаха, Страбон говорит (Geogr., XII, 1, 5), что вся Элида, от Димы до Мессении, была населена кавконами и называлась Кавконией. Ссылаясь же на Аристотеля, Страбон допускает, что кавконы не занимали всей Элиды, а жили частью в Бупрасиде и в Келезтиде, близ Димы, частью в Трифилии близ Мессении. При этом отмечается, что кавконы были владетелями страны, подчинившими ее автохтонов • — эпейев.

Откуда взялись в Пелопоннесе эти позднее неизвестные кавконы? Страбон полагает, что из Малой Азии (Geogr., XII, 1, 5), на том основании, что за мариандинами в Пафлагонии имеется местность Кавконида или Кавкония и что тамошних кавконов (кавкониатов) греческие авторы называли то скифами, а то пеласгами. Кавконы жили там и во времена Страбона. Следовательно, их резоннее всего причислить к кругу киммерийских племен вместе с экетами, с которыми они соседствовали, по словам Страбона, и граничили по р. Парфению.

В «Илиаде» кавконы упомянуты лишь применительно к Малой Азии, а к Пелопоннесу • — только в «Одиссее». Ни древние источники, ни новые исследователи не сопоставляют пафлагонно-пелопоннесских кавконов с известными — опять-таки преимущественно из «Одиссеи» — фракийскими киконами. Последние представлены в эпосе в качестве прибрежных жителей Фракии на Эгейском море, от устья р. Гебра до оз. Бистониды, с главным их поселением Исмаром, позднее называвшимся Маронеей, в достаточной мере эллинизированных и славившихся своим

исмарским (маронейским) вином (Ἰσμάρικος οἶνος). Киконами же надо считать и эгейских кавконов, с которыми их сближает, помимо почти полного тождества имен, то, что киконы подобно кавконам названы в эпосе союзниками троянцев (П., II, 846), а упоминаемый Дионисеем Византийским (fr. 64 M) Киконий необходимо искать где-то недалеко от Трояды, на азиатском берегу Фракий-

ского Боспора. Так же как и кавконы, киконы находились, вероятно, в известном родстве с протоскифами, потому что Гезихий (s. v. Σαίοι) передает анонимное свидетельство, по которому саи назывались ранее киконами. **А** имя саев, широко распространенное в Южной Фракии и даже проникшее на северные острова Эгеиды (на Самотраку), засвидетельствованное эпиграфически в Приднепровской Скифии, связывается с именем саков и другими скифскими племенными именами, имеющими в своем составе скифо-иранское имя sag, **этимологизирующееся** как олень⁶⁹. Грекам оно известно уже из Архилоха (fr. 6 В; Strab., Geogr., X, 217), потерявшего в сражении с ними свой щит. Наименование населенного пункта киконов (а также оз. **Исмарида**) повторяется в Малой Армении на Верхнем Евфрате (Ἰσμάρις var.: Σισμαρία — Ptolem., Geogr., V, 6, 19), обозначая возможный путь киконов-кавконов из Передней Азии во Фракию и на Пелопоннес.

Имя кавконов (кауконов), при всей его фонетической близости к топониму Кавказ не имеет с ним прямой связи, поскольку оно в обреченной форме на Кавказе не засвидетельствовано. Однако Картлис **Цховреба** сохранила близкие наименования: Кай Каус, Какакоз, в качестве личных имен (КЦ, 3) и кавкасиани, в качестве собирательно-племенного наименования (КЦ, 5). С **другой** стороны, в Аркадии засвидетельствована гора **Καυκάσιον** — местопребывание Атланта (Dion. Hal., I, 61, 1). Имя это обычно **эмендируется** в **Καυκῶνιον**.

Итак, согласно ассирийским и древнегреческим историческим свидетельствам, в VIII и VII ст. до н. э. в Передней и Малой Азии происходили значительные перемещения кочевнических племен. Эти племена производили грабительские набеги на находившиеся на их пути государства, а иногда принимали участие в военных акциях крупнейших из этих государств. Из ассирийских источников VII в. известны два имени этих кочевнических орд: киммерийцы и скифы. Греческим источникам того времени известно только первое из них. Греки именовали кочевнические племена, нахлынувшие в Малую Азию и Эгеиду (включая Пелопоннес, Северную Грецию и Ма-

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, с. 79.

кедонию), киммерийскими племенами. Прикаспийско-кавказская, причерноморская и балканско-малоазийская археология имеет предскифский и раннескифский материал, но не всегда его можно дифференцировать с точностью. Это обстоятельство получило отражение и в дошедших до нас исторических данных. Страбон (*Geogr.*, I, 3, 2) называет киммерийским царем Мадия, сына Прототия, который, по Геродоту, был царем скифов, вторгнувшихся в конце VII в. в Азию (*Herod.*, I, 103). Геродот говорит о скифах в сирийском Аскалоне, куда они попали во время своих блужданий по Передней Азии, тогда как проникновение северных кочевников в Сирию следует связывать, скорее всего, с походами киммерийцев в Малую Азию (в частности, в Киликию, — при Лигдамисе в 40-е и 30-е гг. VII в. до н. э.).

Вождем скифов, разграбивших Аскалон, после того как они вынудили египетского фараона Нехо (Псамметиха у Геродота — I, 105) около 600 г. до н. э. откупиться от них большой данью, Геродот называет царя Мадия сына Прототия, которого, как сказано, Страбон именуется киммерийцем. *Анналы Ассурбанипала* называют и самые северные племена, выступившие против египтян, киммерийцами.

Отсюда следует, во-первых, что греки V в. до н. э. и времен еще более поздних не всегда точно знали, киммерийцами или скифами следует именовать те или иные кочевнические группировки. С другой стороны, и сами кочевники, наверно, в разное время и под влиянием различных политических обстоятельств, могли именовать себя то так, то этак.

У Геродота (IV, 2), а позднее также у авторов периплов и у Страбона (XI, 2, 4), сообщается целый ряд топонимов, связанных с причерноморскими киммерийцами. Наименования эти совершенно конкретны (Киммерийский Боспор, Киммерийские переправы, Киммерийский вал, Киммериды, Киммерик, Киммерийская гора и Киммерийский полуостров — применительно к Таманскому полуострову) и стали известны данным авторам несомненно, от понтийских греков, приложивших все эти названия к различным географическим объектам в районе Керченского пролива. Последнее обстоятельство довольно существенно в том отношении, что киммерийский топонимика оказывается размещенной именно там, где т

же авторы, и в первую очередь Геродот, помещают савроматов или синдов, относительно которых было известно, что они киммерийского происхождения и принадлежности.

Сохранение на протяжении веков малоазийской и причерноморской киммерийской топонимики — • непрекращаемое свидетельство большого впечатления, произведенного киммерийскими перемещениями на умы малоазийских греков. Возбуждение было настолько сильным, что жрецам храмов Аполлона — божества, связанного с представлениями о «гиперборейском» мире, — пришлось дать отчет на волновавший всех вопрос о причинах киммерийского нашествия на города Малой Азии.

Ответ этот содержался, в частности, в кульново-эпической поэме под названием «Аримаспея», составленной в каком-то из малоазийских храмов Аполлона и связывавшейся с именем мифического жреца Аполлона (φοιβόλαμπτός) •—Аристея из Проконнеса⁷⁰. Версия, изложенная в этой поэме и сообщенная нам Геродотом, представляла события так, что аримасы потеснили исседоны, исседоны — скифов, а скифы — киммерийцев. Будучи изгнаны скифами из своей земли, киммерийцы нахлынули в Малую Азию. Сообщая эту легенду, Геродот отдает себе отчет в «неисторизме» жреческой версии⁷¹: по его мнению, скифов на самом деле потеснили не исседоны, а массагеты (Herod., IV, 11).

⁷⁰ Аристей (Ἀρισταῖος) — имя героя, также гиганта и местного божества (Bacchil., fr. 62), известного во многих греческих центрах (в Аркадии, Биотии, Фессалии, на о-ве Кос, во Фракии и других местах) в качестве покровителя культурных растений и животных, а также в качестве избавителя от эпидемий, связанного с Зевсом, Дионисом и Аполлоном. В Киренаике Аристей чтили в качестве сына Аполлона и нимфы Кирены. Соответственная легенда излагается Пиндаром (I Pyth., 9).

⁷¹ С этой легендой, объясняющей поведение киммерийцев и, возможно, заимствованной ионийским жречеством из Ирана, имеет большое сходство версия, зафиксированная китайскими анналами Ханьской эпохи, о передвижениях скифских племен Центральной Азии в III — II вв. до н. э.: гунны потеснили юе-чжей юе-чжи — усуней, усуней — саков. Этими причинами объяснялось крушение греко-бактрийского царства и проникновение саков в Северную Индию,

АЗИАТСКАЯ СКИФИЯ КЛАВДИЯ ПТОЛЕМЕЯ

Древняя этнография не пошла за Геродотом в определении границ скифской культуры и скифского этноса. Это подытожил уже александрийский ученый III в. Эратосфен, опиравшийся на всю предшествующую ему греческую науку, значительно обновленную и дополненную географическими открытиями, произведенными в связи с завоеваниями Александра Македонского и диадохов]. И хотя сочинения Эратосфена не сохранились, но его концепции развивает География Страбона.

Если для Геродота закаспийские кочевники, граничившие с Персидским царством и получившие от иранцев наименование саков, были ближайшими родственниками причерноморских скифов, некогда от них отделившихся в ушедших на восток (IV, 23), где они стали именоваться амиргскими скифами (VI, 64), то Страбон, всецело принимая геродотову версию относительно взаимоотношения скифов и саков, сохраняет имя скифов за целым рядом пастушеских кочевнических племен, живших к северу и востоку от саков.

Собственно, этих последних, как и даев с их племенными подразделениями — апарнами, ксантиями и писсурами, — и массагетов Страбон тоже причисляет к скифам, заявляя, что и прочие кочевническо-пастушеские племена, жившие к северу от Индийского Кавказа и именуемые вообще скифами в силу их образа жизни, имеют каждое свое собственное имя.

Наиболее известны Страбону из этих племен те, с которыми грекам пришлось иметь дело как с завоевателями Бактрианы и Северной Индии: асии, пасианы, тохары сакаравлы (Strab., Geogr., XI, 8, 1), пришедшие с правого берега Яксарта.

Тот факт, что династия Ахеменидов — кочевнического (киммерийско-скифского) происхождения, косвенно подтверждается тем, что символический ахеменидский трон, изображавшийся на селевкидских монетах, представляет собой не что иное, как модифицированную кочевническую кибитку, такую же, видимо, в каких вожди скифов царских разъезжали по своим кочевьям и в каких их ритуальным порядком даставляли к месту вечного покоя, согласно описанию Геродота¹. Из Страбона мы знаем, что парфянская династия Арсакидов опять-таки скифского происхождения, и что ее родоначальник Арсак был вождем племени парнов, ветви племени даев. Страбон располагает некоторыми сведениями насчет их происхождения из степей, находившихся к северу от Меотиды, где они называются ксандиями или париями (т. е. скорее всего идентичны ксантиям и парнам), хотя он и не уверен в том, что среди приазовских/степняков в действительности присутствовали даи.

Не отличая резко саков от ближайших их соседей массагетов, именем своих объединявших различные племена, в том числе хоразмиев и аттазиев, которых он тоже считает скифскими кочевниками, Страбон приписывает скифское происхождение жителям Бактрианы и Согдианы. Это были те самые племена, которые нередко противопоставляли себя не только иранцам, но и македонским грекам, хотя сравнительно легко поддавались в некоторых случаях ассимиляции и переходили к оседлости.

Страбон, впрочем, подчеркивает, что пастушеский и кочевой образ жизни характерен для многих, но не для всех закаспийско-скифских племен. Те, однако, из этих племен, которые ведут кочевнический образ жизни, подобно причерноморским скифам, и нападают па области с населением, занятым оседлым трудом, временами проходят по Гиркании, Нисее и долинам парфян, взимая с этого населения дань, выражающуюся в захватываемой ими добыче, из-за которой они воюют и между собой (Strab., Geogr., XI, 8, 1).

Эта общекультурная характеристика восточноскифских племен, набросанная Страбоном, вполне подтверж-

¹ Alföldi A. Die Geschichte des Throntabernakels. «La Nouvelle Clio», 1950, № 10, S. 537 s.

дается древнеиранскими и древнекитайскими данными (относящимися, как и материал, мобилизованный Страбоном, преимущественно к эллинистическому времени, но содержит в себе элементы и более ранней традиции). Многие из названных Страбоном закаспийских племенных имен повторяет (с некоторыми вариантами написания) в наиболее древних своих частях Авеста. Древнекитайские исторические и дипломатические сочинения эпохи Чжоу I и Хань, относящиеся к последним столетиям дохристианской эры, имевшие в виду территории к западу и северо-западу от Великой стены, вплоть до Бактрианы, Согдианы и Хорезма, располагающие сведениями о политическом устройстве, военном потенциале, культуре и быте протогуннских, усуньских и других племен, позволяют угадывать в их структуре много общего со структурой причерноморских скифо-сарматских племен, с их племенными союзами, возглавлявшимися «царским» племенем, державшим в беспрекословном или даже в подлинно рабском подчинении родственные и завоеванные племена. Их, хотя и примитивная, но практически достаточно действенная организация поборов и эксплуатации соседних культурных стран с оседлым сельскохозяйственным, скотоводческим и ремесленным населением осуществлялась через командовавших конными дружинами састаров, о которых Авеста сообщает с ненавистью и отчаянием.

Осмысление культуры этих кочевнических племен, развивавшейся на пространстве от восточных берегов Каспийского моря и до монгольско-забайкальских степей, равно как и их известной этнической общности именно в рамках культуры и общности скифской, прослеживается необычайно отчетливо в древнегреческой исторической и географической литературе от Гекатоя Милетского до Птолемея.

Гекатей знал скифские племена и в Азии, если судить по замечаниям Стефана Византийского в его *Ἐθνικά* о том, что то или иное скифское племенное наименование заимствовано им из Гекатеева описания Азии. Строго говоря, это обстоятельство не дает еще права утверждать, что Гекатей помещал те племена действительно в Азию. Он мог упоминать о них в описании Азии, но говоря при этом о Европе.

Представление же о том, что все скифы живут в Европе, было широко распространено среди греческих гео-

графов с ранних времен. Оно довольно отчетливо выражено у Геродота даже там, где он ведет речь о нескифских, по его определению, племенах, считавшихся, однако, его предшественниками скифскими (Herod, IV, 23). С ним полемизирует (от имени Эратосфена и от своего собственного) Страбон. Ссылаясь на мнение некоторых географов прежнего времени (в частности Поликлета) относительно того, что сосна растет якобы лишь в Европе, он замечает, что это мнение будто бы опроверг Эратосфен своим заявлением о ели, растущей и в Индии, т. е. в Азии, где Александр Македонский соорудил из нее свой флот.

Но это может, в сущности, означать лишь то, что для Эратосфена, а за ним и Страбона, наличие где-либо ели не было условием, заставляющим обязательно относить такую местность к Европе. Только и всего. Однако Александр Македонский, нашедший в Азии ель, не перестал считать р. Танаис границей между Европой и Азией. Не перестал, по всей вероятности, и Эратосфен, хотя и полемизировал с Поликлетом относительно идентичности устьев рек Танаиса и Яксарта. Прочность положения Танаиса в качестве границы между обоими материками послужила, вероятно, отчасти подкреплением геродотового представления, будто племена, обитающие за Танаисом-Доном, уже не скифские.

Вот это-то обстоятельство и сыграло довольно роковую роль для тех представителей исторической (и археологической) географии, кто считал тождество Танаиса и Дона единственно возможным для классической древности. Но в самой древности с наименьшим упорством связывали Танаис с двумя великими среднеазиатскими реками — Сырдарьей и Амударьей, не очень еще их между собою различая. По этой, быть может, причине граница между Европой и Азией названа в «Освобожденном Прометее» Эсхила (фр. 192) *διδυμος* — «двойственная». Поэтому и для Геродота не существовало никакого противоречия в том, что за Танаисом живут нескифские племена: название Танаис он прилагает, вольно или невольно, не только к Дону (как и имя Аракс, — не только к кавказскому Араксу), но и к великим среднеазиатским рекам.

Писатели-географы эпохи Александра Македонского, пропагандисты его славы, имели поэтому полное основа-

ние утверждать, что Александр, пройдя всю Азию, у восточных границ Европы, поскольку он пришел в соприкосновение со скифами, жившими по р. Танаису (Оксу и Яксарту).

Среднеазиатская Скифия, к которой подошел Александр Македонский, не смешивалась в умах тогдашних греческих географов со Скифией причерноморской (что довольно легко было бы себе представить ввиду географических аберраций, скрадывавших реальное пространство, отделявшее Причерноморье и Прикавказье от закаспийских стран). Об этом позволяет судить с несомненностью, в частности, сообщение Аристотеля о больших размерах, зловредности и многочисленности скифских скорпионов (Aristot., Hist. animal., 607a). Все эти характеристики могут быть отнесены только к среднеазиатским скорпионам, а не к причерноморским (крымским) или закавказским, поскольку последние ни одной из этих характеристик не соответствуют. Из сообщения Аристотеля следует также, что для него Скифией по преимуществу являлась именно среднеазиатская (в отличие от Геродота), а отнюдь не причерноморская Скифия, так как он употребляет это наименование применительно к Средней Азии без каких-либо оговорок.

Географы эпохи эллинизма цеплялись, насколько возможно, за представление о том, что Меотида соединяется с Каспийским морем и что у Танаиса-Яксарта и Танаиса-Дона существует общее русло, общее устье (ср.: Plin., NH, VI, 52).

Всей этой путанице был положен предел, когда в результате предпринимательской деятельности Маэса Тж-Втиана и (попытожившего ее результаты для географической науки) Марина Тирского, бассейны Дона, Волги и Арало-Каспия, с устьями впадавших в него рек, приняли, наконец, более определенные очертания.

На Карте Птолемея мы уже не находим Танаиса в Средней Азии (хотя близ устья этой реки, к востоку от него, помечен у Птолемея пункт Паниардис — Ptol., V, 9, 2, — соответствующий племени паниардов — VI, 14, 10, — локализованному им в «Скифии по сю сторону Имава», к востоку от нижнего течения Ра, видимо, все еще в угоду господствовавшему на протяжении столетий смещению Танаиса-Дона с азиатскими реками), и граница Европы и Азии проходит у Птолемея безусловно по

Дону, к востоку от которого,¹ до нижнего течения р. Ра (Волги), располагается Азиатская Сарматия.

Наименование Сарматия (европейская) вытесняет с его карты причерноморскую Скифию, хотя он и показывает в ее пределах многие древнескифские племена. Но с другой стороны, все пространство от Волги и до Серики (Китая) называется у Птолемея Скифией — свидетельство того, что в греческом сознании это наименование особенно прочно привязывалось к степным азиатским пространствам.

Птолемей делит Азиатскую Скифию на две части по горному хребту Имав (Ptol., VI, 14, 3). Хребет воображаемый, хотя в реальном его существовании географы не сомневались вплоть до середины XIX в.² В действительности же представления об Имаве основываются на смутных сведениях о горных хребтах Алтая и Саян.

При нынешнем состоянии археологических знаний представляется наиболее вероятным, что понятие о «Скифии по сю сторону Имава» обнимало скифские племена, следы существования которых сохранились в курганах и на поселениях Киргизии, Казахстана и Горного Алтая. Что касается «Скифии по ту сторону Имава», то имеются в виду кочевнические племена монгольских степей и верхнего течения Енисея, вплоть до Минусинской котловины включительно. Можно отметить, что скифская культура приирийских, горноалтайских и верхнеенисейских племен, как и скифская культура племен Северного Причерноморья, развивалась в значительной степени на местной культурно-этнической основе и представляла собой соответствующую модификацию культур, переходных от бронзы к железу.

Как в Причерноморье, так и в Казахстане, на Алтае и в Туве скифское искусство и культовые представления племенной аристократии оформлялись частью под иранским влиянием. Языковые иранизмы были свойственны, видимо, лишь верхушке кочевнического общества в северных пределах закаспийских степей и в Причерноморье.

Не только предметы вооружения скифского всадника повсеместно носят на себе признаки известного единообразия, выработанного по североиранским образцам, но и

² Знаменитый А. Гумбольдт во время своей поездки по Центральной Азии, пытался определить линию главного хребта Имав.

соответствующая ирано-скифская терминология имела столь же широкое распространение. В этом отношении чрезвычайно характерно, что упоминаемый Авестой кочевнический князек — састар — есть и у крымских скифов: в херсонесской греческой надписи употреблен тот же самый термин — *σασταρ*.

Может показаться, пожалуй, что Азиатская Скифия Птолемея представляет собой некую искусственную географическо-этнографическую конструкцию, созданную отчасти на основе местного, а отчасти за счет притянутого с запада этнонимического материала. С этим, однако, совершенно не согласуются неоднократные наблюдения над тем, как киммерийские передвижения разнесли прикаспийские и прикавказские племенные имена далеко в глубины Малой Азии, Балканского полуострова и вплоть до Северной Италии. Эти наблюдения основываются на совпадениях или близких звучаниях имен закаспийских скифов и скифо-сарматских причерноморских (а также фракийских) племенных имен, как и на распространении соответствующих археологических форм, в рамках указанного этнонимического ареала. Поэтому мы не можем считать искусственным перенесение (Птолемеем или его предшественниками) некоторых западноскифских имен в закаспийские страны. Наоборот, приходится допустить, руководствуясь общей тенденцией к перемещению киммерийских (а позднее скифо-сарматских) племен с востока на запад, что известные из древнейших авторов (а также от Страбона, Плиния и Птолемея) одинаковые на западе и востоке племенные имена первоначально бытовали скорее всего именно на востоке.

Искусственность птолемеевой диафесы закаспийских скифских племен (как, впрочем, и общего его принципа картографирования этнонимов) лишь в том, что она включает в себя разновременные имена — и звучащие в эпоху Маэса Титиана, и умолкшие много столетий до того. Присутствие же в диафесе племен Азиатской Скифии имен, известных и в Причерноморской Скифии и на Кавказе, ничуть уже более нас не смущает. Оно становится свидетельством реальных кочевнических перемещений сопровождавшихся перенесением тех или иных племенных имен на большие расстояния, и при этом всякий раз в западном направлении — свидетельством, отображающим реально-исторические этнические перемещения.

Таковы птолемеевы саитаны «Скифии по сю сторону Имава», под именем саев фигурирующие в эпитафике Северо-Западного Причерноморья; кораксы, засвидетельствованные греческими авторами уже в VI в. на Западном Кавказе; асиоты, лод именем асиев известные в Прикаспии и в Малой Азии; аланы-скифы, аланорсы, аорсы, которых в числе сарматских племен встречаем от Кавказа до Северо-Западного Причерноморья. В скифах-анареях звучат для нас не только прикаспийские анариаки, но и геродотовы энареи Северного Причерноморья. В массах же — ни у кого не встреченной ранее формы — фигурирует вариант имени массагетов, возможно, более близкий реальному звучанию этого имени как племенного наименования части закаспийских скифов.

После раскопок горноалтайских, тувинских, казахстанских курганов не может быть уже речи о том, что скифская культура развивалась единственно в Причерноморье, что соответствующие находки в Приуралье и Сибири дают лишь представление о размерах и пределах скифского влияния на нескифские племена. Сейчас уже необходимо говорить не только о равной интенсивности развития скифской культуры на всем пространстве южных степей Восточной Европы и Сибири, но и об одновременности этого развития. Единообразие здесь столь велико, что известные различия, хотя и можно принять за признаки, характерные для индивидуальности тех или иных скифских племен, но этих различий совершенно недостаточно, чтобы закаспийские кочевнические племена вовсе исключить из круга скифской культуры.

Если предложенная в свое время последователями **Н. Я. Марра** «скифская стадия», в рамках стадийного развития населения евразийских степей, неудовлетворительна потому, что носители скифской культуры, видимо, далеко не повсеместно находились на одном и том же уровне социального развития и степень причастности их скифской культуре тоже не была абсолютно одинакова, то эта «стадия» все-таки значительно более приемлема. Для понятия об обществе, характеризующемся наличием скифской культуры, чем точка зрения некоторых археологов, усматривающих в скифах не только культурное, но и прежде всего абсолютное этническое единство, связанное с совершенно определенной территорией, ограниченной руслами Днестра и Дона в нижнем течении этих

рек. Если бы эта картина хоть сколько-нибудь соответствовала действительности, то история скифского мира не пестрила бы таким количеством племенных наименований, политическое значение которых изменялось во времени применительно и к указанной территории.

Особенно произвольно (и даже уродливо) выглядит Скифия у тех исследователей, которые в угоду некритично понятому геродотову заявлению, что по ту сторону Танаиса (неуклонно отождествляемого ими только с Доном) нет более скифов (Herod., IV, 21), исключают из скифского мира, в частности, богатейшие и характернейшие курганы Прикубанья, хранящие разнообразные остатки быта раннего периода существования племени царских скифов, близко родственного быту, представляемому курганными находками на пространствах от Прикавказья до Верхнего Енисея. Об уродливости же этих представлений приходится говорить еще и потому, что геродотова география преподносится в них без каких-либо историко-географических оговорок и коррективов по отношению к современной географической карте, имеющей с картой Геродота очень мало общего. Вследствие этого те или иные племена и населенные пункты, локализуемые Геродотом в Причерноморье, Прикавказье или в Южном Прикаспии, оказываются у многих исследователей расположенными в глубине Восточной Европы или Северной Азии. Подобную локализацию приобретают прежде всего племена скифов-пахарей и скифов-земледельцев, невров, гелонов, будинов, савроматов, тиссагетов, ирков и др.

Содействует такому модернизированному истолкованию географии Геродота еще и то, психологически, впрочем, довольно понятное обстоятельство, что производящие раскопки скифских памятников археологи стремятся вернуть геродотову диафесу племен так, чтобы исследуемая ими территория как раз и оказалась в центре реконструируемой ими геродотовой Скифии. Так, например, М. И. Артамонов, производивший раскопки скифских памятников преимущественно на Нижнем Днестре, там же и локализует (в первую очередь земледельческие) племена скифов, которые киевскими археологами поселяются на Среднем Днепре³. Б. П. Граков, работавший на Ниж-

³ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 79 и сл. (ср.: Он же. Этногеография Скифии. Л., 1949).

нем Днестре, территорией основных скифских племен считает пространство между Днестром и Доном, а также Степной Крым, исключая, однако, из Скифии Среднее Поднепровье и Подонье⁴. Некоторые авторы предлагали иные, но столь же мало убедительные системы расположения племен геродотовой Скифии на современной карте.

Политическим и хозяйственным центром Скифии эпохи царя Атея (столицей постулируемого им скифского государства) Б. Н. Граков считал раскопанное им Каменское городище на Днестре, близ Никополя⁵. Многие, работавшие на Вельском городище археологи отождествляют его с Геродотовым городом Гелоном, сожженным Дарием, не дошедшим, по словам Страбона (VII, 3, 14), даже до Ольвии. Местность Геррос, с некрополем царских скифов, киевские археологи склонны локализовать в Посудье⁶, тогда как Б. Н. Граков находит его близ Никополя⁷. Обе эти локализации игнорируют древние данные, связывающие это наименование с Прикубаньем.

Вопрос о Закаспийской и Центрально-Азиатской Скифии древних авторов, документируемый ныне весьма обширным археологическим материалом, в этих построениях не подымается вовсе, а скифский материал Закавказья и Приуралья (на основании все того же некритического истолкования географии Геродота) представляется — наиболее фундаментально и последовательно — в качестве ареала савроматов, хотя географический этот ареал совершенно не был и не мог быть в поле зрения Геродота, осведомленность которого ограничивалась едва лишь южными пространствами Приазовья и Прикаспия.

Закаспийский скифский мир, о котором Геродот мог иметь самые смутные представления, почерпнутые из легендарных рассказов иранских и греческих, находившихся на иранской службе, функционеров, типа Скилака из Карианды, встает перед нами из ученых компиляций Страбона и Птолемея чрезвычайно живо теперь, после археологических открытий именно на той территории, которую отводили ему оба названных автора. —

⁴ Граков В. Н. Скифы. М., 1971, с. 71 и сл.

⁵ Граков В. Н. Каменское городище на Днестре. — МИА, М., 1954, № 36.

⁶ Ильинская В. А. Скифы лесостепного днепровского левобережья. Киев, 1968, с. 180.

⁷ Граков В. Н. Скифы, с. 16.

СКИФСКИЕ ПЛЕМЕНА

Древняя литература сохранила несколько описаний Скифии. Наиболее раннее из них принадлежало Гекатею Милетскому, подытожившему в своей *Ἡς περίοδος*, созданной на рубеже VI—V вв. до н. э., географические и этнографические познания ионийцев, в частности о северо-евразийских странах. Это описание сохранилось лишь в очень небольших отрывках, находящихся преимущественно в географическом словаре Стефана Византийского. Более общие представления Гекатея о Скифии могут быть получены, вероятно, от художественно-географической картины, начертанной Эсхилом в «Прикованном Прометее» в качестве изображения пути беглянки Ио и основанной, скорее всего, именно на гекатеевом географическом описании ¹.

Наиболее полная и колоритная картина содержится в «Скифском рассказе» Геродота. Основанное отчасти на аутопсии и на данных, полученных Геродотом от фракийцев, ольвиополитов и приольвийских скифов ², это описание Скифии полемически тенденциозно. Полемика его в основном направлена против ионийских логографов, т. е. в первую очередь, видимо, против Гекатея, хотя Геродот и не называет его по имени.

Обладая во многих случаях солидной обстоятельностью, описание Геродота все же вызывает порой недоумение, содержит немало противоречий, для посильного разрешения которых должны быть использованы, помимо

¹ Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 54 и сл.

² Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Сб. статей. Л., 1948, с. 308 и сл. (статья «Скифский рассказ Геродота»).

фрагментов Гекатея и других древнеионийских данных (включая и эпическую поэзию), соответствующие пассажи более поздних периплов и перизгес, основанных частью на тех же древнеионийских источниках.

То обстоятельство, что географическим костяком геродотовой Скифии, к которому привязаны его прочие географические и этнографические сведения, были реки, показывает, что Геродот при составлении этого описания сверялся с картой. Ею могла быть какая-либо ионийская карта, приложенная к Периплу Скилака, Перизгесе Дионисия Милетского или к Землеописанию Гекатея. Подобная карта, судя по упоминаниям в древней литературе и по сохранившимся позднейшим картографическим образцам³, представляла собой графическую схему, на которой были показаны, применительно к скифским пространствам, Черное, Азовское и Каспийское моря, с линиями впадающих в них рек. Между ними были обозначены имена племен и народов, живших по их берегам.

Расположение этих наименований на карте соответствовало относительному удалению от морских берегов и устьев рек племенных ареалов. Поэтому мы и находим у Геродота упоминания о том, что одно племя обитает «выше» (κατ'ὑπερθε), т. е. далее от моря, чем другое — следы работы с картой.

Схематизм древнейших греческих карт, их условности приводили иногда к значительным искажениям реальных географических фактов. Карты, связанные с периплами и перизгесами, изображали в необходимых подробностях прибрежные районы средиземноморских (или причерноморских) стран — карта непомерно растягивалась в длинном направлении и укорачивалась в широтном. Это особенно заметно на сохранившихся до нашего времени римских дорожниках, изготовленных по соответствующим греческим образцам (Итинерарий Антонина, Пейтингеровы таблицы и т. п.). Именно подобной картографической условностью приходится объяснять то, что у Геродота Каспийское море протяженнее с востока на запад, чем с севера на юг. Схематизм древних карт, видимо, привел и к тому, что положение географических названий иногда

³ Ельницкий Л. А. Новый источник по географии Северного Причерноморья. — ВДИ, 1937, № 1, с. 240 и сл.

сильно изменено в других древних источниках: р. Герр и племя герров у Птолемея помещены в Приазовье Прикаспии, а у Геродота — в Приднепровье. Точно же гелоны и будины у Псевдо-Скилака находятся на Черноморском побережье Кавказа, а у Геродота — северные соседи скифов. Таким образом, для суждения географии геродотовой Скифии необходимо постоянно ращаться ко всякого рода параллельным данным, иначе многое в его картине или останется непонятым, или — что еще хуже — приведет к ошибочным заключениям.

Геродот пользовался, разумеется, не только картографическими источниками. «Скифский рассказ» обнаруживает на себе влияние разнообразных историко-географических традиций, возникших среди малоазийских причерноморских и иранских греков, использовавших локальные наблюдения, предания и легенды. В нем чувствуются отголоски некоторых ученых концепций, авторами которых могли быть Дионисий Милетский, Скилак, Гекатей и какие-нибудь другие писатели. Соединяя данные своих источников, Геродот в некоторых случаях не замечает возникающих при этом противоречий. Сообщая, например, о том, что, скифы пришли в Европу из Азии, и к тому же не ранее чем в VI-ст. до н. э., он рассказывает следом легенду о происхождении скифов от Геракла и местной приднепровской змееногой богини Ехидны. И тогда получается, что скифы — народ причерноморского корня. (Вдобавок он, как уже отмечалось, называет «Старой Скифией» территорию от Какинитского залива до устья Дуная, а ведь при движении скифских племен с востока на запад эта часть Скифии должна была представляться самой новой и завоеванной в последнюю очередь).

Устанавливая в суммарном описании (IV, 48) границы Скифии от Серета до Дона, Геродот в другом месте (IV, 99) не дает возможности распространить скифов к западу далее Днестра и устья Дуная, поскольку самое западное из скифских племен — скифы-пахари (Ἀροτήρες) занимает, по его сообщению (IV, 17), междуречье Буга и Днестра, а далее к западу живут агафирсы, племя, по его мнению, уже нескифское.

Проведя затем восточную границу Скифии по Танаису (Дону), за которым живут опять-таки уже нескифские племена, он, в противоречие этому, сообщает об азиатских

саках, что имя их однозначно скифам на языке персов и **что** за саками живут снова скифы, отделившиеся некогда от скифов царских.

Из наличия всех этих противоречий явствует, с одной стороны, что источники Геродота не были единогласны в установлении **западной** границы Скифии, а с другой, — **что** они (в частности, Скилак и **Гекатей** Милетский) именovali скифскими все без разбора степные причерноморские и азиатские племена. Весьма зависимый от них Геродот, хотя и объединяет под именем «скифских» лишь племена, находившиеся в подчинении у скифов царских и вступившие в борьбу с персами, не выдерживает во многих случаях этого принципа до конца. Он пытается **подкрепить скифское** этническое единство указанием на то, что все скифские племена говорят на одном языке, но поскольку он сам явно не владеет ни скифским, ни другими иранскими языками, к числу которых, видимо, принадлежал и язык скифов царских, суждения его о сходстве или несходстве языков тех или иных причерноморских племен вряд ли могут быть признаны сколько-нибудь авторитетными.

Памятуя обо **всех** этих противоречиях и несообразностях «Скифского рассказа», мы все же именно его принуждены принять за основу географического и этнографического обозрения племен, населявших степные евразийские пространства в эпоху расцвета скифской культуры. Геродотово описание Скифии наиболее объемлюще и **подробно**. Оно дает очень много для понимания разнообразных сторон скифского быта и первоначальной истории скифских племен. Следует только не упускать из вида специфических особенностей геродотовой информации: примитивности ионийской картографии, с весьма условным представлением о соотношении тех или иных территорий и о действительном расположении населявших **ее** народов; мифического элемента, пронизывающего ионийскую науку, с которым Геродот ведет борьбу, но оказывается не в состоянии освободиться от его воздействия; ограниченных возможностей Геродота в отношении проверки тех сведений, какие он получал о скифах от **представителей** местного причерноморского населения — греков или **огреченных** скифов (эллино-скифов), поскольку он не знал ни местных языков, ни древнеперсидского языка, а собственные его наблюдения (аутопсия) были-таки

очень ограничены. При подобном критическом отношении к «Скифскому рассказу» из него можно почерпнуть гораздо больше, чем принимая геродотовы сообщения на веру, как это, к сожалению, еще до сих пор практикуется в нашей науке.

Результаты археологической деятельности на территории древней Скифии дают возможность основательно прокомментировать как «Скифский рассказ» Геродота, так и другие древние географические и этнографические сочинения, касающиеся евразийских стран в скифское время. Так, проблема взаимодействия кочевнических и оседлых племен и их культур выясняется из исследования многочисленных городищ и открытых поселений на Днестре, Днепре, Дону, Волге, Оби и других среднеазиатских и сибирских реках. Эта проблема ставилась неоднократно в работах М. П. Грязнова⁴, С. П. Толстова⁵, А. Н. Бернштама⁶, Б. Н. Гракова⁷, М. И. Артамонова⁸ и других ученых, которые подчеркивали связи скифских поселений и окружающих их курганных и грунтовых могильников с большими курганами кочевнических племен, как свидетельство длительных контактов между кочевыми и оседлыми компонентами скифской культуры.

При изучении скифских племен более рационально отступить от того направления, в котором Геродот и другие древние авторы производили свое описание Скифии, т. е. двигаясь с запада на восток. Противоположное направление — из азиатских пространств в европейские и малоазийские области, — может быть, более соответствует реально-историческому распространению некоторых скифских племен и некоторых элементов скифской культуры (как и кочевнической культуры вообще — с весьма древнего времени).

Широкие евразийские культурные связи, существовавшие за счет кочевого быта, устанавливаются начиная с

⁴ Грязнов М. П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах. — КСИИМК, 1949, вып. 26, с. 110 и сл.

⁵ Толстой С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации,

⁶ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня. — МИА, 1952, № 26, с. 190 и сл.

⁷ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, М., 1954, № 36.

⁸ Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1948 г. — ВЛГУ, 1948, № 11.

эпохи ранней бронзы. Минусинско-алтайская афанасьевская культура обнаруживает определенную общность с ямной и катакомбной культурами. В Сибири есть следы импорта из Приаральского бассейна. Отдельные признаки связей афанасьевской культуры с западом могут быть прослежены до Поволжья, а быть может, и до Черноморья. В более позднее время связи эти становятся отчетливее. Еще В. А. Городцов подметил, что белонефритовые кольца из Сейминского могильника — сибирского происхождения. Они имеются в Глазковском могильнике, близ Иркутска, и (по соответственным китайским находкам) датируются XVIII—XIII в. до н. э.⁹

Что касается скифского времени, то к числу единичных находок, имеющих определенно заносный характер и, следовательно, свидетельствующих о значительных перемещениях некоторых вещей (и переносивших их людей), относится небольшой клад боспорских монет, найденный в 1918 г. в Джунгарии, на левом берегу Бортолы, в 15 км от оз. Эби-нор, на пути к Саирам-нор. Клад находился в коллекции Томского университета и состоял из 16 бронзовых монет, чеканенных, по определению Э. Дилия, в Пантикапее (15) и в Фанагории (1). Монеты относятся к III в. до н. э.¹⁰

В книге IV, при описании Скифии, Геродот (IV, 22) говорит о том, что на азиатском востоке, за пределами нескифских племен (в последнюю очередь иириков), вновь живут скифы, некогда отделившиеся от скифов царских. К востоку от этих скифов Геродот помещает аргинцев, исседонов и аримаспов. Далее, при описании племен, участников похода Ксеркса, он упоминает о скифском племени — саках (VII, 64), которых-де называют еще амиргскими скифами и которые жили, видимо, по соседству с бактрами (IX, 113)¹¹. О саках, как о подданных

⁹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1949, с. 59 и сл.

¹⁰ Werner J. Fund bosporanischen Münzen in der Dzungarei. — ESA, 1933, Bd. 8, S. 249 f. Э. Дилия опубликовал эти монеты в «Blätter für Münzfreunde. Monatsschrift für Münz- und Schaumünzkunde», 1923, Jg. 58, Okt.-Nov., S. 441 - 449, Abb. 266, 1 - 6.

¹¹ В эпитете «амиргии» (Ἀμυργίοι Σκυθῶν) позволительно пытаться распознать отголосок имени киммерийцев (gimirrai, древнеармянское gamirk), что было бы допустимо уже по одному тому, что приложение имени киммерийцев к скифам (сакам) вовсе не было чуждо древним иранцам (см. ниже).

персидских царей и участниках их походов против греков, Геродот (в разных местах своего сочинения) сообщает некоторые подробности. Мы рассмотрим их несколько далее, когда речь будет идти специально о саках. Что же касается трех других племенных имен, то прежде всего необходимо отметить их наличие в древнейших греческих свидетельствах о евразийском северо-востоке, на которых отчетлива печать древнеиранского фольклора. При упоминании об аримаспах Геродот (IV, 14) ссылается на Аристея — мифического поэта-ясновидца и волшебника, о котором говорилось выше, в связи с тем, что ему приписывалось авторство мифико-этнографической поэмы «Аримаспея», чье возникновение должно быть отнесено к VII—VI вв. до н. э., во всяком случае, к тому времени, когда греческая осведомленность о северо-восточных странах основывалась преимущественно на иранских данных.

Аримаспы Аристея в пересказе Геродота и соответственно отрывку из Аримаспеи, сохраненному византийским ученым, поэтом Цетцом, — одноглазые длинноволосые люди, сражающиеся со стерегущими золото грифонами. И здесь должна быть принята во внимание другая легенда — североиндийского происхождения, связанная с упоминающимся уже у Гекатея Каспапиром (индийским Кашмиром), которую Геродот передает вместе с описанием североиндийских областей (III, 102).

Он говорит, между прочим, что воинственные североиндийские племена совершали через пустыню походы за золотом в страну, населенную муравьями величиной с собаку. Эти-де муравьи, при устройстве своих подземных жилищ, выбрасывают наружу золотой песок, который и собирают приезжающие на верблюдах индийцы (IV, 104). Поскольку при этом одноглазые люди не упоминаются, приходится думать, что индийская легенда о грифоньем золоте в качестве его добытчиков имела в виду не аримаспов, т. е. не скифов, а северных индийцев, племенное имя которых известно через Страбона (XV, 1, 44) и Плиния (NH, VI, 67) как дерды или дарды, звучащее в наименовании современного Дардистана.

Но легенда об одноглазых людях, несомненно, тоже индийского происхождения. Ее передает Мегастен (у Страбона: XV, 1, 57), со ссылкой на индийских философов. Речь идет о диковинном племени одноглазых людей с собачьими ушами и единственным глазом посреди лба.

Волосы на голове у них торчат дыбом, а грудь покрыта **косматой** шерстью. В этом описании много общего с древнегреческим метрическим описанием **аримаспов**, сохраненным Цетцом (Alex., 758) и возводимым им к Аристею.

В легенду о **грифоньем** золоте **аримаспы** попали, вероятно, на иранской почве, где ее, видимо, слышал в VI ст. до н. э. Скилак, у которого только и мог позаимствовать свой **рассказ** Геродот. В ней мы имеем дело с контаминацией легенды о североиндийском золоте муравьиного происхождения и легенды об одноглазых людях, которым в Иране было придано имя скифских аримаспов, имевших, может быть, какое-то реальное отношение к добыче золота. Последнее соображение возникает при ознакомлении с редакцией этой легенды, переданной Ктесием Книдским, жившим при персидском дворе в конце V в. до н. э. В его рассказе добывающие золото индийцы переправляются через р. Кампилин, находящуюся в земле исседонов, что предполагает некую реальную географическую среду, поскольку имя племени исседонов проходит через всю греко-римскую географическую литературу, — среду при этом уже иную, чем в индийском варианте легенды (Aelian., De nat. anim., III, 4)¹².

Аримаспея (у Цетца) именуется исседонов исседами (**Ἰσσηδοί**). Поэт Алкман, лидиец по происхождению, время жизни которого традиция относит к первой половине III ст. до н. э., употребляет это имя в форме **исседоны** **Ἰσσηδόνης**, или, по другому чтению **Ἀσσηδόνης** — у Стелана Византийского). Исседонами это племя впервые именуется Гекатей. Но обе формы — исседоны и **исседы** — удерживались в литературе, поскольку они живы у многих латинских авторов (Плиний, NH, IV, 88: Essedones; Помпоний Мела, II, 2, 9, 13; Аммиан Марцеллин, XXIII, 6,

¹² Эта река, называемая Ктесием Кампилином (**Καμπυλίνος**), была также поименована (но наименование ее утрачено) в перипле Зенотемида, восходящем в этом пассаже, по мнению Болтона (Bolton J. D. P. *Aristeas of Proconnesos*. Oxford, 1962, p. 68), к аристеевой **Аримаспее**, в строках, сохраненных у Цетца (**Chil.**, VII, 683 и сл.). Симмий Родосский, автор III в. до н. э., в поэме «Аполлон», в пассаже, также сохраненном у Цетца (**Chil.**, VII, 695), говорит о р. Кампас (**Καμπασός**), текущей за землями гипербореев и массагетов. Возможно, что это искаженное название р. Кампилин. Эхил же в «Прикованном Прометее», видимо, эту реку называет Плутоном (V, 61), поскольку у ее истоков поселяет аримаспов.

66; Tab. Peut. знает их при этом как *Essedones Scythae*¹³). Реальная локализация исседонов отчасти выясняется из Птолемея, знающего два поселения исседонов: *Исседон Скифский* и *Исседон Серический*, что заставляет распространить его имя на Алтай и *Туву*, — быть может, до границ Северо-Западного Китая. Западные же пределы бытования этого имени могут быть получены из локализации его Геродотом, помещающим исседонов «напротив» (*ἑσθητικόν*) *массагетов* (I, 204)¹⁴.

Геродот и другие авторы сообщают об *исседонах* сведения сказочно-мифологического порядка, заставляющие причислить их к разряду «справедливых» народов — *гипербореев*, *аргишнеев* и др. Они не знают вражды и обиды, равно как и иных социальных бедствий. В то же время Геродот наделяет их этнографическими чертами, свойственными *массагетам* и другим скифским племенем: они поедают мясо умерших предков, а из черепов своих врагов изготовляют чаши для питья вина, обложив их золотом. Подобные бытовые характеристики присутствуют в сообщениях Геродота о скифах, а в *древнекитайских* источниках — о *гуннах*.

Что касается *аримаспов*, то их «*киклоповская*» односторонность и связь их с грифонами, казалось бы, освобождает от необходимости поднимать вопрос о реальной историчности этого племенного имени и от поисков его реально-географической локализации, если бы писатели эпохи Александра Македонского не упоминали о племени *ариаспов* (Агг., *Anab.*, III, 23, 2), локализуемом между *Дрангианой* и *Арахозией* (т. о. в *Ариане*, названной по их же имени), хотя и но лишенном легендарных черт, связывающих его с походом *Кира Старшего*, которому оно якобы содействовало против *массагетов*, за что и удостоилось прозвища *эвергетов*. Имя их уже в древности

¹³ Имена *массагетов*, *исседонов* и *аримаспов*, до того звучавшие совершенно легендарно для греческого уха, первым из греческих *географов-путешественников* мог услышать *Скилак* в *Каспийском море*, а от него — *Гекатей* и другие авторы (Herrmann A. *Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike*, Leipzig, 1938, S. 9).

Выражение *ἑσθητικόν* уместнее всего звучало бы применительно к какой-нибудь большой реке, разделявшей то и другое племя. Рекой этой мог бы быть *Аракс-Яксарт*, за которым где-либо к востоку должны быть локализованы *исседоны*. Птолемей (*Geogr.*, IV, 13, 3), впрочем, помещает и *массагетов* за *Яксартом*, которых от *исседонов* отделяет горный хребет *Имав*.

с **трудом** отграничивалось от имени аримаспов, а некоторые из древних авторов, например, Диодор Сицилийский (XVII, 81, 1), их прямо отождествляют.

Возможно, в известной связи с именем аримаспов **находится** и имя племени скифов-аристеев, локализуемых к западу от Алтая¹⁵, а кроме того, укрепленный пункт —

Аримазова крепость (Ἀριμαζοῦ πύργου) в Согдиане (названная так якобы по имени некоего скифского вождя), захваченная Александром Македонским и упоминаемая

¹⁵ С именем аристеев А. Н. Бернштам вслед за В. Томашеком склонен связывать позднейшие наименования Урешт. Ратл в районе Алая и Эрши в Ферганской долине. Последний пункт был, до его мнению, **политическим** центром оседлых аристеев в Ферганской долине (Бернштам А. Н. **Историко-археологические** очерки Центрального Тянь-Шаня..., с. 211). Раскопки в Чон-Алае (Дараут-курган и Кызыл-курган) обнаружили остатки селищ со слоями **позднеанауской**, даваньской и **кушанской** эпох. Культуру эту в ее более поздних проявлениях А. Н. Бернштам связывает с **кумедами** китайских источников (там же, с. 197 и 207), в проявлениях же более ранних — с **аристеями**. С **аристеями-кочевниками** тот же автор соединяет курганы с **каменными** насыпями на Алае (Тулей-кейская группа), относящиеся к скифскому времени, а также курганы **могильника** Чокмак (в долине Алая). Этот **последний** **могильник**, относящийся к VI — V вв. до н. э., обнаруживает признаки известных восточных связей: в одном из **курганов** найдена бронзовая ажурная **пряжка**, **ближайшие** аналогии которой известны в маймирской культуре Алтая (там же, с. 204). Подобные пряжки известны в Ордосе, Монголии (Лобнор) и в Китае.

Т. Сулимирский (Sulimirski T. The Sarmatians. N. Y., 1970, p. 72) в легендарном и восходящем к **Аристеев** сообщению Геродота о том, что **аримасы** потеснили исседонов, склонен усматривать отголосок (гипотетичных, почерпнутых из археологии) признаков **того**, что **носители** карасукской культуры потеснили и изгнали **андроновцев**. Не считаясь с древними отождествлениями аримаспов и ариаспов, он сближает их с **аргипшеями** и локализует, — видимо, отчасти именно на основании этого отождествления, — к востоку от Семипалатинска и в ареале маймирской культуры, полагая в них ее носителей. Он считает также, что европеоиды **аримасы** господствовали над **монголоидами-большеречинцами** (Ibid., p. 75).

Как бы то ни было, древние племенные наименования с корнем **ari** (**Arima** и др.) имели весьма широкое распространение не только к западу, но и далеко к северу от индо-иранских границ. Об этом свидетельствует бытование еще и в XVIII ст. племенного имени **арины** (аринцы) на Среднем Енисее. В отношении своего этнического содержания имя это уже и в древние времена, быть может, соответствовало в какой-то мере имени «римляне» в применении его к румынам и цыганам.* (см.: **Боргояков** М. И. **Скифо-тюркские** (хакасские) этнографические и фольклорные **параллели**. — «Народы Азии и Африки», 1975, № 6, с. 90).

Полиэном (Strat., IV, 3, 29), Страбоном (ср.: *Агг.*, *Анаб.* IV, 28, 4) и другими авторами. Геродот объявляет имя аримаспов скифским и полагает, что оно означает «одноглазый» (IV, 27). Диодор же, заимствующий свою версию у Ктесия (II, 43, 5; ср. *Ctes.*, *Pers.*, II, 22), производит имя этого племени от личного имени его вождя. Нельзя не сопоставить имени аримаспов с киммерийским племенным именем *Arima*, засвидетельствованным в ассирийских, урартских и греческих источниках, начиная с XIII в. до н. о. Перемещения его с востока на запад были прослежены нами выше вплоть до Апеннинского полуострова.

Что касается опосредствования имени исседонов, то Птолемеевы Исседон Скифский и Исседон Серический доказывают, что, по крайней мере в эпоху Маэса Титиана (I в. н. э.), имя исседонов было распространено на территории, занятые монгольскими племенами. *Анналы* династии Хань знают имя усуней, которых с некоторых пор, и с известными основаниями, отождествляют с исседонами¹⁶. Китайские источники упоминают об усунях применительно к эллинистическому времени (III—II вв. до н. э.), свидетельствуя о их распространении к западу и о нажиме их на сакские племена, с которыми они, несомненно, во многих случаях смешивались, сообщая последним свое имя, как это бывало повсеместно в скифской культурной среде. Следствием чего и было, вероятно, распространение таких племенных имен, как киммерийцы, скифы, геты (массагеты, тиссагеты), *гелоны*, савроматы, сарматы, готы, гунны, и других на очень обширные территории.

Отождествление *усуни-исседоны* было произведено впервые Гудзоном (*Hudson G. F. Europe and China, L. 1931, p. 39 f.*) и с тех пор продолжает приобретать сторонников, хотя Г. Галун *например* считает, что *усуней* легче всего ассоциировать со *страбоновыми* и *птолемеевыми* асиями или асианами (*Haloun G. Zur Ue-Tsi-frage. — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1937, Bd 91, H. 2, S. 252*). Если считать правомочным отождествление *исседоны-усуни* для эпохи эллинизма, то для более раннего времени имя исседонов, вероятней всего, должно быть связано с именем «царских саков» (сай-уань). К этому, по-видимому, склоняется и А. Н. Бернштам, полагающий что исседоны, они же *сакские саки*, пребывали в бассейне р. Или, преимущественно в *Исе*, *Исе*, *Талгаре* и *северо-восточней*, до долины *И* *штам* А. Н. Указ. соч. с. 210).

О том, что иранцы называли саками все вообще племена, именовавшиеся у греков скифами, помимо Геродота прямо сообщает еще и Плиний (NH, VI, 50), широко использовавший древнеионийскую традицию. Однако более поздние географы, а среди них прежде всего Птолемей, указывают для Средней Азии раздельно скифов (перед и за Имавом) и саков, которых помещают к югу и к западу от названных азиатских скифов, к северо-западу от индов и к северо-востоку от согдов. Эта география саков заставляет предположить, что у самих центральноазиатских народов имя саков бытовало применительно к определенной географической и этнической среде, которая, соответственно данным китайских хроник, относящихся к временам, близким к последним столетиям до н. э., занимала пространство междуречья Сырдарьи и Амударьи и к востоку от Сырдарьи у подножий Гиндукуша, Куэнлуня и Алая, а также на Памире.

В древнейших разделах Авесты (Вендидад, 1 и Яшт 143) упоминаются враждебные иранцам туранские (т. е. кочевнические) племена. Помимо имен *dāha* и *hunu*, широкое распространение которых видно еще из Риг-Веды (*hunu* и *daza*) и которые уже В. Гейгером¹⁷ отождествлялись с даями и гуннами греческих авторов, там содержатся имена *sarima*, сопоставляемое с сарматами, *maredha*, сопоставляемое с именем мардов (амардов) — части племени массагетов у Страбона (Strab., XI, 7, 1), *driwika*, в котором нетрудно узнать дербиков или дрибиков греческих и латинских авторов. Последнее из этих имен (в форме *drbhika*) упоминается также и Риг-Ведой (II, 14, 3), чем свидетельствуется его распространение вдоль восточноиранских и североиндийских культурных границ. О дербиках Страбон (Geogr., XI, 8, 8; 9, 1), пользуясь, видимо, данными, полученными во время похода Александра Македонского, сообщает сведения, повторяющие отчасти то что уже из Геродота известно вообще о массагетах: они убивают и поедают стариков старше 70 лет, а старых женщин удушают и потом хоронят (вместе с умершими мужьями).

В Авесте неоднократно упоминается имя враждебного иранцам туранского героя-чудовища *Azi-dahaka*, изобра-

¹⁷ Geiger W. *Ostiranische Kultur im Altertum*. Erlangen, 1882, S. 198.

жаемого в виде дракона или змея, имя которого так» необходимо поставить в связь с племенным именем даев¹. Изображение кочевников в виде фантастических змееообразных существ находит свою параллель в древнеиндийских легендах о северных варварах — киратах, представлявшихся в виде змееногих существ, наподобие гигантов греческой мифологии.

Гомеровские αβιοι (II, XIII, 6) — неимущие, в приложении к кочевническим племенам севера, уже в древности расценивались как надуманный поэтический эпитет (Эратосфен у Страбона, Geogr., VII, 3, 7; XII, 3, 26) хотя комментаторы Гомера понимали его нередко как реальное племенное наименование, чему, несомненно способствовало употребление его Эсхилом в форме Γαβιο. С этим этнонимом может быть сопоставлено сообщение Дидима (St. Byz., s. v.) о том, что абии являются фракийским племенем.

Однако, видимо, гораздо более прочная традиция связывает это наименование с закаспийскими странами. Плиний (NH, VI, 77) называет племя Abi (Sari, следующее за ним в тексте, вероятно, отдельное наименование; см.: Тоерффер — PWRE, I, 1894, Sp. 100, s. v. Abi) и помещает его в пустынных местностях Северной Индии. Оно было этнографической реальностью для спутников Александра, сообщающих о посольстве к ним александровых гетеров с информационными целями (Агг., Anab., IV, 1, 1). Курций Руф (VII, 6) сохранил предание, в котором они связываются с эвергетами, о том, что абии приобрели политическую независимость после смерти Кира Старшего¹⁹. Наконец, Аммиан Марцеллин (XXIII, 25) помещает

¹⁸ Э. Мейер (Meyer E. *Geschichte des Altertums*, Bd 1, 2. Stuttgart, 1954, S. 913) отмечает, что по свидетельству Авесты (ЯШТ 5' Azi-dahaka (zohak) имеет своим местопребыванием Вавилон (baw-gi), в связи с чем его-де надо рассматривать как выражение (враждебного) влияния Вавилона на Иран. Однако в этой локализации, вероятно, отразилось проникновение прикаспийских племен (в том числе даев) в Переднюю Азию.

¹⁹ Судя по тому, что Ктесий (фр. 29, 6) называет противниками Кира Старшего дербиков, Беросс (в Хронике Евсевия — FH&, vol. 2, p. 505) — даев, а Курций Руф (VII, 6, 11) — абиев, т. е., видимо, массагетов, все эти племенные наименования были в известном смысле взаимозаменяемы. Речь идет об именах племен, в то или иное время стоявших во главе союза закаспийских скифов и являвшихся, следовательно, «царскими». И. В. Пьянков (Ж вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов.— ВДИ, 1964, № 3,

абиев — опять-таки как реальное для его времени дафское племя — к северу от гирканов. Фонетическая связь этого имени с именем богини Апи, упоминаемым Геродотом и осмысляемым этимологически совокупно с древнеиранским ab, ar — вода²⁰, также утверждает реальную почву для подобного племенного наименования.

Учитывая последнее соображение, А. Н. Бернштам локализует абиев в области Ренгай (в Авесте — средоточие «всадчиков не знавших над собой владыки»). Область эта, ко ее наименованию, отождествляется с бассейном Сырдарьи — ganha Авесты, на основании чего он, кроме того, отождествляет абиев с апасиаками — «водными саками» Страбона, оставившими, по его мнению, воспоминание о себе в таких топонимах, как Испидж-аб, Фар-аб, Пендж-аб²¹.

Китайские источники — хотя древнейшие из них относятся к эллинистической эпохе, по несут в себе значительно более раннюю традицию — называют для северо-западных пределов Китая имена соседей-кочевников: юн, хуин-ну, хуц-ну²², локализующиеся преимущественно к северу от верхнего и среднего течения р. Хуанхэ. Менее определенную, но также северо-западную локализацию имеет наименование сэ, носители которого нередко фигурируют в китайских летописях в качестве кочевников, угрожавших Китаю со стороны западных степных пространств.

с. 115 и сл.) высказывается в том смысле, что дербики и массагеты могут быть признаны для второй половины VI в. до н. э. тождественными, упоминание же Бероссом даев является позднейшей интерполяцией.

²⁰ Абасев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, с. 153.

²¹ Бернштам А. Н. Указ. соч., с. 212, Наименование апасиаки (Апа-саки, т. е., может быть, саки богини Апа или Апи) могло послужить для создания племенного наименования абии в качестве греческой этимологизации первого имени).

²² Приставка «ну» означает «подчиненные», «порабощенные» (племна). (См.: Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches, Bd 1. Leipzig, 1930, S. 134). Она могла присоединиться к имени хун вследствие того, что некоторые из племен, носивших эти имена. Действительно оказывались в подчинении у китайцев. Сыма Цянь в качестве древнейшего китайского обозначения гуннов называет имя хуньей. В эпоху Хань гунны именовались сюнну, тогда как в промежутке, на протяжении древней истории Китая, гуннские племена носили различные другие наименования (Аскпн В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1968, с. 165 и сл.).

В имени **сэ** некоторые исследователи угадывают кит. тайскую форму имени саков или скифов, вероятно, до таточно рано получившего широкое распространение азиатских пространствах, поскольку оно фиксируется **позднеассирийскими** источниками и имеет свои формы древнеиндийской и древнеиранской литературе. Что касается имени хун, то оно еще более определенно ассоциируется с именем гуннов, в эллинистические времена игравших существенную историческую роль у северо-западных пределов Китая, а в начальные века и. э. уже вышедших на мировую арену. В анналах династии Хань гуннам уделено много внимания, и мы узнаем из них о быте, политическом устройстве и религиозных обрядах гуннов — подробности, весьма сближающие их с прочими скифскими племенами.

К этим, наиболее тесно связанным с ранней историей Китая, именам северо-западных кочевых племен должно быть присоединено еще одно племенное имя — да-хя, локализующееся у западных пределов Китая. Его ассоциируют иногда с **тохарами**²³ — ирано-скифским именем, фигурирующим у греческих писателей в различных вариантах. Однако его, вероятно, правомерней сопоставить с именем скифского племени дагов или даев (**Δααι**), как было показано, особенно прочно зафиксированным на пространстве от Прикаспия до границ Северной Индии и имеющим свои параллели в Авесте (**dāhā**) и в древнеиндийской литературе (**daza**), где оно приобрело не только этнографический, но и совершенно определенный социальный смысл, сделавшись обозначением рабов.

Древнеиндийские источники (Махабхарата, XII, 65, 2429) среди северных пригималайских племен называют наряду с **sakas** еще и **barbaras**, а также **kulundas** и **kiratas** (**Mbh**, VII, 121, 4819). Если имя **barbaras**, должно быть истолковано, подобно греческому **βαρβαροι**, как обозначение чуждых, говорящих на непонятных языках племен, то второе из упомянутых имен **kirata** — вызывает гораздо более определенные ассоциации. В частности, североиндийским **kirata** соответствуют, вероятно, **Κιρραδαι** и **Κιρρδεις**, а также **Καραται**, которых Птолемей (**Georg.**, VI, 12, 4; VI, 13, 3) локализует в Согдиане по соседству

²³ Franke O. Op. cit., S. 46.

с дрепсианами, поэтому К. Реннов²⁴ допускает, что индийские кираты, племя сакского корня, жили первоначально в Согдиане. Далее Реннов сопоставляет племенное имя кирата с древнекитайским Kiet-lji-ta, что обозначает рабское (купленное) племя²⁵. Из этого именно племени происходили Sakyas — аскеты, сообщившие свое имя Будде и породившие буддизм. Плиний, на основании легендарных данных древнеиндийского происхождения, воспринятых им через Мегастена, описывает кочевническое племя Sciritae (Σκιράται, кираты) в Индии, наделяя их широкими ноздрями и змеобразными ногами²⁶.

Вероятней всего, варьируя эту же легенду, Элиан (по Ктесию) сообщает о гигантских, питающихся скотом змеях, живущих в области Σκιράτα в Индии (Aelian, НА, XVI, 22). Легенда эта прозрачна в том отношении, что в змеях, питающихся скотом, нетрудно распознать грабителей-кочевников. Со змеями они ассоциируются, в частности, потому, что имя Kirata происходит, по мнению Реннова, от древнеиндийского krimi — змея, что соответствует этимологически греческому σκωληξ. Исходя из этого, имя сколоты Реннов сопоставляет также с Kulūta и Kulinda — племенными наименованиями, родственными имени кираты. Но если имя киратов связывается с Согдианой, то кулинды могут быть сопоставлены с именем Кулунда (Кулундинская степь), также возвращающим нас в сако-усуньские степные пространства.

В исторических обстоятельствах позднеэллинистического времени китайские источники называют еще два племенных наименования, локализующиеся в степях к западу от Китая и сближающиеся с именами некоторых восточноскифских племен, известных, возможно, и древ-

²⁴ Rönnow K. Kirata.— «Le monde Oriental», 1936, vol. 30, p. 123 s.

²⁵ Ibid, p. 130 s.

²⁶ Plin., NH, 25: gentem inter nomados Indos narium loco foramina tantum habentem, anguivm modo loripedem vocari Sciritas. Мегастен (фр. 30 М) приписывает войну с журавлями индийскому

племени Τρισίδαινοι (т. е. «длиной в три пяди»), которые могут соответствовать лишь пигмеям. Х. Ляссен (Lassen Chr. Indische Altertumskunde, Bd 2. Leipzig, 1874, S. 662) приводит другую древнеиндийскую легенду о том, как священным птицам гаруда приписывалась вражда с племенем Kirata. Птицы поэтому именовались еще Kiratacin — «пожиратели киратов», что обозначало также карликов.

негреческим авторам. Одно из них — упомянутое выше имя усуней — па основании фонетических сопоставлений отождествляется с именем исседонов и связывается по его географическому положению с индо-иранскими рубежами.

Согласно китайским данным, сопоставляющим усуней с гуннами и саками (последним усунь, по тем же данным, были и близко родственны), племена их усилились в III—II вв. до н. э. за счет племен юе-чжей, которые были ими частично поглощены, частично передвинуты к юго-востоку. Сами усунь несколько позже тоже были отеснены и отчасти подчинены гуннами²⁷. Что же касается

²⁷ Гунны (протогунские племена) первоначально занимали пространства непосредственно к северу от верхнего течения р. Хуанхэ. Усунь жили чуть юго-западнее, а юе-чжи — непосредственно к югу от усуней. Западной их, за горами, лежала Кашгария, в свою очередь отделенная горами от Бактрианы.

Гунны, судя по истории Моде-шаньюя, в молодости отправленного к юе-чжам его отцом Туман-шаньюем, были связаны с юе-чжами и усунями тесными отношениями мирного характера, привоившими к их ассимиляции (Govern W. M. The Empires of Central Asia, Chapel Hill, 1939, p. 116 f.). Туман (или Тоумань)-шаньюй — ум. в 209 г. до н. э. — именем своим связывается, может быть, с монголо-тюркским *tuman* или *tüman* (Гаскин В. С. Указ. соч., с. 128 и сл.). Равно как и имя Моде (правильно Маодунь, Maotun или Motun — Altheim F. Geschichte der Hunnen. Bd 1. Berlin, 1959, S. 23, 61) предположительно возводится к алтайскому *bogtun.

Китайские источники возводят борьбу древних китайцев с западными варварами к незапамятным временам. В древнекитайском эпосе, восхваляющем подвиги вождей-царей, упоминается военачальник Нан-чун, победивший хьянь-юнов (или съен-юнов). Этот эпический пассаж находит соответствие в сообщении бамбуковых анналов, в которых говорится под 1169 г. до н. э., что в третий год царствования Ти-и отдал Нан-чуну приказание противостоять на западе кун-и и укрепить северную страну. Эти свидетельства, с одной стороны, позволяют видеть в имени кун-и нечто общее с более поздним хуин-ну (гуннами), с другой же — они содержат древнейшее упоминание о северокитайских укреплениях против степных варваров (Herrmann A. Die Westlander in der chinesischen Kartographie. — In: Hedin Sven. Southern Tibet, vol. 8, Stockholm, 1922, p. 134 f.). По мнению Г. Галуна (Haloun G. Zur Ue-tsi-Frage. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». 1937, Bd 91, N. 2, S. 305), с ареалом распространения ордосских украшений в зверином стиле совпадает территория племени юе-чжей (ü-tsi), упоминания о котором относятся к более раннему времени. Для имени ючжи, сопоставляемому им с именем скифы, Г. Галун реконструирует древнюю форму *zguja, которая в свою очередь соответствует ассирийской форме iskuza в документах VII в. до н. э. (Haloun G. Op. cit., S. 717).

ся юе-чжей (второго из интересующих нас имен), то они под ударами гуннов, по свидетельству китайского путешественника Тсань-Тсиена, в 174—160 гг. до н. э., разделились на две части, из которых более значительная, подучившая наименование «больших юе-чжей», обосновалась в верховьях рек Или, Чу и Нарын (в Южном Казахстане), а меньшая — «малые юе-чжи» — направилась в северотиботские пространства.

Таким образом, можно считать, что в более ранние времена юе-чжи и усуни занимали территории на Алтае и в Минусинской котловине, тогда как передвинувшись в Казахстан, они соединились там с заяксартскими саками, в китайских источниках фигурирующими под именем сай-уань²⁸. Часть юе-чжей проникла также в Ферганскую долину и далее в Бактриану, воспользовавшись горными проходами (так называемая «висячая дорога») через Памир. Эти последние местности фигурируют у Тсань-Тсиена под именем Та-сья.

Относительно же ранних гуннских племен, с древнейших времен известных в Китае под уже упомянутым именем хуин-пу, видимо, следует считать, что первоначально они занимали пространства Ордоса и Южного Забайкалья, тогда как в более позднее, близкое к началу нашей эры время они продвинулись в Монголию, а возможно, и еще южнее, поскольку в древнеиндийской литературе также становится известно их имя (hunu).

Вполне вероятно, что протогунны представлены в археологии теми северокитайскими находками эпохи поздней бронзы и раннего железа, которые содержат близкие параллели памятникам карасукской культуры на Енисее и плиточных могил в Монголии.

²⁸ Наименование сай-уань (Sai wang), встречающееся в анналах династии Хань (гл. 96), применительно к одному из сакских племен, в связи с нападением на него юе-чжей, буквально означает «князя саев», вследствие чего его необходимо сопоставить с наименованием «царские саки», засвидетельствованном Страбоном (Geogr., XI, 8, 2). Для более позднего времени (III — II вв. до н. э.) китайские источники (Хань-шу, гл. 61) сообщают о том, что гунны захватили земли юе-чжей, а юе-чжи напали на сай-уаней (сака-равков). После этого гунны и усуни совместно напали на та-юе-чжей (больших юе-чжей). Последние перешли к западу и заняли Ферганскую долину (Та-хья), а сай-уань отступили к югу и заняли Ки-пин (Кашмир) (Smith V. The Sakas in Northern India. — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1907, Bd 61, S. 414).

Культура ранних гое-чжей соседствовала на западе протогуннской и во многом была ей родственна. Начатки ее следует видеть в позднейших проявлениях местных культур эпохи бронзы, близких андроновской и карасукской. Необходимо отметить отчетливое распространение обеих названных археологических культур к западу, как свидетельство значительных перекочевок их носителей с одной стороны, и тесного взаимодействия с местными племенами в Западной Сибири и Казахстане — с другой. Практически границей распространения элементов андроновской и карасукской культур к западу были приаральские и приволжские пространства, на которых они проявились в некоторых местных вариантах.

Однако наибольшей интенсивности развитие этих областей достигло к периоду формирования восточноскифской культуры в Минусинской котловине, где она в эпоху становления тагарской культуры имела как оседлый так и, — может быть, в верхушечной ее части, — кочевнический характер. Количество курганов, принадлежавши местной тагарской знати, не велико, зато, чем позже во времени, тем значительней по размерам и по количеству прогребенных курганы оседлого населения, жившего общинным бытом и находившегося, видимо, в состоянии подчинения у этой знати, которая сама, в свою очередь, могла находиться в подчинении у алтайских скифов-юе-чжей, где майэмирские, пазырыкские, катандинские и урскульские курганы свидетельствуют о долговременном существовании некрополей царей (военных вождей) восточноскифского мира, судя по размерам и богатству «царских» захоронений. Цари эти распространили свою власть на обширные территории и поддерживали связи с Китаем и индо-иранским миром.

Майэмирские, туяхтинские и пазырыкские находки позволяют установить не только известную эволюцию во времени алтайской культуры той эпохи, достаточно близкой, с одной стороны, тагарской культуре Минусинской котловины и соответственным памятникам кочевнического и оседлого быта на Верхнем Енисее, с другой — скифским культурам Поволжья и Приуралья. Близость эта, в частности, проявляется в костяных и бронзовых украшениях в зверином стиле, предназначенных для конского убора: достаточно сравнить, например, костяную бляху от уздечки из кургана у с. Туяхта с резными кабаньими клы-

ками из раскопок у с. Цветочное (Блюменфельд) близ Саратова, чтобы ощутить общность, казалось бы, из самых глубин единоплеменного сознания исходящих эстетических представлений и бытовых **навыков**²⁹. Они дают возможность проследить также и некоторые социальные **изменения**, произошедшие в южносибирских, алтайских и приволжских степях на протяжении VII—IV вв. до н. э.

Если в пределах распространения тагарской культуры, за исключением, может быть, Салбыкского кургана, вообще трудно выделить захоронения царского типа, с соответствующей архитектурой, приношениями и дополнительными ритуальными захоронениями людей и животных, то в Майэмирской степи и в соседних местностях на Алтае наблюдается постепенный рост кочевнической аристократии, жившей среди оседлого (как и в Минусинском районе) зависимого населения. Развитие это приводило к формированию царских некрополей (Урскульского, Пазырыкского, Катандинского), с огромными курганами, содержащими захоронения, совершенные по обряду, наиболее близкому к описанному Геродотом (IV, 79). Исследователи этих **курганов** склонны связывать их как раз именно с племенем юе-чжеи .

Культура горных и степных алтайских **курганов** в равной мере связывается с поселениями оседлых и полупастбных кочевникам племен, как это наблюдается повсеместно в скифском мире. Подобные поселения, датирующиеся от рубежа II—I тыс. и до III в. до н. э., исследовал М. П. Грязнов близ с. Большая речка на Верхней Оби, между Барнаулом и Бийском. Относя открытые им культурные слои к скифскому времени, подразделяемому им на **большереченский** (VII—VI вв. до н. э.) и бийский (V—III вв. до н. э.) этапы, М. П. Грязнов³¹ констатирует наличие следов земледелия, металлургии, ткачества и других ремесел на исследованных им поселениях. Он отмечает, что найденная там керамика встречается во

²⁹ Киселев С. В. Алтай в скифское время.— ВДИ, 1957, № 2, С 157 (и сл.), рис. 7; Grakov V. Monuments de la culture scythique entre Volga et monts Oural.— ESA, 1928, Bd 3, abb. 19 — 21.

³⁰ Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Л., 1960, с. 176 и сл.

³¹ Грязнов М. П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах.— КСИИМК, 1949, вып. 26, с. 110 и сл.

многих других пунктах в районе Верхней Оби и в Западной Сибири вообще. Развитие, во многом параллельное совершавшемуся в бассейне Верхней Оби и в предгорьях Алтая, наблюдается на Верхнем Енисее — в отрогах I Саянского хребта, — на территории Тувы. Исследованная на протяжении недавнего времени казылганская культура³² охватывает значительную территорию от границ Алтая и до Монголии, обнаруживая много общих черт с культурой алтайских и казахстанских кочевнических племен, с одной стороны, Минусинской котловины — с другой. Кочевническая социальная верхушка древней Тувы находилась, видимо, с более раннего времени, чем это имело место на Алтае, в особенно благоприятных условиях для своего формирования и развития, поскольку уже в VII в. до н. э., на примере кургана Аржац, в долине р. Уюк (Центр. Тува), перед нами предстает картина весьма сложной аристократической иерархии возглавлявшейся древнетувинским племенным царьком, сосредоточившим в своих руках значительные богатства. Курган прикрыл целый некрополь, состоявший из деревянных срубов, расположенных радиально вокруг центрального сруба с царским захоронением. Вместе с царем в этих срубах были погребены 14 вельмож и слуг, в дорогих меховых одеждах, с драгоценными украшениями и оружием, а также около сотни верховых лошадей³³.

В Забайкалье и Южной Манчжурии, в Северном Китае, по течению р. Хуанхэ, и на территории Монголии в эпоху династии Чжоу жили протогунские племена, для которых древнекитайские источники сохранили различные имена: шаиь-чжун, дунь-ху (в Манчжурии), чунь-жун, гуань-жун, дивань (Ганьсу), икюй, деуфань (Ордос)³⁴. Названные имена в значительной мере покрываются более общими именами ди и жун, из которых последнее, несомненно, связывается с именем позднейших гуннов, имя которых, вероятно, еще более определенно звучит в наименованиях племен хюньюй и хяньюй, бытовавших в указанную эпоху к северу от верхнего течения Хуанхэ.

³² Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 19.

³³ Раскопки кургана Аржан производились под руководством М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола (см.: Археологические открытия 1971 г. М., 1972, с. 243 и сл.; 1972 г. М., 1973, с. 206 и сл.).

³⁴ Берштан А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951, с. 25.

Гуннская культура известна археологически только с **начала** нашей эры. Ее наиболее ярким свидетельством является Ноинулинский царский могильник (в Монголии). При наличии некоторого китайского влияния, сказавшегося как на погребальном обряде, так и на бытовом обиходе (заметном, впрочем, лишь по отдельным импортным предметам бытового изыска уже и в более раннее время, в частности, в Пазырыке) ноинулинские курганы содержали существенные свидетельства сохранения гуннами скифских традиций, особенно в области искусства.

Двумя-тремя столетиями раньше скифское вооружение, искусство и быт безраздельно господствовали в описанной выше протогуннской культуре, остатки которой сохранились в так называемых плиточных могилах (имея в виду наиболее поздние из них) и на некоторых поселениях, демонстрирующих внедрение протогуннских элементов в жизнь оседлых земледельческих племен. Отмеченные явления проникли глубоко на территорию Китая, будучи представлены на поселениях и некрополе Муянчен, в Южной Манчжурии, в культуре Сюиньхуа, в провинции Хубей и в культуре Луаньбин, в районе Пекина³⁵.

Плиточные могилы Монголии по своему характеру родственны плиточным могилам Забайкалья, но относятся преимущественно к протогуннскому времени³⁶. Могилы эти содержат личное оружие погребенного, иногда еще и орудия труда. И те и другие имеют аналогии в карасукско-тагарских формах. Среди случайных находок, связывающихся с культурой плиточных могил, большое количество предметов конского убора, украшений в скифском зверином стиле, встречаются и бронзовые котлы. Отчасти, видимо, по причине ограбления многих могил как в Ордосе, так и в Северном Китае вообще, подобные предметы обнаружены преимущественно случайно.

В качестве западных соседей исседонов у Геродота фигурируют аргишпей (Ἀργιπταίοι) — племя, которому он дает довольно подробную этнографическую характеристику, рисуя примерно тот же самый монголоидный тип,

³⁵ Бернашам А. П. Указ. соч., с. 24.

³⁶ Волков В. В. Из истории изучения памятников бронзового века МНР — «Studia Archaeologica Inst. Hist. Ac. Sc. populi Mongoliae», 1964, vol. 3, fasc. 8 — 10, p. 40.

который воссоздается Гиппократом применительно к при- черноморским скифам (Ps. Hipp., De aëre etc.). Сверх этого он наделяет их чертами «справедливых» народов в том легендарном и социально-утопическом плане, какой характеризует культово-мифологические представления гиперборейцев, амазонках и других идеализированных или вымышленных варварских народах, интерес к которым связан с культами солярных божеств плодородия — прежде всего Аполлона и великого женского божества. Само имя аргипшеев (аргимпеев или оргемпеев, по другому чтению) перекликается с именем скифской Небесной Афродиты — Аргимпасы, называемой Геродотом (IV, 59) — сопоставление, не теряющее своей силы и в отношении параллельной формы этого племенного наименования, известного через латинских авторов: аримфеи (Arimphaei — Pomp. Mela, I, 117). Если локализация этого имени у Геродота в данная ему этнографическая характеристика позволяют сблизить его с населением монгольских степей к востоку от Саяно-Алтайского хребта, то, с другой стороны, фонетически и этимологически имя аргипшеев-аримфеев вряд ли может быть оторвано от имени аримаспов, греческую адаптацию и этимологизацию которых (и при этом совершенно осмысленную, в отличие от геродотова толкования) оно, вероятно, представляет: «конные мужи» или «прекрасноконные». Темным и сомнительным обстоятельством является его связь с упомянутой этнографической характеристикой; однако она, несмотря на некоторое ее сходство с описанием скифов у Пс. Гиппократа, содержит в себе более конкретно-локальные черты, подтверждающие ее центральноазиатскую основу. В частности, сообщение о том, что аргиппеи смешивают молоко с растительными соками, находит некоторое подтверждение в этнографических наблюдениях именно на той почве, с которой географически связывается это имя³⁷.

Наименование сай-уаиь (что, как сказано, может означать «царские саки» — имя, засвидетельствованное и в греческой литературе) угадывается в более общем этнониме сэ, содержащемся в китайских источниках, но относящемся к более раннему времени и прилагавшемся, видимо, к более широкой этнической среде. И если имя сэ

³⁷ Ср. наше прим. к тексту Геродота (IV, 23) в переиздании «Scythica etCaucasia» В. В. Латышева.— ВДИ, 1947, № 2, с. 263 прим. 4.

географически соотносилось с пространствами, лежавшими к западу от китайских пределов, то сай-уань должно было локализоваться где-то в Западном Алтае и Южном Казахстане.

Индийские источники знают имя саков (saka, sakja) во времен, вероятно, не менее ранних, чем китайские: оно фигурирует в ведийских гимнах и причастно к легендам о происхождении Будды и буддизма. Так как иранский мир знал в IV—V вв. до н. э. обитателей пространств, расположенных к северу от границ Ахеменидского царства, преимущественно также под именем saka (с теми или иными прилагательными), то можно считать, что имя «саки» служило самонаименованием некоторых из племен, занимавших обширные степные территории в Азии и Европе, и укоренилось настолько, что сделалось для их южных соседей всеобщим обозначением степняков³⁸.

В древнеперсидских надписях Дария и Ксеркса имя саков сопровождается различными эпитетами: saka haumavarga, saka tigrachauda, saka tyiau paradraya, saka para sugdā (т. е. «саки за Согдом»). Эпитеты эти неоднократно анализировались в науке. Haumavarga толковалось первоначально в связи с haomā (санскритское soma) — священный напиток — как «саки, варящие хаому»³⁹. Позднее было обращено внимание на то, что эпитет haumavarga близок к геродотову наименованию одной из групп азиатских скифов, а именно амиргских скифов⁴⁰. Наименование это — в тех или иных формах и вариантах — присутствует в некоторых древних и новых топонимических этнонимах (Ὀμαρῦνης, — Pol., VII, 12; Ἀμῦργιον — Hell. in St. Byz. s. v.; Мургаб, Памир и др.). Tigrachaudā соот-

³⁸ Имя вождя саков Скунха, упомянутого в бегистунской надписи, повторяется в имени царя гуннского племени кидаритов у Ириска Панийского (153, 28). И то и другое имя, возможно, имеет нечто общее с иранским наименованием скифов skuda и древнееврейским skpz (Дьяконов И. М. История Мидии. Л., 1956, с. 249).

³⁹ По толкованию С. Викандера (Wikander S. Der arische Männerbund. Lund, 1938, S. 64), наименование saka haumavarga означает: «те, кто обращаются в волков (varka) в экстазе от питья сомы» (ср.: Eliade M. Les Daces et les loups.— «Noumen», 1959, vol. 6, fasc. 1, p. 18).

⁴⁰ Гекатеевых миргетов (фр. 155 M), кажется, следует сопоставить с геродотовыми амиргиями.

ветствует Геродотовым $\Sigma\alpha\kappa\alpha\iota$ ὀρθοκρίβαντοι — «саки, остроконечных шапках». Что же касается эпитета $\tau\upsilon\alpha\iota$ $\rho\alpha\delta\rho\alpha\upsilon\alpha$, то его первоначально толковали как «замаские» саки и относили к **понтийским** скифам, что как то бы хорошо согласовалось и с пониманием текста **персепольской** надписи Ксеркса ⁴¹. Однако после того как **было** обращено внимание на сходство этого эпитета с **наименованием** реки Сырдарьи и после исследования В. В. Струве топографии похода Дария против саков $saka\ \tau\upsilon\alpha\iota\ \rho\alpha\delta\rho\alpha\upsilon\alpha$ следует, видимо, соотносить со **степными** племенами Казахстана, хотя, наверное, это и не единственно возможная его локализация, поскольку не приходится требовать столь большой точности в условиях **древнеперсидской** осведомленности о северных степных пространствах ⁴³.

В одной из надписей Дария (на золотой пластине из Гамадана) идет речь о «саках за **Согдомом**». О саках же шла речь и в суэцкой надписи Дария. В ней саки разделяются на «болотных» и на «равнинных», **упоминаемых** вместе с хоразмиями. Эти две последние категории видимо, в какой-то мере соответствуют саки тиграуда] сака **хаумаварга** ⁴⁴. О том, что наименование «саки» служило самоназванием некоторых скифских племен, свидетельствует, в частности, ольвийский декрет в честь Протогена, в котором фигурируют **скифы-саи** ⁴⁵.

⁴¹ Ельницкий Л. А. Новая надпись Ксеркса.— ВДИ, 1940 I № 2, с. 186 и сл.

Если правильно наблюдение В. В. Струве (Дарий I и **скифы Причерноморья**.— В кн.: Гавриил Кацаров, т. 1. София, 1950, с. 124), что в **накш-и-рустемской** надписи народы перечислены в порядке их завоевания персами, то стоящие перед скудра (**фракийцами**) «саки за морем» должны обозначать также и **причерноморских** скифов, поскольку фракийцы побеждены персами около 512 г. до н. э., вскоре после похода на черноморских скифов. В **вавилонской** же версии надгробной надписи Дария в Накш-и-Рустеме саки подразделяются на три обычные группы: саки амиргии ($gimiri\ umurga$), саки в высоких шапках и заречные (или заморские) саки.

⁴² Струве В. В. Поход Дария против **саков-массагетов**.— Известия АН СССР», 1946, № 3. Сер. ист. и фил., вып. 3, с. 231 и сл.

⁴³ Ср.: Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 158 и сл.

⁴⁴ Junge J. **Saka-Studien**.— «Klio», Leipzig, 1939, Beih. 41, N. F. H. 28, S. 67.

⁴⁵ IOSPE, I², № 16, ср.: **Граков** Б. Н. **Каменское** городище на Днестре, с. 24.

Несмотря на известное обилие *ж* разнообразие оно-
стического материала, сведения греческих географов и
ториков о саках могут быть приведены в соответствие
иранскими данными лишь с некоторым трудом. Объяс-
 няется это в первую очередь путаницей в отношении раз-
 деления и размещения саков у греческих авторов и преж-
 де всего у Геродота, который в одном месте (VII, 64)
 соединяет саков **тиграхауда** и амиргиев («саки, они же
 скифы, имели на головах прямые остроконечные шапки;
 они носили **анаксириды**, имели местные луки, кинжалы
 и **топоры-сагарии**. Этих скифов называли **амиргскими**
саками⁴⁶. Ибо персы всех скифов называют саками»),
 а в другом (III, 92) — при перечислении персидских **сат-**
рапий, называя **saka tigrachauda** «ортокорибантиями»
 (т. е. «в остроконечных шапках»), Геродот включает **их**
 (вместе с париканиями) ошибочно в состав Мидийской
сатрапии. Ошибка, может быть, коренится в том, что в
 Закавказье были известны сакские племена, вероятно,
 пришедшие из-за Каспия и придавшие свое имя ар-
 мянской Сакасене, упоминаемой у Страбона (Geogr., XI,
 29, 4)⁴⁷. Во всяком случае, ошибка тут несомненна, так
 как между закаспийскими саками (ортокорибантиями) и
 Мидийской сатрапией располагаются еще, по крайней
 мере, две сатрапии — Гиркания и **Парфия**⁴⁸. Где именно
 топографически помещал ортокорибантиев источник Ге-
 родота (либо уже содержавший эту самую ошибку, либо
 неправильно им истолкованный) указывает соседнее с
 ним племенное наименование — **париканияи**, которое вряд
 ли может быть оторвано от позднейшего имени Ферганы.
 К тому же Геродот (III, 92) относит к Мидийской сат-
 рапии вместе с **ортокорибантиями** и племя каспиев, из-
 вестное на западном берегу Каспийского моря. Суть этой

⁴⁶ Часто переводят: **Σκυθῶν Ἀμιργίων Σακῶν ἑκαλεῖον** — «амиргских скифов называли саками». См., однако: Junge J. (s. v. **Orthokorybantioi**). — **PWRE**, Halbb. 36, Sp. 1484 f.

⁴⁷ Быть может, речь у Геродота должна идти не о Мидийской **сатрапии**, а о МИДИИ более древних времен, когда индийские владения, по некоторым (впрочем, малодостоверным) данным, простирались на восток до Бактрианы (см.: Дьяконов И. М. История Мидии, С. 52 и сл.). Возможно, что подобные свидетельства имеют в виду не столько индийские владения в собственном смысле слова, сколько кочевья закаспийских племен, находившихся в союзе с племенами мада и манна и входивших в состав **умман-манда**.

⁴⁸ Junge J. — **PWRE**, Halbb. 36, Sp. 1486.

ошибки выясняется как будто бы из того обстоятельство что в следующем параграфе (III, 93) каспии и сака гурируют вновь, но уже в составе XV сатрапии. В случае под каспиями необходимо понимать каспейров племя, с именем которого связан Каспапир-Кашмир. Обочное отождествление каспейров и каспиев у Геродотом роковым образом заставило его в первом случае поместить ортокорибантиев и цариканиев в Мидии, а во втором — отнести каспиев к Северной Индии.

После того как ортокорибантии (они же *saka tigra-chauda*) и амиргии (*saka haumawarga*) станут на место, придется признать, что на той же территории известны в то же самое время и другие племенные названия, распространенные на значительной территории. Особенно широко — от Каспийского моря до границ Индии и Китая — было распространено имя даев⁴⁹, о чем была уже речь выше. В известном фрагменте из Беросса (фр. 55 Schn.-Alex. Polyhist. in Euseb. Gron.) упоминается «равнина даев», с которыми воевал Кир Старший⁵⁰. Под этой равниной, как полагает Юнге⁵¹, подразумевается земля массагетов за рекой Араксом⁵². Геродот (I, 204) однако, указывал территории массагетов непосредственно к востоку от Каспийского моря, говоря, что массагеты занимают часть равнины, простирающейся за Каспием. «Равнину саков» знает также и Гелланик (St. Byz., s. v. «Γαβνίνου ἰσθμῶν»), называющий ее «Амиргием».

⁴⁹ Местожительство даев, по Арриану (Апаб., III, 28, 8, 10) локализовалось на Нижнем Яксарте. По Страбону, они жили еще и к северу от Аральского моря (Geogr., XI, 8, 2); имя даев, по его мнению, объединяло апариев, ксантиев и писсуров. В Маргиане и Арии при Антиохе I в борьбе с ними возводились укрепления.

⁵⁰ Согласно Ктесию (Pers., 3 sq), Кир, видимо, должен был воевать с амирскими саками, поскольку царя их он называет Аморгом.

⁵¹ Junge J. Saka-Studien, S. 32.

⁵² Гречизированное наименование Аракс (Ἄραξες) происходит, вероятней всего, от древнеиранского наименования Амударьи — Аранха (и Ранха; *aranha, ranha*), засвидетельствованного Авестой. В эпоху Александра Македонского массагеты жили к западу и северо-западу от Согдианы (Arr., Anab., IV, 16, 17), т. е. на левом берегу Амударьи. Возможно, что они за время между Киrom и Александром перешли через Амударью, так как более поздние писатели помещают массагетов к востоку от даев, а Демодамант (у Плиния — NH, VI, 50), — близ Яксарта. Ср.: Hermann A. Alte Geographie des unteren Oxusgebiet, Berlin, 1914, S. 45.

Поскольку **иранские** источники не упоминают **массагетов**⁵³, **это** наименование, известное грекам из каких-то (возможно, из гето-фракийских) источников, быть сопоставлено с сака тиграхауда, поскольку то и другое относится к территории, находящейся непосредственно к востоку от Каспийского моря. В свою очередь, массагетов необходимо частично отождествить с **тиссасгетами**, **дербиками**, **парнами** и **даями**. Первое из **этих** имен почти совпадает с именем массагетов, остальные же, по Страбону (Geogr., XI, 8, 0), занимали **территории** между **Каспийским** морем и **нижним** течением **Амударьи**⁵⁴. Судя по топографическим признакам, содержащимся у Страбона в указанном месте, имя массагетов⁵⁵ связано со значительной **территорией**, ограниченной с **запада** и **востока** **Каспийским** и **Аральским** (безымянным «северным») морем, а с **юга** — **Узбоем**. Не следует при этом терять из виду, что имена «геты» и «даи» встречаются в таком же соседстве и на Дунае, что предполагает для них не только некие исторические связи, но, вероятно, и известное этническое родство. С другой же стороны, некоторые **палеоэтнографы-китаеведы** склонны видеть в имени **юе-чжи** китайскую транслитерацию имени **геты** (готы)⁵⁶. **Все** эти опосредствования, сообщая имени

⁵³ В надписи **Дария** из **Персеполя** названы, однако, **daha**, не упоминающиеся в других текстах, наряду с **saka tigrachauda** и **saka haumavarga**, при отсутствии **saka tyaiu paradraya**. С присутствием имени **даев** (**daza**) в древнеиндийских источниках сочетается, видимо, наличие области **Ассакены** (Arg, Ind., I, 8) и пункта **Массака** (Strab., Geogr., XV, 1, 28) в районе **Чакдара**, на пути **Александра** в **Индию**, что может служить указанием о распространении имен **даев** и **массагетов** с востока на запад (ср.: **Литвинский** Б. А. **Указ.** соч., с. 165).

⁵⁴ Из того, что **амиргские** саки (**saka haumavarga**) отсутствуют > а **ахеменидских** рельефах с изображением **данников** (на них **фигурирует** лишь **ортокорибантии** — **saka tigrachauda**), но представлены на рельефах носителей трона, следует вывод о различиях **Политических** отношений этих двух союзов **сакских** племен с царством **Ахеменидов**. В то время как **массагеты** официально считались **данниками** персов, **амиргские** скифы **фигурировали** в числе **союзников**.

⁵⁵ По мнению **А. Кристенсена** (Christensen A. Die Iranier... München, 1933, S. 250, Anm. 4) племенное наименование «**массагеты**» происходит от древнеиранского **massagata** (или **sakata**), т. е. «**большие саки**».

⁵⁶ **Lozinski** V. Ph. **The Original Homeland of the Parthians.** S.-Gravenhage, 1959, p. 26, note, 61. По мнению **Лозинского**,

массагетов некоторую неопределенность, в то же время значительно расширяют его географические пределы в рамках сако-скифского мира.

С саками связывают курганы и остатки древних поселений, расположенных в Казахстане, северо-восточной части Узбекистана, в Киргизии и Таджикистане. Известная часть сакских племен, живших по берегам больших рек и в районах, доступных для организации искусственного орошения, прослеживаемого местами еще от эпохи бронзы (как, например, в Ферганской долине и в Южной Туркмении)⁵⁷, вела оседлую жизнь на основе земледелия и скотоводства. В горных районах, где преобладало являжное скотоводство, происходили перекочевки сезонного характера, предполагавшие лишь сравнительно небольшие передвижения для обеспечения скоту подножного корма. На большие расстояния кочевала лишь скифская аристократия, с ее царями-вождями и военными дружинами, постоянно переходя с места на место, в пределах территорий, подвластных «царскому» племени, для взимания с подчиненных племен дани и для осуществления набегов на чужие страны. Но и эти «царские саки» имели свои исконные территории и пункты временного пребывания (та βασιλεία), близ которых были расположены могилы их предков.

Центр распространения культуры «царских саков» вероятней всего находился в междуречье Или и Чу и в бассейне Чу. Царские курганы располагались в Чон-алае, в урочище Кийке-таш. Топография древних курганных могильников в Чуйской долине позволяет говорить о двух типах могильников: один из них предполагает расположение курганов цепью, другой — более или менее аморфными группами. Могильники первого рода характерны для погребений сакской знати, групповые же могильники;

приставка чжи означает племя (клан). Нельзя, однако, обойти молчанием и того, что другие ученые видят в имени юе-чжи китайскую транслитерацию имени скифов. И во всяком случае, имя «большие юе-чжи» (да-юе-чжи китайских источников), если только это имя может быть удревнено, ибо мы с ним сталкиваемся в анналах династии Хань впервые лишь применительно ко II в. до н. э., должно соответствовать массагетам греческих авторов, понимаемым из древнеперсского языка как «большие геты» (Григорьев В. В. О древнем народе саках. Сиб., 1870, с. 137).

⁵⁷ Массон В. М. Проблема древней Бактрии — СА, 1958 № 2, с. 49 и сл.

состоявшие преимущественно из небольших и плоских курганов, служили для захоронения рядовых соплеменников из числа местного скотоводческого населения.

Древнейшие сакские курганы, прослеживающиеся от VII—VI вв. до н. э., были насыпаны из перемешанной с камнем земли. Под насыпью находилась небольшая грунтовая яма, содержащая скорченные или вытянутые кости с весьма скромным инвентарем (бронзовые ножи, каменные оселки, бронзовые и костяные наконечники стрел, части конской уздечки, грубая лепная от руки посуда — чаши и кувшины), близким по своим формам к инвентарю позднеандроновских захоронений. Богатые погребения, содержавшие золотые украшения и импортные иранские и китайские вещи, а также сопроводительные ритуальные захоронения слуг и коней, относятся, как правило, к более позднему времени.

Курганы — как большие, так и малые, — подобно минусинским и алтайским курганам, окружены иногда менгирообразными камнями. О значении их высказывались различные соображения: то ли они соответствовали числу врагов, убитых воином, похороненным в кургане, то ли это было подобие тех «шестов», о которых говорит Геродот при описании скифского погребального обряда, для подвешивания на них принесенных в заупокойную жертву конских туш (Herod., IV, 72).

Древнейшие сакские захоронения в Казахстане (на могильниках Алтын Эмель, Каргалы I) производились нередко в ямах, выложенных каменными плитами, что также представляет собой черту, роднящую древнесакский погребальный ритуал с андроновским. В более позднее время деревянные погребальные сооружения (камера с дромсом) ставились иногда на поверхности почвы и заваливались землей, перемешанной с камнем, тогда как под землей сооружались разветвленные ходы-катакомбы ритуального назначения, как в некоторых курганах-Бесшатырского могильника⁵⁸.

Уже в раннесакское время может быть прослежено влияние на приалайских кочевников со стороны древнейших скифов (юе-чжей) Алтая и Южной Сибири. В могильнике Чокмак, в долине Алая, в одном из погребений,

⁵⁸ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усу-
йи Долины р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 31 и сл.

относящемся, как и весь могильник, к VI—V вв. до н. э., обнаружены точные аналогии памятникам майэмирской культуры. Подобные связи прослеживаются и далее на восток — вплоть до Ордоса и Восточного Туркестана (см. выше)⁵⁹. Эта же тенденция может быть прослежена и по более ранним памятникам: один из древнейших сакских курганов, который можно отнести к числу «царских» — золотой курган Чиликтинского могильника в Северном Казахстане — содержит множество золотых украшений (обкладка колчана, 14 золотых бляшек с изображением лежащих оленей, 9 прорезных бляшек в виде головы орла, 29 маленьких бляшек в виде свернувшихся барсов и др. — всего свыше 500 золотых предметов). По бронзовым наконечникам стрел курган датируется VII—VI вв. до н. э. Исследовавший Чиликтинский могильник С. С. Черников⁶⁰ отмечает сходство конструкции его курганов с курганами Бешатырского могильника на р. Или, а также известную близость к конструкции майэмирских курганов Горного Алтая⁶¹. Поскольку майэмирские курганы документируют раннюю ступень культуры скифского Алтая, Золотой курган Чиликтинского могильника может служить определенной вехой на пути проникновения переднеазиатских форм скифского звериного стиля из Северного Ирана в закаспийские области, в частности в область развития поздней алтайско-скифской (пазырыкской) и минусинско-скифской (татарской) культуры.

Формирование культуры «царских саков» связывается, таким образом, с их продвижением к западу и с установлением связей закаспийских кочевников с культурными центрами Северного Ирана и Прикавказья, равно как и с распространением их культурного влияния и политического могущества в восточном направлении.

Производившиеся в 1970 г. раскопки Исыкского кургана (близ Алма-Аты)⁶² убедительно свидетельствуют о том, что Чиликтинский курган по своему богатству отнюдь по единственный памятник Казахстана. Уцелевшее от раз-

⁵⁹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня, с. 204.

⁶⁰ Черников С. С. Золотой курган Чиликтинской долины. — КСИА, 1964, вып. 98, с. 29 и сл.; Он же Загадка Золотого кургана. М., 1965.

⁶¹ Черников С. С. Загадка Золотого кургана, с. 66.

⁶² Археологические открытия 1970 г. М., 1971, с. 408.

граблений захоронение воина в Иссыкском кургане, совершенное в боковой камере, сохранило свыше 4000 золотых украшений. Многие из них представляют собой такие произведения искусства, которые оценить по достоинству можно лишь после их публикации. Датированный VI—V вв. до н. э.), Иссыкский курган относится, таким образом, к эпохе расцвета культуры саков.

Раскопки недавних лет в Киргизии, в долине Кетмень-Тюбе, показывают, что и в западных пределах сакская культура классической поры была достаточно богата как в отношении предметов быта и вооружения, так и в отношении украшений в зверином стиле, среди которых немало золотых. Находки эти убеждают, что и в то время связи сакского мира с ахеменидским Ираном и западным скифским миром поддерживались с большой интенсивностью. Поддерживались они, хотя уже и не столь интенсивно, и в эпоху эллинизма⁶³. Во всяком случае, о саках на территории Киргизии нельзя уже больше судить лишь по памятникам Таласской долины, свидетельствующим скромностью своих инвентарей о сравнительном единообразии родового быта⁶⁴.

Скромны и курганы Тасмолинского могильника, могильников Карамурун, Нурманбет и др. в Центральном и Северном Казахстане, дающих, однако, достаточно полное представление о раннем этапе сакской культуры. Они ассоциируются в названных пунктах с курганными некрополями, имеющими каменные выкладки в виде длинных расходящихся «усов». Захоронения в них одиночны и бедны, но предметы вооружения и искусства связывают тасмолинскую культуру с Горным Алтаем — майзмирскими и пазырыкскими курганами, с искусством Минусинского края. В курганах обычны конские головы (иногда и другие конские кости), детали узды, порой со стремевидными удилами, па среднеазиатское происхождение которых об-

⁶³ Ростовцев М. И. Сарматские и индо-скифские древности. — Кн.: Recueil Kondakov. Prague, 1926, p. 239 etc. Ср.: Harmat. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 10.

⁶⁴ Абетекоев А. К., Баруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины. — В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 17 и сл.

ратил внимание А. А. Иессен⁶⁵. Бедность инвентарей тае- молинских курганов и отсутствие в них дополнительных ритуальных захоронений свидетельствуют о том, что тае- молинские саки не принадлежали к царскому племени I и скифский общественный быт проник в их среду мини- I малыгым образом⁶⁶.

Могильники саков-кочевников имеются и на Восточном Памире, на берегах р. Истык и ее притоков (могильники Истык, Андемин, Тегерман, Айдын Кул I, Жуантобе и др.), в которых отмечены одиночные погребения, преимущественно в скорченном положении, с бронзовыми и ад- лезными предметами вооружения (акппаки, ножи, нако- нечники стрел) и украшения в скифском зверином стиле. Некоторые из этих могил датируются весьма ранним вре- менем (VII—VI вв. до и. э.)⁶⁷.

Область оседлой земледельческой культуры, связывае- мая с именем саков, или даже более определенно, с saka haumawarğa, известная, однако, из китайских источников под именем страны Давань (т. е. области даев — иранских) и древнегреческих авторов) возникла в Ферганской доли- не еще в эпоху бронзы. Основанная на искусственном оро- шении, культура эта известна главным образом по остат- кам древних поселений, расположенных в северо-западной! части Андижанской области. Для защиты от кочевников они были окружены оборонительными стенами и рассчи- таны на укрытие не только людей, но и скота, подобно древнескифским городищам Причерноморья. Остатки по- селений обладают мощными культурными напластования- ми, с многочисленными зерновыми ямами.

В качестве религиозно-культуровой документации ранней стадии сакского земледелия могут быть привлечены на- скальные изображения пахоты на быках, известные в ур- чище Саймалы-Таш в Ферганской долине⁶⁸. Раскопки в

⁶⁵ Иессей А. А. Некоторые памятники VIII — VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской архео- логии. М., 1952, с. 129.

⁶⁶ Маргулан А. X., Акишев К. А., Калдырбаев М. К., Ораз- баев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 17 и сл.

⁶⁷ Литвинский Б. А. Раскопки могильников на Восточном Памире (Археологические работы в Таджикистане). Душанбе, 1959, с. 50 и сл. (Труды Ин-та истории АН ТаджССР, т. 31, вып. 71)

⁶⁸ Грязнов М. П. История Киргизии, т. 1. Фрунзе, 1963, с. 22

Чон-Алае также открыли остатки древних селищ, жизнь которых прослеживается от эпохи бронзы (поздне-анауская культура). Расцвет же их относится к давань-ской (сакской) и кушанской эпохе. Поблизости от этих поселений существуют и связанные с ними по времени и культуре курганы.

Подобные же сакские городища, принадлежавшие оседлым племенам, занятым земледелием и скотоводством (может быть, и рыболовством), встречаются по берегам Аральского бассейна. Городище Чирик-Рабат на Жанадарье, принадлежавшее, судя по его бытовому материалу, сакам, имело мощные укрепления в виде стен-валов с башнями и рвами. Топографически городище это находится, соответственно описанию Полибия (X, 48) и Страбона (Geogr., XI, 8, 8), на территории апасиаков или, как толкует это племенное наименование В. Томашек (In: PWRE, I, 1894, Sp. 2670) и И. Маркварт⁷⁰, — «речных сак» (ара-saka). Из-за его больших размеров и мощности укреплений С. П. Толстов склонен был видеть в нем политический центр племенного союза апасиаков (северных массагетов)⁷¹. Городище возникло в VI—V вв. до н. э., укрепления возведены вокруг нескольких больших курганов, по мнению С. П. Толстова, служивших культовым центром. Находки наконечников скифских стрел (несколько найдено в одном из курганов, расположенных в крепости, и в нем же — женское захоронение) и бытовые остатки свидетельствуют о принадлежности к сакской культуре. Это подтверждается находками и на другом городище — Бабиш-мулла, неподалеку от Чирик-Рабата, а также курганными комплексами у р. Ингардарьи, бронзовыми наконечниками стрел, относящимися к VI—V вв. до н. э.

Более богатый сакский курган, с характерно скифским инвентарем, состоящим из железного кинжала с бабочковидным перекрестием, золотыми аппликациями от пояса и двуперыми бронзовыми наконечниками стрел V в до н. э. обнаружен в Тагискене (курган № 54). Состав инвентаря

⁶⁹ Берзнтам А. П. Историко-археологические очерки... Тянь-Шаня, с. 193 и сл.

⁷⁰ Marquart J. Eransahr. Berlin, 1901, S. 206.

⁷¹ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 181 и сл.

и обряд погребения — диагональное положение костяка могиле — связывают его с «диагональными» погребениями приуральско-поволжских «савроматов» и «киммерийскими» погребениями эпохи раннего железа в Азербайджане ⁷².

Сакский могильник Тагискена, расположившийся вблизи двух склепов из сырцового кирпича эпохи поздней бронзы, содержит большое количество ранних, от VII до н. э., захоронений в грунтовых, перекрытых балками ямах или в шалашеобразных сооружениях на поверхности засыпанных землей. Для обоих способов погребения характерно частичное сожжение деревянных перекрытий прекращавшееся в момент засыпки погребения землей. ⁷³

Захоронения, совершенные в склепах, непосредственно предшествуют ранним сакским и относятся к дагдыбаевско-бегазинской культуре с сильной примесью андроновско-карасукских элементов ⁷³.

Могильник, аналогичный тагискенскому, раскопан в соседнем Уйгараке, где курганы имеют одиночные, с небогатым инвентарем погребения, но принадлежащие хорошо экипированным конным воинам ⁷⁴. Культурная близость к приуральским и поволжским скифам прослеживается достаточно отчетливо и в наиболее ранних захоронениях Тагискена и Уйгарака, материал которых к тому на предшествует во времени, позволяя судить о генетической культурной преемственности между приуральскими саками и приуральско-поволжскими «савроматами». Отмеченная культурная общность прослеживается — как в бытовом материале, так и в деталях погребального обряда — и далее на запад, на Дону, на Северном Кавказе и в Причерноморье, особенно в среднеднепровской лесостепи ⁷⁵.

В некотором соседстве с массагетами и, вероятно, в определенном с ними этническом родстве надо считать пле-

⁷² Hummel J. Zur *Archaeologie* Azeibeizans.— *ESA*, 1931, Bd 8, S. 213.

⁷³ Толстой С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта с. 137 и сл.

⁷⁴ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII— V вв. до к. э. М., 1973, с. 87; Толстой С. П., Итн на М. А. Саки низовьев Сырдарьи.— *СА*, 1966, № 2, с. 151 и сл.

⁷⁵ Толстой С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта с. 193 и сл.

тиссагетов (Θυρσαῖται), которых Геродот (IV, 23) называет на пути от причерноморских скифов к исследованному. Вариант этого племенного наименования, засвидетельствованный Валерием Флакком — тирсагеты (Thyrsaetae), видимо, сопоставим с именем прикарпатского племени агафирсов, в котором, несомненно, был очень силен скифский элемент, судя по этнографическим признакам по некоторым личным именам, хотя Геродот (IV, 102) отрицает скифскую принадлежность этого племени, вероятно, по чисто политическим соображениям.

С тиссагетами до сих пор не связываются какие-либо определенные археологические памятники и историко-этнографические данные. Почти то же самое можно сказать и об иирках — племени, упоминаемом Геродотом вместе с тиссагетами при описании пути из Причерноморской Скифии к исседонам, которых он называет северными соседями тиссагетов. На основании этих сведений А. Герман (In: PWRE, IX, 1919, Sp. 1386, s. v. Iyrkai) локализует тиссагетов в бассейне Камы, а иирков — на западных склонах Северного Урала, в районе Перми. Эта локализация подкрепляется для него сходством имени иирков (у латинских авторов Turcae — Pomp. Mela, I, 116)⁷⁶ с именем позднейших угров — югрой древнерусских летописей. На основании всего этого он считает иирков прямыми предками современных венгров-мадьяр⁷⁷. Некоторые советские этнографы склонны видеть в иирках предков печенегов, тюркизированные элементы которых вошли, в качестве одного из компонентов, в состав народности башкир⁷⁸.

Далее на запад на карте Геродота располагаются савроматы, помещаемые им к востоку от нижнего течения Дона. Геродот называет савроматов племенем, родственным скифам, но не скифским, отмечая различие, прежде всего, в языке (IV, 117). Савроматы, по его версии, — это

⁷⁶ Авеста знает имя jira (Яшт 5, 93), в котором звучит, может быть, наименование Геродотовых иирков.

⁷⁷ См. об этом теперь еще: Pekkanen T. On the oldest Relationship between Hungarians and Sarmatians — «Ural-Altische Jahrbücher» 1973, Bd 45, S. 1 f.

⁷⁸ Народы Средней Азии и Казахстана. Под ред. С. П. Толстова и др., т. I. М., 1962, с. 78.

потомки переселившихся на **Доп малоазийских амазонах** вступивших в связь со скифами ⁷⁹.

Северомалоазийское происхождение савроматов **кон-**статируется и другими авторами, прежде всего **Диодором** (II, 45), который при этом умалчивает об амазонках и **во-**обще, видимо, пользуется другого рода источниками, **це-**жели Геродот. Источник **Диодора** позволяет более определенно почувствовать то, о чем **не** говорит и что **вуаулирует** Геродот, а именно киммерийское происхождение савроматов. Из Геродота оно становится ясным только после того, как живущие на Териодонте амазонки оказываются **отож-**дествленными с киммерийцами, что не трудно **произвести** опираясь на свидетельство, сохраненное Страбонам (XI, 8, 4) и сообщающее, что киммерийцы обосновались и более всего задержались в Азии как раз в районе Синопы.

Возможно, что геродотова характеристика быта савроматов содержит в себе черты, относящиеся к этнографии **какого-либо** из заяксартских скифо-киммерийских племен, поскольку смешение Танаиса-Допа и **Танаиса-Яксарта**, наблюдающееся **отчетливо** у авторов IV в. до н. э., должно было иметь и более раннюю традицию. Во всяком случае, в племенном имени сайрима (**sairima, sarima**), засвидетельствованном **Авестой** ⁸⁰ и локализуемом к северу от

⁷⁹ По Геродоту, амазонки высадились якобы первоначально в Крыму. **Кремны** — название пункта, в который по сообщению I Геродота (IV, 20), прибыли приплывшие по морю из **Каштадокии** I амазонки — Ф. Вебстер угадывает в наименовании «Крым» (**Webster F. Zur Topographie des Herodots.** — «Klio» 1904, Bd 4 N. 2, S. 182). Однако его локализация Кремн в Старом Крыму вряд ли удачна поскольку пункт **этот** расположен внутри полуострова.

⁸⁰ **Яшт** 13. Ср.: Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938, S. 249. Бытование имени савроматов в закаспийских странах может быть подтверждено наличием пункта Сармагана в Арии (**Ptolem., Geogr., VI, 7, 4**), а также свидетельством сохраненным Стефаном Византийским (S.v. **Σαυριμαται**), согласно которому савроматы живут в Индии. Вообще имя савроматов сопоставимо с **Σαυδαράται** (**IOSPE, I, 32 B, 9**) и представляет собой нечто подобное имени паралаты и **сакаравки**.

Известное значение имеет и то, что **Полиен** в рассказе о войне Кира Старшего со скифами в числе скифских вождей называет Сирака, что следует понимать как намек на присутствие соответствующего племенного наименования среди закаспийских скифов того времени. Страбон знает закаспийских аорсов, которых он именует верхними аорсами (Geogr., XI, 2, 1), в отличие от **произ-****шедших** от них **припонтийских** аорсов. Достаточно древним, вероятно, надо **признать** сообщение **Страбона** об аорсах, как о **водителях**

восточного Ирана, можно без больших колебаний опознать прототип племенного имени савроматов греческих авторов. Эти сайрима, в составе киммерийских племен, могли оказаться в VII в. до н. э. в северо-восточной части Малой Азии и продвинуться (или переплыть по Черному морю, согласно версии Геродота) к Дону⁸¹. Бытование этого племенного имени на Западном Кавказе и удержание его в поздние времена (когда имя савроматов заменяется в древней историко-этнографической литературе именем сармат), подтверждается существованием царского имени Савромат на Боспоре и Саурмаг в Иберии в позднеримскую эпоху. Соответствующие имена боспорских царей при этом широко засвидетельствованы эпиграфически и нумизматически⁸².

верблюжьих караванов (следовательно, речь идет о прикаспийских аорсах) с вавилонскими и индийскими товарами, которые они покупали через армян (урартов) и индийцев (Strab., Geogr., XI, 5, 9). Аорсы и сираки обозначены у Страбона как сарматы (XI, 2, 1), в противоположность другим кочевникам, которых он называет скифами, тогда как Птолемей именует скифами также и оба эти племени (ср.: Junge J. Saka-Studien, S. 80.).

⁸¹ Связь имени сайрима с савроматами подтверждается, видимо, также формой Σαρμάται, имеющейся в Перипле Пел. Скилака. Поскольку она свидетельствуется также у St. Byz., (s. v.) со ссылкой на Эвдокса, можно считать, что она принадлежит подлинному Скилакову периплду и, вероятно, связана с каким-либо азиатским племенем. Киммерийско-савроматские связи подтверждаются, с другой стороны, еще и тем; что амазонки нередко именовались

савроматидами, в частности у Эфора St. Byz., s. v. Ἀμαζονέσσι Σαυροματίδες . . . δια το εν τ η Σαυροματικη Σκυθηα ο'ικειθη).

У Дюнисия Перизгета, основывавшегося на Посидонии через посредство какого-то географа эпохи ранней империи (Rostowtzev M. Skythien und Bosphorus. Berlin, 1931, S. 73) и впитавшего в себя представления времен еще более ранних, названы савроматы — потомки амазонок — непосредственно перед синдами (ст. 652 и сл. и 680 и сл.) вслед за которыми названы киммерийцы, между синдами и керкетями. Поскольку киммерийцы и были теми самыми амазонками, от которых произошли савроматы (Diod., II, 45), допустимо, что в данном случае дюнисиевы киммерийцы — те же савроматы. Страбон различает савроматов меотийских (Geogr., II, 5, 31) и савроматов, живущих между Гирканским морем и Понтом вплоть до Кавказа. Если в первом случае имеются в виду меотские племена, которым иногда приписывается киммерийское происхождение, то во втором,— очевидно, сарматские племена сираков и аорсов.

⁸² Совершенно несомненно, что имена некоторых сарматских (савроматских) племен весьма древнего происхождения. Так, на-

Археологически с савроматами связываются, в особенности в трудах Б. Н. Гракова⁸³ и К. Ф. Смирнова⁸⁴, скифские некрополи и поселения, расположенные преимущественно на Нижней Волге и в Южном Приуралье. В то время как К. Ф. Смирнов разделяет савроматские племена на две культурно-географические группы: нижневолжскую донскую (историческим центром которой является, по его мнению, аристократический могильник Пятимары I, содержащий захоронения савроматских вождей) и южноуральскую (центр которой — Прохоровский могильник), Е. К. Максимов⁸⁵ подразделяет ранних нижневолжских скифов (савроматов) на три племенные группы, по чисто формальным признакам устройства погребальных сооружений.

Бытовые памятники и погребальные обряды этих племен, при известном своеобразии, генетически родственны андроновской и срубной культурам, при некотором влиянии карасукской и сейминской культур и при отчетливых параллелях скифо-сибирскому и среднеазиатскому сако-массагетскому миру преимущественно в предметах вооружения, украшениях и керамике. При наличии развитого звериного стиля, характеризующегося, как и скифо-сибирский звериный стиль, отсутствием тесных контактов с греческим искусством, искусство этих племен обнаруживает точки соприкосновения с раннеиранским миром, которые не утрачивались и в сасанидскую эпоху⁸⁶.

личие Сиракены, наряду с Сакасеной, в Армении и Сиракены в Гиргавии (Ptolem., Geogr., V, 13, 9) заставляет К. Мюлленгофа (Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892, Bd 3, S. 87) подозревать, что сираки были в числе скифских племен напавших в 634 г. до н. э. на МИДИЮ (Herod., IV, 11). Во всяком случае, вполне правдоподобно представить себе их в числе савроматских, т. е. киммерийских племен, проникших в VII ст. в Малую Азию и уже оттуда перешедших в Прикавказье.

⁸³ Граков Б. М. Скифы, Київ, 1947, с. 20; ср.: Gracov B. M. Mémories de la culture scythique entre Volga et les monts Oural.— ESA, 1928, vol. 3, p. 26.

⁸⁴ Смирнов К. Ф. Савроматы, М., 1964, с. 191 и сл. (см. также другие более ранние работы этого автора, ссылки на которые читатель найдет в названном обобщающем труде).

⁸⁵ Максимов Е. К. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья.— «Труды Саратовского музея краеведения», 1960, т. 3, с. 130 и сл.

⁸⁶ Связи Поволжья, и в особенности Приуралья, со среднеазиатскими странами прослеживаются по находкам предметов иран-

Так как по **инвентарям** и погребальным сооружениям **савроматских курганных некрополей** непрерывно прослеживается становление так называемой сарматской культуры, с раннеэллинистического времени распространившейся по восточноевропейскому югу, наименование **волжско-приуральских скифских комплексов «савроматскими»** представляется логичным, с чисто археологической точки зрения.⁸⁷ Вряд ли, однако, эту атрибуцию можно оправдать ссылками на Геродота, для которого савроматы существуют лишь к северо-востоку от нижнего течения **Танаиса-Дона**, где, хотя и присутствуют археологические **комплексы**, родственные тем, какие в изобилии представлены на Нижней Волге, но где их немного и где они вряд ли представляют автохтонное население и его культуру. О Волге Геродот не упоминает. Вероятней всего, он и по подозревал о ее существовании, поскольку не обмолвился о ней ни единым словом и при описании Каспийского моря, которое он, подобно Гекатею, считает замкнутым **бассейном**⁸⁷. Поэтому к археологическим комплексам, связываемым в науке с именем савроматов, с точки зрения геродотовой географии, правомернее было бы отнести тиссагетов. Тем более, что родство этого имени с именем массагетов предполагает и определенную культурную близость, что и подтверждается, как мы видели, при сли-

ского искусства с конца VI в. до н. э. (Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираном.— СА, 1952, № 16, с. 206 и сл.). Для более позднего времени представил известные соображения С. П. Толстов (Древний Хорезм. М., 1949, с. 173 и сл.), допуская политическое подчинение некоторых приуральских племен Хорезму. Вероятнее предположить, что отношения Приуралья с Хорезмом вряд ли когда-либо имели иной характер, чем отношения среднеазиатских скифов с **ахеменидским Ираном**. Поскольку Ксенофонт свидетельствует о независимости от Ирана **прикавказских племен** на рубеже V — IV вв. до н. э., вряд ли можно предположить что-либо иное относительно того же времени для племен, отделенных от Ирана и среднеазиатских стран большими расстояниями.

⁸⁷ Геродот упоминает о реке Оар (*Ἰσθαρος* — IV, 123), протекающей, судя по контексту, к востоку от Танаиса-Дона. Поскольку Птолемей прилагает это наименование к Волге, позволительно думать, что оно могло иметь подобное же значение уже и у Геродота. Возникновение этого имени, достаточно близкого к наименованию среднеазиатских гидронимов **Окс**, **Яксарт** и **Оакс**, должно быть возведено, как-и эти последние наименования, к авестскому **ganha**, скорее всего **прилагавшегося** к Амударье. Можно представить себе что и Геродот мог слышать это имя применительно к Амударье, а не к Волге.

чени археологического материала скифского (а также и доскифского) времени из Приаралья, Северного и Центрального Казахстана и Нижнего Поволжья. Культурное родство нижнеповолжских и североказахстанских скифских племен отмечают многие исследователи, и прежде всего К. Ф. Смирнов и С. П. Толстов⁸⁸.

Согласно Геродоту (IV, 57), савроматы жили и по восточному побережью Азовского моря — Меотиды, — которое отделяет савроматов от скифов. В другом месте (IV, 123), в противоречие с этим, Геродот называет на восточном побережье Азовского моря меотов, которых знают там и другие древние авторы, прежде всего Гелланик (фр. 92), определяющий их как скифское племя (Μαιωται Σκυθαι). Поскольку территориально савроматы и меоты хотя бы частично совпадают, можно думать, что первое имя относится к кочевому племени (или племенам) приазовских и прикубанских степей, тогда как второе является собирательным для целого ряда местных приморских племен, ведших оседлый образ жизни. Отдельные имена этих племен, объединявшихся общим именем меотов, называют периплы, а более всего — Страбон (Geogr., XI, 2.1): Σινδοι, Δαυδαριοι, Γορεται, ἸΑγριοι, ἸΑρρηχοι, Ταρπητες, ἸΟβιδιακηνοι, Σιακηνοι. Значительную их часть находим также в титулатуре боспорских царей, именовавших себя — в оставленных ими эпиграфических документах — царями этих племен. Некоторые из них были, вероятно, в той или иной мере эллинизированы. Более и ранее других было эллинизировано племя синдов, также, быть может, покрывавшееся именем меотов и, во всяком случае, называемое нередко с ним рядом. Соответственно периплам, синды составляли население Таманского полуострова и местностей к востоку от него, ограниченных морским побережьем с юга и руслом Кубани (Гипаниса) с северо-запада.

⁸⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы с. 280; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта с. 136 и сл. (ср. также: Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 104). Объединяя памятники скифской культуры на Нижней Волге и в Южном Приуралье под именем савроматов, К. Ф. Смирнов указывает и на близость волго-донских савроматских памятников к нижедонским и прикавказским, а южно-уральских савроматов — к прикаспийским и приаральским скифам (Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 197). Речь идет не только о сходстве вещевого материала, но и о форме погребального обряда-

За синдами, к востоку, авторы называют керкетов — древнекавказскую народность, отождествляемую обычно с позднейшими черкесами по фонетическому сходству имен и по одинаковой локализации. Имя синдов приняла греческая фактория, располагавшаяся или на месте современной Анапы или где-то западней у лимана Кизилташ. Несомненно, на месте Анапы, судя по эпиграфическим находкам, помещалась более поздняя Горгиппия — • наименование, прилагаемое, возможно, не совсем точно (у Стефана Византийского) к Синдской гавани. Птолемея *Κομὴ Σινδα* (Ptolem., Geogr., V, 9), вероятно, одно из больших городищ, расположенных на кубанском левобережье — Семибратнее (близ Семибратних курганов), Краснобатареиное (близ одноименного хутора) или городище Ногай-кале (близ ст-цы Раевской). Все эти городища особенно процветали, по наблюдениям обследовавшего их Н. В. Анфимова⁸⁹, в эпоху самостоятельности Синдики, т. е. в V в. до н. а., ибо при Левконе I Синдика, судя по надписям этого царя, именовавшего себя βασιλευόντος Σινδων καὶ Μαιτῶν reavcov (IOSPE, II, № 15, v. 13), находилась уже в зависимости от Боспора. Тогда же, предположительно, и Синдская гавань была переименована в Горгиппию.

Плиниевое обозначение синдской области в качестве скифской (NH, IV, 84: *Sindica Scythia*) вероятно, основывается на древней традиции, поскольку выше мы сталкивались у Гелланика с подобным обозначением меотов, имя которых, как было предположено, покрывает также и имя синдов. Ей же, быть может, в какой-то мере аналогична и «Савроматская Скифия» Эфора (*Σαυροματικὴ Σκυθία*).

Весьма возможно, что уже в эпоху раннего эллинизма верхушка синдского племени была глубоко и широко эллинизирована, поскольку на названных выше городищах обнаружено большое количество греческого бытового материала и немало каменных зданий, выстроенных на греческий образец, при наличии, впрочем, и многих, местного характера, глинобитных сооружений, равно как и местной скифо-кавказской керамики⁹⁰.

⁸⁹ Анфимов Н. В. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953, с. 39 и сл.

⁹⁰ Там же, с. 41 а сл.

Среди **меотских племен**, поименованных **Страбоном** (Geogr., XI, 2, 1) и упоминаемых в **боспорских надписях**, следует искать и **язаматов**, известных уже **Гекатеем Милетскому** (под именем соседних Синдике иксбаты — фр. 166 М). Покрывавшиеся в эллинистические времена именем меотов, в более раннее время **язаматы** отождествлялись с **савроматами** или, во всяком случае, входили в число **савроматских племен**. **Перипл Псевдо-Скимна** (ст. 874 и сл.) сообщает, что **меотское племя** **язаматов** отождествляется **Эфором** с **савроматами**. С **меотами** отождествляет **язаматов** **Полиен** (VIII, 55), на основании некоего источника IV в. до н. э. (**Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde**, S. 39), сообщающего о племени **меотов**, именуемом **язаматами** (**Μαιωτῶν γένος Ἰαζαματῶν λεγόμενον**).

О том, что **приазовские племена** в **позднеэллинистическое** время в значительной мере **покрывались** именем **меотов**, свидетельствует упоминаемое **Птолемеем** (Geogr., V, 8, 12; 9, 17) имя **Θετασιαῶται** или **Θαριεῶται**, которое необходимо сопоставить с известными из **древней географической литературы** (Pomp. Mela, I, 19: **Thaetae**), а также и из **эпиграфических источников** (IOSPE, II, 8, 15, 346, 347) **фатейми** (**Θατεις**). Позднее **язаматы**, для которых географическая литература эллинистическо-римского времени знает несколько вариантов их наименования (**Iazamatai, Iaxamatai, Iazabatai, Iaxamatae**. См.: Kretschmer K. PWRE, I A, Sp. 2546) на **Нижнем Дону**, быть может, фигурировали под именем **язигов**. **Аппиан** (Mithr., 69) называет последних «**царскими савроматами**», а **Страбон** (Geogr., VII, 3, 17) — «**язигами-сарматами**»: **Ἰαζυγες Σαρμάται**.

Курганы Таманского полуострова и **Нижнего Прикубанья**, в особенности же **курганские группы** и **грунтовые могильники**, связанные с **вышеназванными поселениями**, дают представление о **культуре сипдо-меотских племен**. В частности, о **культуре синдской аристократии** позволяют судить **большие и малые Семибратские курганы**, расположенные **поблизости от одноименного городища**. Изучены более детально **большие курганы**. Они содержали **камерные гробницы из сырцового кирпича** (этот же способ устройства **погребальных сооружений** известен и на **Таманском полуострове**, в **некрополе у ст. Сенной**), с **бревенчатыми перекрытиями**. В **курганах**, помимо **боль-**

того количества украшений в зверином стиле, близком к поволжским и сибирским его образцам (а также алтайским и казахстанским), отмечены многочисленные — в курганах № 2 и 5 больше чем по десятку — конские захоронения. Хотя сами гробницы могут быть отнесены к V и IV вв. до н. э., но в насыпях курганов были обнаружены вещи VI в. до н. э., свидетельствующие, по-видимому, том, что при сооружении гробниц были разрушены бое древние скифские захоронения⁹¹.

Имя «савроматы», ареал которого в греческой географической и этнографической литературе ограничивался Приазовьем и Прикавказьем, в значительной мере, как и рочие кочевнические племенные наименования, поглощалось понятием «скифы», господствовавшим в литературе, а следовательно, и в обиходе, до начала римской эпохи, когда оно было вытеснено именем «сарматы»⁹². Этноним «савроматы», видимо, удерживался в боспорском и закавказском обиходе, как об этом свидетельствуют производные от него личные имена. Некоторые савроматские племена, такие как фисаматы и язаматы, могли переселиться к устью Днепра уже в эпоху, именуемую в науке сарматской⁹³, хотя прослеживающаяся археологически «сарматизация» скифской культуры началась еще в те времена, когда в евразийских степях или, точнее, применительно к ним в древнегреческом обиходе полностью господствовало имя скифов.

I Между Доном и Днепром, по словам Геродота, а равно и других авторов, жили скифы-кочевники (*Σκυθαὶ νομάδες*)⁹⁴ и господствовавшие над всеми прочими скифами

⁹¹ Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов.— СА, 1957, № 2, с. 174 и сл.

⁹² Harmatta J. *Studies in the History and Language of the Sarmatians*, p. 10; Sulimirski T. *The Sarmatians*, p. 21.

⁹³ И. С. Раменецкий (О язаматах и населении дельты Дона.— кн.: Тезисы докладов на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1967, с. 38 и сл.) прослеживает по древним литературным данным вероятную миграцию язаматов из Прикубанья в Нижнее Приднепровье.

⁹⁴ На территории Черниговской области изучен курганно-рунтовой могильник у с. Долинского Сосницкого района, содержащий рядовые захоронения скифского характера, относящиеся к VI—IV вв. до н. э.; (Мельникова О. Н. Могильник у с. Долинское.— КСИИМК, 1950, вып. 34; с. 70 и сл.). Он связывается с расположенным в нескольких километрах Шебашиновским городищем, существовавшим на протяжении того же отрезка времени;

скифы царские, считавшие остальных скифов рабами (Herod., IV, 20). Поскольку термин «царские» (Σκυθαὶ βασιλεῖται) прилагается и к некоему сарматскому племени (Страбон — Geogr., VII, 3, 17), а также к сакам, к аланам (Amm. Marcell., XXV, 11, 6) и к гуннам (Prisc. Pan., fr, 1), совершенно ясно, что речь идет о нарицательном наименовании некоего племени, из состава которого происходили в какое-то определенное время общеплеменные вожди-цари и которое само составляло боевую дружину царя. То обстоятельство, что восточные скифы-саки, по свидетельству Геродота (IV, 22), когда отделились от «скифов царских», должно служить для нас указанием на существование подобного же наименования у закаспийских скифов и в ту отдаленную к которой относятся источники Геродота. Подобное свидетельство можно извлечь, видимо, и из китайского сай-уань⁹⁵, о чем была уже речь выше.

Этнографические данные, относящиеся к северо-африканским туарегам, позволяют наблюдать подобное кочевое «царское» племя в наши дни, вместе с характерными его общественными и политическими установлениями: градацией по степени подчинения племен туарегов и чужих завоеванных племен «царскому» племени

близ него находится большой курган, известный под именем Сау-рова могила. Территориально это городище и тяготеющие к нему курганные могильники могут быть отнесены к области распространения кочевых скифов-номадов.

⁹⁵ Б. Н. Граков отождествляет «скифов царских» с саями, производя последнее имя, видимо, от иранского xsaу. Как это делает И. Гарматта (Harmatta J. Studies in the History and the Language of the Sarmatians, p. 98), который, однако, предположил и другое происхождение имени саев — от авестского xsaу, со значением пестрой конской масти, засвидетельствованной в китайских источниках (Harmatta J. Ibid., p. 11). О Геродотовых царских скифах, отделившихся от причерноморских и ушедших на восток к сказанному следует прибавить, что ксандии или ксантии, локализуемые Страбонem (Geogr., IX, 9, 3; 8, 2) к северу от Аральского моря и являющиеся частью племени даев, сопоставляются Гарматтой (Ibid., p. 13) с иранским xsaуant — господствующий, т. е. «царский». Сюда же могут быть привлечены и страбоновы даи-парны или царии, отождествляемые с ксантиями, имя которых производимое от авестского paōiṛya, сопоставимо с геродотовыми паралатами (парадатами) также в вероятном значении «первый». Вследствие всего этого имя Δααι — Εαυδοίαι может означать царские даи.

детельствующей о разных способах порабощения, рав-
как и о разных формах политического подчинения,
экономической зависимости и т. п.

Локализация царских скифов у Геродота достаточно
определенна. Будучи связана с рекой и местностью Гер-
из которых первая сопоставляется чаще всего с р. Мо-
й (или р. Конские воды), впадающей в Азовское
с запада, а вторая, по указаниям Геродота о судоход-
до нее Днепра (IV, 56, 71), помещается у днепров-
ских порогов, а то и значительно выше них, почему и под
царским некрополем в Геррах понимается то нижнедне-
провская (знаменская и серогозская), то каневская груп-
пы скифских курганов⁹⁷. Последняя, вероятно, с большим
основанием, чем первая, поскольку на Нижнем Днепре
почти отсутствуют большие курганы с пышными захоро-
нениями раннескифского времени.

Из противоречивых данных Геродота о р. Геррос сле-
дует, что он и в этом случае стал жертвой несоответствий
между картографическими и письменными данными своих
источников, которые ему не удалось сколько-нибудь убе-
дительно согласовать. Причины смутности данных Геродо-
та о р. Геррос становятся несколько более ясны при сли-
чении его данных с теми, какие имеются у Пто-
лемея, показывающего эту реку на своей карте дважды:
в Западном Приазовье (Geogr., III, 5, 4) и на Кавказе
у северо-западных берегов Каспийского моря (Geogr., V,
11, 2). Дополнительным указанием, могущим служить
для выяснения истинного положения вещей, служит сооб-
щение Геродота о впадении р. Геррос в р. Гипакирь
(IV, 56). Эта последняя, как известно, показывается им
к востоку от Борисфена, в непосредственной близости от
него, где для нее на современной карте нет сколько-ни-
будь подходящего, функционирующего русла. Имея в ви-
ду, что наименование это почти не встречается у более
поздних греческих авторов (у Плиния — NH, IV, 84 — ре-
ки Герр, Гипанис и Гипакирь впадают в Гнилое море —
focus Buces) и что оно представляет собой нечто доста-
точно близкое имени р. Гипанис, его приходится считать

⁹⁶ Rodd F. R. The People of the Veil. L., 1926, p. 119.

⁹⁷ Граков Б. М. Скифы, с. 10. Напомним, что В. А. Ильинская
скифы днепровского лесостепного левобережья, с. 180) отождест-
вляет с Герросом Геродота архаические группы курганов Посулья

среди тех гидронимов -(и топонимов), которые были перенесены с Кавказа в Приднепровье в связи с перенесением имени Гипаниса и приложением его к Южному Бугу. Возможно, что имя Гипакирь носило одно из устьев или притоков Кубапи. Во всяком случае, вместе с локализацией р. Геррос Птолемеем на Кавказе, эта связь Геррос с Гипакирью дает лишнее основание искать его на Северном Кавказе, тем более, что на Кубани, как известно, ходят наиболее крупные и богатые из архаических скифских курганов⁹⁸.

Это обстоятельство позволяет нам с достаточными основаниями здесь же локализовать и геродотову местность Геррос, с находящимся в ней некрополем скифских царей. В местности Геррос Геродот помещает племя герров, которые, таким образом, оказываются населяющими отчим царских скифов (Herod., IV, 56, 71), на основании чего А. Кисслинг⁹⁹ уже достаточно убедительно предполагаем, что имя герров и было первоначальным и настоящим наименованием племени царских скифов. У Птолема (Geogr., V, 8, 13) это племенное наименование фигурирует лишь однажды и локализуется между Кавказом

⁹⁸ Исследователи, ограничивающие Скифию, якобы вслед за Геродотом, с востока устьем Дона, исключают, естественно, из Прикубанье с Келермесским, Ульским, Воронежским, Марьевским и другими царскими курганами (Граков Б. Н., Мелникова А. Ш. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях... — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952, с. 91 и сл.), не указывая, однако, определенно, к какой культуре должны быть отнесены эти богатейшие памятники и с каким племенем связаны. Согласно этим представлениям, Б. П. Граков отождествляет р. Геррос с Молочной, а местность Геррос помещает между р. Молочной и Днепром (Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 171). Его не смущает при этом и то, что курганы царского типа, расположенные в Нижнем Приднепровье, без исключения, не относятся к архаическому времени исследования, не являются теми, какие могли иметь в виду Геродотово описание. М. И. Артамонов также не считает Келермесские курганы скифскими, потому-де, что пришедшие из Передней Азии ифы хоронили в катакомбах, отсутствующих в Келермесе. Но он и не меотские, как полагал Б. Н. Граков и некоторые другие исследователи (см.: Виноградов В. Б. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 40), поскольку пет данных об участии меотов в азиатском походе скифов, что совершенноно в отношении лиц, погребенных в Келермесских курганах. (Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 02).

⁹⁹ Kissling A. — n:PWRE, Halbb. 7, 1912, Sp. 1 274.

Каспийским морем (в древней Албании, к северу от Дербентского прохода). Двойственность локализации р. Герроса у Птолея, с одной стороны, может основываться на различных источниках, ориентирующих реку по-разному (чем и были вызваны связанные с нею несообразности в тексте Геродота), с другой — она, вероятно, коренится опять-таки в перемещении гидронимов, по мере изменения территории перекочевков скифов царских к западу. Следует обратить внимание и на то, что древние Вокализации наименования реки и местности Геррос все же (хотя и довольно приблизительно) перекликаются с названными выше царскими некрополями на Кубани и на Днепре (знаменско-серовозская группа курганов). Так что возможно, что уже в древности, и при этом у самих скифов (или, во всяком случае, у северочерноморских греков), эти наименования одновременно локализовались **в**личным образом.

Названные выше курганы, помимо того, что, будучи воздвигнуты в VI—V вв. до н. э., близко воспроизводят геродотово описание скифского царского погребального обряда (Herod., IV, 59), содержат изумительную по яркости картину быта древнейшей скифской аристократии. Огромные богатства, сосредоточенные некогда в этих курганах, десятки ритуальных захоронений приближенных и слуг, сотни лошадей, сопровождавших в могилу скифских владетельных особ, не оставляют сомнения в том, что перед нами в кубанской группе курганов **е**ст тот самый царский некрополь в Геррах, о котором упоминает Геродот **п**ри описании скифского погребального обряда и который, быть может, имел в виду царь Идандирис в своем (хотя, несомненно, и легендарном, но в подобных деталях основанном на реальных обстоятельствах) послании персидскому царю Дарию (Herod., VII, 127).

Погребения VI—V вв. до н. э. грунтовых могильников Прикубанья — в отличие от больших курганов близ станций Ульской, Келермесской, Воронежской, Некрасовской, Марковской, Елизаветинской, из которых одни по архитектуре имеют черты древнейших скифских шатровых сооружений, а другие (с комбинированными каменно-деревянными склепами) подражают архитектуре курганов **б**оспорской знати, — более всего приближаются к захоронениям Моздокского и Нестеровского могильников на Се-

верном Кавказе¹⁰⁰. Это культурное родство, возможно, совпадает с тем, какое обнаруживается в памятниках предскифского времени всего Северного Прикавказья. Для I предгорных районов Закубанья (ст. Бесленевская, Даховская, Курджишская и др.), в эту же эпоху характерны погребения в каменных ящиках, составляющие звено в культуре, которая распространилась от горных районов Северного Кавказа и до горного Крыма, с сохранением в погребальном обряде древних местных мегалитических традиций.

Перечисленные выше группы больших курганов принадлежат скифским царям или аристократии скифского царского племени, отчасти же, вероятно, представителям эллинизированной синдской знати (Семибратние и Елизаветовские курганы). Но грунтовые могильники должны быть признаны памятниками культуры древнемеотских племен; связанных как с предгорными, так и со степными племенами.

Культурное влияние, как и прямое проникновение на Кубань скифских элементов из бассейна Маныча, Нижнего Придонья и Поволжья, определенно чувствуется в захоронениях рядового населения Прикубанья, датируемых VI—III вв. до н. э., — факт, в котором К. Ф. Смирнов усматривает указание на проникновение сарматских сираков в меотскую культурную среду¹⁰¹. В частности, раскопки могильника у ст. Пашковской позволяют проследить соответствующую культурную эволюцию даже от VII в. до н. э. В нем, как и в других прикубанских могильниках, довольно высок процент скорченных костяков, относящихся к беднейшим захоронениям. Оружие было характерно для погребений, отмеченных наличием каких-либо греческих вещей (чаще всего простой керамики)¹⁰².

К северу от местностей, занятых племенами скифов царских и скифов-кочевников, Геродот помещает племе-

¹⁰⁰ Смирнов К. Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. — КСИИМК, 1952, выи. 46, с. 3 и сл.

¹⁰¹ Смирнов К. Ф. Основные пути развития..., с. 6. Древность и первоначальная закаспийская локализация племени сираков подтверждается сохраненной у Поллена легендой (VII, 12) о сакском конюхе Сираке, завлекшем, подобно Сусанину, персидское войско в пустыню, где оно было обречено на гибель.

¹⁰² Смирнов К. Ф. Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа. — КСИИМК, 1950, вып. 32, с. 114.

на меланхленов, гелонов, будинов и невор. Ни локализация их, ни описание их быта не отличаются у него необходимой ясностью. Причисляя будинов к варварским, скифским племенам, Геродот в то же время помещает в их стране деревянный город Гелон, населенный людьми эллинского происхождения — гелонами, говорящими по-гречески и по-скифски. Тут же выясняется, что будины у греческих писателей нередко именуется гелонами (Herod., IV, 108). С другой стороны, родство гелонов и скифов подчеркивается эллинским вариантом легенды о происхождении скифов, сообщаемой Геродотом, в которой в числе сыновей Геракла и богини Ехидны фигурирует Гелон. Нахождение эллинизированного деревянного города где-то далеко на севере Скифии представляется совсем неправдоподобным, даже если и допустить, что греческие торговцы действительно проникали в глубинные местности Скифии, чему, впрочем, противоречит малая осведомленность греков об этих местностях. Все становится несколько более реалистичным, если допустить, что при своей локализации названных племен Геродот снова сделался жертвой картографической аберрации, причиненной схематизмом и условностью древней картографии.

Действительно, в Перипле Пс. Скилака (§ 79 и сл.) мы сталкиваемся с некоторыми из этих имен, обнаруживая их на побережья Кавказа. Меланхлены и гелоны помещены у него рядом, между колами и колхами, восточнее (или юго-восточнее) керкетов. Имея в виду, что, по Гекатею (фр. 154 М), меланхлены получили свое наименование по одежде («черноплащники»), их уже не впервые отождествляли с кавказскими горцами в черных бурках¹⁰³. Так что и это обстоятельство способствует их соседству с керкетами, в имени которых позволительно угадывать позднейших черкесов.

Деревянный город Гелон не покажется, быть может, столь неестественным на Кавказе, в свете почти современных Геродоту описаний Ксенофонта (Anab., V, 4, 26)

¹⁰³ Имя меланхлены не что иное, как греческий перевод древнеиранского племенного наименования саудараты («одежье в черное»); упомянутого в качестве скифского племенного наименования в ольвийском декрете в честь Протогена (IOSPE, I², № 32 В.; Соболевский А. И. Русско-скифские этюды. — «Изв. отд. русского языка и словесности РАН», Л., 1924, № 36-37, с. 28; ср.: Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. 3. М., 1887, с. 79),

деревянных башен **моссиников**, оказывающихся, при **соот-**
ветствующей локализации гелонов, в близком с ними **со-**
седстве. Подобные же деревянные сооружения культового
или бытового характера можно реконструировать по **архе-**
ологическим остаткам, обнаруженным в Колхиде при **рас-**
копках холма Наохвamu, невдалеке от Черноморского **по-**
бережья ¹⁰⁴.

Возможность совместного существования греков и **ме-**
стных жителей Кавказского побережья вытекает из до-
вольно обстоятельной осведомленности греческих **авто-**
ров — Геродота и **Пс. Гиппократ**а — о Колхиде. В **этом**
смысле могут быть истолкованы и археологические **дан-**
ные: наличие греческих по стилю, но местных архаиче-
ских серебряных монет, называемых в просторечии «кол-
хидками», принадлежавших какому-либо из древнейших
грецизированных пунктов Кавказского побережья — **Фа-**
сису, Диоскуриаде или безымянному покуда крупному
пункту внутренней Колхиды в Вани, в бассейне Риона,
в котором, не без основания, угадывают культурный центр
тогдашней Колхиды, с многочисленными архитектурными
и бытовыми остатками, обнаруживающими греческое и **И-**
иранское влияние ¹⁰⁵. В районе древнего Фасиса (при
устье р. Хопи) в недавние годы обнаружен культурный
слой, содержащий греческую архаическую керамику —
пухлогорлые остродонные амфоры и обломки чернофигур-
ных расписных сосудов ¹⁰⁶. Большой материал получен
многолетними раскопками на городище Пичвнари (в рай-
оне Кобулети), свидетельствующими о существовании
в этом районе широкого симбиоза греческой и местной]
культур.

Геродот довольно подробно останавливается на описа-
нии племени колхов, ограничиваясь лишь скупыми упо-
минаниями других племен юго-восточного побережья **Чер-**
ного моря: мосхов, макронов, моссшшков, халибов и тиб-
ренов. Однако о колхах он сообщает всякого рода фанта-
стические или не получающие подтверждения в другой
древней литературе подробности. В частности, он **настаи-**

¹⁰⁴ **Куфтин Б. А.** Материалы к археологии Колхиды, т. 2. Тбилиси, 1950, с. 161 и сл.

¹⁰⁵ Археологические открытия 1972 г. М., 1973, с. 425 и сл.

¹⁰⁶ Разведки **Н. В. Хоштария**, материал **которых** хранится в Музее Грузии в Тбилиси.

ведет на том, что колхи — потомки древних египтян, приведенных туда фараоном Сезострисом (Herod., II, 105).

Подтверждение того, что они действительно египтяне, находит в их облике — смуглом цвете кожи и курчавых волосах, — а также в свойственном им обряде обрезания (II, 104), который, как заимствованный будто бы из Египта, он приписывает также макронам. С макронами, по описанию Геродота, колхов объединяло и вооружение: деревянные шлемы, кожаные щиты, копья и ножи. Подобным же образом были вооружены мосхи, моссирики и титарены (Herod., VII, 78 sq).

Понятие Колхиды распространялось в древности на всю низменную часть Западнокавказского побережья, вплоть до Трапезунта и даже Керасунта (Xenoph., Anab., IV, 8, 22). С глубокой древности функционировал торговый путь из Колхиды в Индию, через Мидию (Herod., I, 104; 110). Между Колхидой и Мидией Геродот упоминает одно лишь племя саспиров, которые вместе с марами (Herod., III, 94) составляли известное Геродоту население западных предгорий Кавказа в соседстве с армянами (Herod., 194)¹⁰⁷. С другой стороны, указанно Геродо-

¹⁰⁷ Племя саспиров (или саспейров, Σασπειρες), имя которого у греческих авторов звучало по-разному (Σαλπειρες у Аполлония Родосского — Argon., II, 395), в какой-то степени определило этнический состав армянийцев и иберов. В первом слове имени саспиров слышится имя саков, как и во многих других именах кочевнических среднеазиатских племен, пришедших из-за Каспия в доскифское или раннескифское время. Залогом подобного происхождения имени саспиров является его фонетическая близость к каспейрам Северной Индии. Оно достаточно широко звучало в Западном Закавказье, поскольку с ним сталкивался Ксенофонт, перелающий его, впрочем, в сильно этимологизированном виде — геспериты (Ἑσπεριται — Xenoph., Anab., VII, 8, 25). В культурном отношении Геродот сближает саспиров с колхами, судя по тому, что они, по его словам, имели совершенно одинаковое вооружение. Саспиры тяготели, однако, политически более к Каппадокии и входили вместе с матиенами и аллародиями в XVIII сатрапию. Если во времена Геродота владения ахеменидской Персии простирались вплоть до Кавказского хребта и колхи уплачивали Дарию дань рабами (Herod., III, 97), а контингенты их фигурировали в войске Ксеркса (Herod., VII, 79), то позднее на рубеже V и IV вв. до н. э., судя по сообщению Ксенофонта (Anab., VII, 8, 25), ввиду ослабления власти Ахеменидов, западнокавказские племена возвратили себе независимость (Микеладзе Т. К. Об одном сообщении в Анабасисе Ксенофонта. — «Сообщ. АН ГрССР», 1958, №2, вып. 21, с. 249 и сл.). Историки походов Александра Македонского застают

Ток расстояния между Колхидой и Меотидой говорит о связях ее с северочерноморскими странами.

В других древних источниках, начиная с Гекатея у восточного побережья Черного моря, наряду с колхами упоминаются племена колов и кораксов (Hec., fr. 185 sq.), самыми своими наименованиями связывавшиеся с именем колхов, с одной стороны, и скифов-сколотов, с другой. Из указанных фрагментов Гекатея явствует, кроме того, определенно, что кораксы — это племя колхов, а Колика — это то же самое, что и Колхида. Есть некоторые основания думать, что в раннее время имя кораксов в ионийских городах Малой Азии было весьма популярно и соответствовало имени колхов. Их знает Фойникс из Колофона (fr. 3, 14 D), а Гиппонакс (fr. 2, 1 D) описывает греческую красавицу в кораксийском шерстяном безрукавном плаще — видимо, что-то вроде кавказской бурки меланхленов. Подобные плащи, возможно, лишь продавались, а не производились кораксами, так же как колхи у Геродота (II, 104) славилась тканями, именовавшимися «сардскими» и происходившими, вероятно, из Средней Азии.

Помимо того, что у многих авторов, названных выше, западнокавказские племена именуются скифскими, мы находим среди этих племен и само имя скифинов (Xenoph., Anab., IV, 7. 18), обитавших в соседстве о мессинянами и макронами в районе Трапезунта¹⁰⁸. В быту пле-

саспиров в районе золотых рудников Кабаллы (Cayala на Tab. Reut. на отрезке пути Каспии — Артаксата в местности Сиспиритиде — (Strab., Geogr., XI, 14, 8), видимо, названной по имени этого племени. Имя саспиров может быть звучит уже в supria ассирийских текстов, локализуемом на Верхнем Тигре, и в современном Испире. Скифский характер населения страбонской Сиспиритиды подтверждается тем, что она изобиловала конями и что в ней выращивались нисейские лошади, посылавшиеся армянскими сатрапами в дань Ахемешпдам (Strab., Geogr., XI, 14, 0). В тексте Страбона читается в указанном месте Γολδορατιδι — вариант имени саспиров, из которого становится несколько более понятной и указанная выше этимологизация Ксенофонта.

¹⁰⁸ Племя скифинов (или скифенов — Σκυθῖνοι, Σκίθηνοι) живших по соседству с халибами у юго-восточного угла Черного моря, именем своим роднится со скифами и многими исследователями ставится в связь с киммерийцами-скифами, проникшими в Каппадокию из Северного Ирана и Южного Закавказья. Т. К. Микеладзе (К истории древнейшего населения Юго-Восточно-о Причерноморья — скифины. — «Сообщ. АН ГрССР», 1957, Л» 5, вып. 19, с. 633 и сл.) сопоставляет это племенное наименование с именем

мен Западного Кавказа, как, впрочем, и на Кавказе вообще, необходимо отмстить немало элементов, свойственных скифской культуре. Помимо скифского оружия и керамики, форм и орнаментов, близких скифским, имеются украшения, исполненные в скифском зверином стиле. К числу подобных раннескифских находок на Западном Кавказе допустимо отнести случайную находку разрушенного погребения в селении Колхиди (Гагринского р-на), с железным кинжалом в изукрашенных бронзовых ножнах, имеющих параллели в Самтаврском могильнике и на Нижней Волге (близ Саратова), а также с обломками наконечников копий¹⁰⁹.

На Западном Кавказе элементы скифской культуры, относящиеся преимущественно к раннему времени ее существования, выявляются из находок в могильниках, где в погребальных инвентарях преобладают местные бытовые черты, а скифские обнаруживают себя преимущественно в погребальном обряде: в конских и сопровождающих человеческих захоронениях, в предметах вооружения скифского образца — особенно мечей, копий и наконечников; стрел. Подобного рода находки встречены как на Черноморском побережье, так и глубоко внутри страны.

Большое количество раннескифских находок в урартских центрах (Эрибун и Кармир Блур) подтверждает письменные свидетельства первой половины VII ст. до н. э. (ассирийские и урартские) об отношениях урартов с киммерийско-скифскими кочевниками. При раскопках обнаружены предметы скифского вооружения, конского убора и поделки из кости и бронзы, украшенные в звери-

горного хребта Скидисе, полагая, что как Скидисе, так и скифины — имена подвергшиеся адаптации в греческом языке и этимологизирует оба эти наименования в связи с мегральским шквити — семь, поскольку в Скидисе жили, по словам Страбона, гептакометы («семисельянки»). Так или иначе, греки, образовавшие имя скифинов от имени скифов, быть может, с оглядкой на другие западно-кавказские племенные наименования, как тибарены или макроны, вряд ли имели в виду что-либо большее, чем распространение на одно из кавказских племен местного имени, звучавшего для греческого уха очень знакомо. Тем более, что в культурно-географическом отношении прикавказские племена находились для них в пределах Скифии.

¹⁰⁹ Транш М. М. Новая находка в Абхазии. — КСИИМК, 1954, вып. 53, с. 139 и сл.

пом стиле ¹¹⁰. В архаических скифских курганах Крыма, I Нижнего Дона и Среднего Днепра находили **костяные** и металлические изделия, аналогичные обнаруженным в I урартских **центрах** ¹¹¹.

В Армении, в могильнике эпохи раннего железа близ с. Куртан, под кромлехом было открыто захоронение с предметами скифского вооружения и **конского** убора (наконечник копья, железный топорик и фигурные **псалги**, а также железный серп сейминского типа). Для топорика А. А. Мартиросян указывает аналогии в скифских курганах Среднего **Поднепровья** ¹¹².

Если для **доахеменидского** времени кочевнические проникновения на Кавказ осуществлялись, судя по археологическим данным, полученным как в Закавказье, так и на Северном Кавказе, преимущественно из прикаспийских I областей, то в более позднее время (V—IV вв. до п. э.) находки в междуречье Кумы и Терека отмечают присутствие **волжско-донских** скифо-сарматских элементов ¹¹³.

На Северном Кавказе, при наличии могильников, сохранивших скифский и скифообразный материал (прежде всего, могильники Нестеровский, Луговой, Тамгациский, Бажиганский, Моздокский, **Гойтинский** и в ряде пунктов, о которых уже была речь в связи с находками **предскифского** времени), отмечено большое количество поселений той же эпохи, т. е. преимущественно VII—IV вв. до н. э. Некоторые из них, как поселение Нестеровское и Луговое, связаны с одноименными могильниками. Поселения имеют иногда также и более ранние слои, например Змейское, относящееся в нижних горизонтах к эпохе расцвета **кобанской культуры** ¹¹⁴. На многих из них слои скифского времени перекрываются более поздними средневековыми культурными напластованиями. Поселения обычно небольшие, лишены каких бы то ни было признаков **обороны**

¹¹⁰ Лосева И. М., **Ходжап С. И.** Десять лет работы ГМИИ по раскопкам урартского города **Эрибунн**. — «Сообщ. ГМИИ им. Пушкина», 1964, № 2, о. 16 и сл.

¹¹¹ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 40.

¹¹² Мартиросян А. А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 290.

¹¹³ **Виноградов В. В.** Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 43 и сл.

¹¹⁴ **Крупнов Е. И.** Древняя история Северного Кавказа, с. 148.

льных сооружений, поскольку они являлись пунктами одоточия оседлого земледельческого населения. О землетелии свидетельствуют зерновые ямы, о скотоводстве — высокий процент костей крупного и мелкого рогатого скота также свиней. Костей лошади в северокавказских комплексах не столь много, хотя в могильниках нередко отмечается наличие конской сбруи и захоронений лошадей, что, однако, не должно противоречить их оседлому (основному) характеру. Общий облик их культуры и быт тот же, что и больших поселений доскифского и скифского времени в лесостепной Украине и, прежде всего, на Вельском и Басовском городище и на городищах Киевской области, расположенных у Днепра и по его притокам — Субботовском, Тясминском и другим, в Житомирской области (Немировское городище) и на поселениях скифского времени в Молдавии.

■ Все они, расположенные по границе кочевнических степей, объединяются прежде всего довольно однообразной лощеной керамикой с инкрустированной белой пастой орнаментацией, какой немало также и на городищах скифского времени закаспийских и приаральских мест, как, например, на жаныдарьинском городище, керамический материал которого сопоставлялся с керамикой Вельского городища С. П. Толстовым¹¹⁵. Быть может, не менее существенно и то, что общность всех этих разделенных тысячеверстными пространствами скифских очагов культуры подчеркивается не только однообразием керамических форм и орнаментики и наличием некоторого количества предметов скифского вооружения и украшений, но и самим способом хозяйствования и культурно-бытовым укладом.

■ Характерны очень зольники — кучи золы хозяйственного происхождения и ритуального (или, во всяком случае, с определенной ритуальной окраской, связанной с культом домашнего очага) значения. В некоторых местах, как, например, на Вельском городище, зольники образуют большие курганообразные кучи, а в других, как на городищах Киевской области, в Молдавии и Прикавказье, они составляют прослойки в культурных напластованиях поселений. Мощный зольник, обнаруженный В. А. Городцо-

¹¹⁵Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, С 192 и сл.

вым на поселения Маджары близ Прикумска, по характеру и по керамическим находкам был им сопоставлен зольниками Полтавской области ¹¹⁶.

Е. И. Крупнов, суммируя наблюдения археологического и этнографического порядка, с большой категоричностью настаивает на хозяйственном и отрицательный характер происхождения зольников ¹¹⁷. Но опираясь на им же собранные данные, убедительно говорящие о том, что зольники обязаны своим возникновением обычаям ссыпать в одном определенном месте золу из домашних печей, нельзя не допустить, что, поскольку домашний очаг в скифское время был средоточием культа, ссыпавшаяся в определенное место зола из него, содержащая жертвенные остатки, не могла не иметь известного священного значения. Тем более, что есть факты прямой связи зольников с культовыми местами: на городище Караван, близ одноименного села Харьковской области, было обнаружено культовое сооружение из глины (род жертвенника) с обширным зольником вокруг него ¹¹⁸. Мощный зольного слоя достигала в этом месте метра. В районе жертвенника обнаружено много предметов (глиняные лепешки, модели зерен, миниатюрные сосудики и др.), доказывающих наличие земледельческого культа. Вполне вероятно, что зольник на городище Караван, как и другие скифские зольники, может служить свидетельством зем-

119

ледельческих и домашних культов

Располагая поселения в предгорьях Северного Кавказа на открытых (хотя обычно и на возвышенных) местах, их обитатели не хотели отгородиться от степи и не искали защиты от степных кочевников, пребывая с ними в культурном контакте и находясь в подчинении у владетельных скифских племен, выполняя определенные хозяйственные

¹¹⁶ Городцов В. А. Результаты археологического исследования на месте г. Маджар. — «Труды XIV Археологического съезда», 1911, т. 3, с. 162 и сл.

¹¹⁷ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 168.

¹¹⁸ Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Причерноморья в раннем железном веке. — СА, 1957, № 1, с. 178 и сл.

¹¹⁹ Ляпушкин И. И. Археологические памятники эпохи железа в бассейне р. Ворсклы. — КСИИМК, 1947, вып. 17, с. 121. Мелюкова А. И. Культура предскифского периода в лесостепной Молдавии. — МИА, М., 1961, вып. 96, с. 20 и сл.; Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 100 и сл.

задачи для поддержания нормального существования кочевнических элементов ¹²⁰.

И сходство скифских поселений Прикавказья, Приаралья и Приднепровья предполагает участие их населения в культурном обмене и перемещениях этнических элементов, осуществлявшихся кочевниками на этих пространствах. Выше уже было отмечено культурное сходство в быту, погребальном обряде и т. п. северокавказских жилых памятников предскифского и скифского времени и поселений таврской (кизилкобинской) культуры Крыма. Особенно отчетливо это культурное родство прослеживается на материале упомянутого выше Змейского поселения, где об этом говорят не только формы и орнамента керамики, но также формы и способы устройства колоколообразных зерновых ям, известных в Крыму, в частности на Симферопольском поселении ¹²¹.

Помимо местных оседлых элементов, втянутых в круг развития скифской культуры, речь может идти о проникновении на Северный Кавказ скифов-кочевников из приволжских и закаспийских пространств, о чем свидетельствуют находки соответствующих могильных комплексов. Таковы, например, образцы скифского звериного стиля, очень характерного для архаической скифской (савроматской) культуры Поволжья: костяная накладка в виде фигурки лошади (?) с поджатыми ногами и бронзовая подвеска с изображением хищника (близко напоминающая блюменфельдовские костяные поделки) из-под г. Малгобека в Чечено-Ингушетии ¹²². К этого же рода находкам примыкают и такие предметы, как украшение ножен меча из кургана № 1 у с. Урус-Мартан (Чечено-Ингушетия) с изображением головы оленя, рукоять меча украшена изображением пантеры с вывернутым задом. Находки

¹²⁰ В. В. Виноградов. (Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, Грозный, 1972, с. 78) обращает внимание на то, что ряд северокавказских поселений прекращает существование в VII в. до н. э., видимо, под напором скифов, устремившихся на причерноморских степей в Переднюю Азию. Но этому противоречит сильная примесь скифского культурного элемента в памятниках местной культуры, существовавших в последующие 2—3 столетия.

¹²¹ Шульц П. Н. Исследования Неаполя Скифского. — В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 64 и сл.

¹²² Виноградов В. Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 23.

стилистически очень напоминают соответствующие < сибирские изделия ¹²³.

Несколько более поздние (V—IV вв. до и. э.) погребения, но также довольно родственные нижневолжским скифским комплексам, были открыты Е. И. Крушновым в 1955 г. в кургане № 5/11 близ с. Ачикулак Ставропольского края ¹.

На северных склонах Кавказских гор, между Меотидой и Каспийским морем, Страбон (Geogr., Xf, 5, 1) помещает племена сираков и аорсов, имена которых, как было показано, известны также и некоторым другим древним авторам. Сираки, возможно, идентичны сирегетам (тирегетам, миргетам, тирамбам), а аорсы (савроматское племя) через утидорсов Плиния (NH, VI, 29) связываются с утиями (витиями), вероятно, идентичными будинам Геродота. К традиции, объединяющей эти имена и соединяющей их с савроматами, восходит, пожалуй, сообщение Страбона, согласно которому Отий (Утий) является вождем-эпонимом амазонок. Также и Таргамос, выступающий в «Картлис Цховреба» в качестве родоначальника кавказских народов, перекликается с Геродотовым Таргитаем (и с Тиргатао — видимо, грецизированная меотская форма того же имени), в свою очередь перекликающимся с именем тирегетов.

У Страбона, Плиния и Птолемея есть большое количество племенных наименований, локализуемых этими авторами на Северном Кавказе, но не известных более древним авторам. Некоторые из этих имен (соаны, дидуры, лупенин) находят свои параллели в поздних племенных наименованиях (сваны, дидои, лбины), но нет никаких доказательств того, что какие-либо из этих имен могли бы относиться еще и к скифскому времени. Имя лупенин-лбинов, впрочем, сопоставимо с именем сына Таргитая — Липоксая (Нитоксая), которое во втором варианте связывается с (северокавказской же?) Нитикой Пс. Скилака (Агг., PPE, § 18, 2). Нельзя не упомянуть и о страбонových гаргареях, о которых речь была выше, как о племени, через амазонок-киммерийцев соединяемом с савроматами. Отзвук имени которых позволительно слышать в поздней-

¹²³ Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 23, рис. 7; Он же. Новые находки скифо-сибирского стиля в Чечено-Ингушетии. — СА, 1974, № 4, с. 258.

¹²⁴ Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа, с. 176.

Галгаях, предках современных ингушей. Это отождествление Е. И. Крупнов подкрепляет ныне археологическими находками, в частности, на Нестеровском и Луговом могильниках и поселениях ¹²⁵.

Некоторые более поздние данные позволяют связывать с кавказской почвой также и имя будинов, чем опять-таки подтверждаются известные закономерности в aberrациях Геродота. Хотя мы не имеем прямого указания на кавказскую локализацию будинов, но у Страбона (Geogr., XI, 99) и в Перипле Арриана (§ 18, 2) идет речь о кавказском племени фтейрофагов, живущих по соседству с кохасами и колхами, в районе Великого Питиунта. Арриан замечает, что об этом племени, называемом фтейрофагами (т. е. «вшеда») из-за их нечистоплотности, упоминает Геродот. Геродот же знает лишь будинов, о которых гово-

рит, что они φθειροτραγεουσι, т. е. поедают либо вшей, либо сосновые шишки, поскольку по-гречески β φτειρο означает и вошь и сосновую шишку. Из Страбона мы узнаем одновременно, что речь идет не об обыкновенных сосновых шишках, а о шишках пинии — πυτις φθειροπολις в изобилии произраставшей на Кавказе в районе Питиунта (современной Пицунды), где и в настоящее время сохраняется знаменитая пиниевая роща. Имя фтейрофагов в эпоху Арриана было уже, вероятно, чисто антикварным и познанным им из географической литературы, но не понятым историко-этнографически, поскольку он производит от «нечистоплотности и грязи» этимологию носителей этого имени ¹²⁶.

Из Геродота (IV, 109) известно, что ионийские этнографы смешивали будинов и гелонов. И хотя Геродот находит это неправильным, однако полностью избежать такого смешения не удается и ему: город Гелон оказывается у него в стране будинов. У более поздних авторов, писавших на основании данных, собранных во время кавказских походов Марка Антония, Лукулла и Помпея, нахо-

¹²⁵ Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 72 и сл. В. Б. Виноградов (Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время, с. 24) называет предками гаргареев нынешних вайнахов.

¹²⁶ См. наш комментарий к тексту Страбона в переиздании Scythica et Caucasica В. В. Латышева.— ВДИ, 1947, № 3, с. 268, а также: Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах, с. 92 и сл.

дим на Северном Кавказе племена витиев, утиев, **в. н. э.** нов — имена, которые, вероятно, как более **конкретные** и реальные, соответствуют собирательному имени **будини** у писателей VI—V вв. до н. э. Для возможных ассоциаций с именем гелонов находим у Страбона гелов и гов — диких обитателей горных ущелий, быт которых хранит матриархальные черты и вызывает поэтому представление об амазонках, обитающих в непосредственно, соседстве с первым из названных только что племенем (Strab., Geogr., XI, 5, 1)¹²⁷.

Непреложность того факта, что греки **познакомились** с именами будинов и гелонов именно на Кавказе, **вытекает**, помимо соответствующей локализации их у авторов **периплов**, также и из склонности первого из них к **поселению** шишек кавказской пинии, из того, что они **были** «фтейрофагами». В отношении гелонов, помимо того, имя их в этнографических описаниях тесно связано с **будинами**, кавказская их локализация подтверждается **еще** и тем, что соответственно одному из вариантов мифа происхождения скифов, сохраненному **Холландом** (Serv., Ad Verg. Geogr., II, 115), **эпонимом** скифского города Гелона является **одноименный герцог** Гелон — сын Геракла и Хании, нимфы р. Хана, **протекающей** по Кавказской Албании и впадающей в В (Strab., Geogr., XI, 3, 2)¹²⁸.

Этот миф, в его греческом оформлении, представляя собой, по-видимому, отголосок одной из версий **легенды** о происхождении скифов, возникшей где-либо на **Кавказе**, а, вероятней всего, именно на территории Албании, **во мнении** пребывания в ней скифов. Параллелью к **легенде** может быть признан **припонтийский** вариант, изложении

¹²⁷ Имя гелов, видимо, широко распространялось по **Восточному Прикавказью** в эллинистические времена, если судить по **тому** что оно отождествилось с именем значительного племени **кадуси** (Plin., NH, IV, 48: Gaeli quos Graeci Cadusios appellaverunt). **Признание** к ним греками древнего имени гелонов содействовало **популярности** последнего и употреблению его наряду с именем **скифов** (Meyer E. Geschichte des Altertums, Bd 1, т. 2. Stuttgart, 1900, S. 848).

¹²⁸ В. Томашек (PWRE, Bd. 3, 1899, Sp. 2110) **отождествляет** р. Хан с современной р. Агри-чай, притоком Алазани, **по течению** которой и поныне сохранило наименование **Кани** и **Канык**.

Геродотом, в которой Гелон и Агафирс — братья Скифа. Албанский вариант мог сохранить популярность вплоть до эллинистического времени, когда племена, носившие такие же имена, созвучные имени гелонов, в составе сарматов появились в восточноевропейских степях и продвинулись на запад, вплоть до фракийских пределов. Имя гелонов, когда-то хорошо известное ионийцам, возродилось в связи с этим и вновь приобрело широкую популярность: мы найдем его у латинских поэтов Августова века в нередком употреблении паряду или вместо имени скифов¹²⁹.

Теперь остается разъяснить, по возможности, то место у Геродота (IV, 109), где речь идет о переселении невров в земли будинов. Это сообщение содержит сказочные подробности — неожиданное изобилие змей в земле невров и способность невров превращаться в волков в определенное время года, — которым и сам Геродот отказывает в достоверности (IV, 105). Однако при всей невероятности рассказа можно предполагать одно непременно реальное обстоятельство: соседство невров с будинами. Именно оно, при достаточно определенной локализации невров в верховьях Днестра и Южного Буга, заставляет и будинов помещать где-то в непосредственном соседстве, в пределах нынешней лесостепной Украины и не восточней Воронежской области.

Основываясь на подобном, широко распространенном понимании географии Геродота, в недавнее время И. В. Фа-

¹²⁹ Нот., *Sarm.* II, 9, 23; 20, 19; III, 4, 35. Необходимо считать с совершенно реальной возможностью проникновения кавказских чешских элементов в область Причерноморья и Приднепровья. Кавказские племенные имена не должны удивлять нас там, где в больших количествах встречаются предметы кавказского быта. А. Иссен пишет по этому поводу следующее: «Можно думать, что значительная часть медных и бронзовых изделий, найденных в скифских погребениях Украины, происходит с Кавказа и, в частности, из Прикубанья, где в VI в. до н. э. существовало развитое производство медных котлов, бронзовых частей конского убора, украшений, наконечников стрел, погребальных наверший и других изделий, при господствующем уже применении железа» (Иссен А. А. Прикубанский очаг металлообработки во второй половине II в. в начале I тыс. до н. э. — КСИИМК, 1947, вып. 18, с. 21). Нагаало этого процесса культурных и этнических проникновений в области Кавказа в западном направлении относится к более раннему времени. В частности, к эпохе поздней бронзы относится ряд Ходок, происходящих из Прикубанья, на Дону, на Днепре и в Крыму.

брициус¹³⁰ локализовала будинские леса, среди которых, согласно Геродоту, был расположен разрушенный Дарнейский город Гелон (Herod., IV, 123)¹³¹, на северной границе Украины. Стык земель скифских кочевников, савроматов и будинов находился, по ее мнению, в северо-западном углу Харьковской области. Земли будинов простирались оттуда к западу до Среднего Поднепровья. Будины, таким образом, жили от Киева до Кировограда¹³², а гелопы в ее представлении ассоциируются с тясминскими городищами — Шарповским и другими — и с окружающими скифскими некрополями, изобилующими греческой керамикой и ювелирными изделиями, при отсутствии предметов собственно скифского звериного стиля. Большое озеро, указываемое Геродотом (IV, 109) невдалеке от города Гелона — это, по мнению И. В. Фабрициуса, нынешнее Ирдинское болото, а Вельское городище — греческо-гелонская торгово-промышленная фактория на пути из Ольвии в Приуралье¹³⁴.

Помимо того, что схематичность и легендарность геродотовой топографии Скифии, свидетельствующая о весьма ограниченном знакомстве греков с ее внутренними областями, не оставляет реальной возможности для отождествлений, подобных предлагаемым И. В. Фабрициусом, мы убеждаемся в том, что вся остальная античная географическая литература в определенной мере связывает будинов и гелонов с Кавказом. Что же касается геродотового сообщения о переселении невров¹³⁵ в землю будинов, то в этом случае под будинами следует, видимо, понимать во-

¹³⁰ Фабрициус И. В. До питання про топографізацію племен Скіфії. — «Археологія», 1951, № 5, с. 50 и сл.

¹³¹ Именно этот исторически реалистический штрих еще раз заставляет искать город Гелон где-либо в сфере досягаемости иранских военных сил и скорее всего именно на Кавказском побережье, куда персы могли без особенного труда проникнуть из Каппадокии, как позднее проникали римские вооруженные силы (Gutschmid A. v. Die Skythen. Kleine Schriften, Bd 3, 1892, S. 435).

¹³² Фабрициус И. В. Указ. соч., с. 76 и сл.

¹³³ Там же, с. 71 и сл.

¹³⁴ Там же, с. 76.

¹³⁵ Ф. И. Страленберг сопоставил с геродотовым рассказом о переселении невров к будинам из-за обилия змей сибирскую легенду о том, как к аринцам пришли и изгнали их змеи с блестящей кожей и человеческими головами. Существование этой легенды подтверждает для XVIII столетия также Г. Ф. Миллер (История Сибири, т. 1. М., 1937, с. 185).

линов (у более поздних авторов) — восточноевропейское племя, называемое по соседству с неврами, имя которого, стное, может быть, уже и источникам Геродота, было стождествлено с именем кавказских будинов, чем и порождены рассмотренные выше топографические педоразделения.

Возможно, однако, и еще одно объяснение проникновения имени прикавказских будинов столь далеко на северо-запад: археологические данные, начиная с ранне-рокавказских времен, сигнализируют о проникновении северокавказских культурных элементов (спорадическим порядком), на днепровское левобережье и, в частности, в киевский и полтавский скифские комплексы. Наряду с предметами конской сбруи (частей уздечек), оружия — топоров, кинжалов и наконечников копий¹³⁶, — а также металлической посуды, т. е. наряду со всем тем, что могло проникнуть с Кавказа на Днепр в порядке культурного обмена, должны быть отмечены простые глиняные сосуды, вряд ли служившие объектом обмена, но особенно — отдельные уникальные вещи кавказского или иранского происхождения (например, ониксовый цилиндр-печать ахеменидской эпохи, найденный в одном из курганов близ Смедле-курган № 19 у Холодного Яра)¹³⁷, которые более вероятно предполагают перенесение их на Украину с Кавказа прибывшими оттуда кочевниками-переселенцами. Об этом говорят и вещи восточного происхождения к западу от Днепра, сопровождаемые проникновением на Балканы соответствующей этно- и топонимики.

Двойственная, а то и множественная локализация таких племенных наименований, как геты, даи, саи, палеи, шапи, синдоны, гелоны, будины может объясняться, конечно, литературными совмещениями сходных этнических имен и условностями древней картографии, но, бесспорно, и перемещениями племенных военных дружин и целых племен на большие расстояния¹³⁸.

¹³⁶ Крушов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, 344.

¹³⁷ Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, с. 480.

¹³⁸ И. Гарматта справедливо полагает, что количество захваченных Филиппом Македонским пленных у скифского царя Атея — до двадцати тысяч женщин и детей — свидетельствует скорее всего о том, что продвижение Атея за Днепр представляло собой не грабительский рейд, а переселение целого племени под напором сарматов (Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians, p. 16).

В отношении будинов можно еще сказать, что довольно большое число северокавказских раннескифских предметов конского убора и вооружения, найденных на Днепре¹³⁹, происходит, вероятней всего, именно из тех мест, где ионийская географическая традиция локализует нов-удинов, т. е. из Северо-Западного Прикаспия.

Скифская культура в бассейне р. Ворсклы несет в себе ту же белогородовско-чернолесскую основу, что и культура среднеднепровского правобережья. Конкретно это бондарихинская культура, представленная поселениями близ с. Хухра и Низаха Сумской области, где культурные наслоения соотносятся последовательности белогородовской и чернолесской культур, за которыми следует раннескифский материал. Можно считать поэтому, что бондарихинская культура в значительной мере занесена на Правобережье. В северных районах левобережной лесостепи она послужила основой для юхновской культуры¹⁴⁰.

В бассейне р. Ворсклы много открытых поселений и укрепленных городищ скифского времени (VII—III вв. до н. э.), в том числе и известное Вельское городище. Наибольшее число открытых поселений (близ с. Пожарная балка, Мачуха, Алферовка, Довжик) относится к VII—VI вв. до н. э., т. е. лишь к раннему периоду скифской эпохи; почти повсеместно есть зольники. На Вельском городище, в его западной части, обнаружено 43 зольника, возвышающихся в виде курганов; под некоторыми найдены глинобитные площадки или ямы — остатки земляных янок. Под одним из зольников находился земляной холмик, а в других отмечены прослойки камыша. Городища эти, как и к западу от Днепра, обнаруживают многочисленные признаки занятости их жителей земледелием, скотоводством (скот главным образом мелкий) и ремеслом¹⁴¹. В частности, на Вельском городище, в мастерском бронзолитейщика, найдены обломки литейных форм, среди которых фрагмент формы массивной бляхи для щита,

¹³⁹ Тереножкин А. И. Предскифский период на днепровском правобережье, с. 200 и сл.

¹⁴⁰ Ковпаненко Г. Т. Племена скифского часу на Ворскле. Кіів, 1967, с. 13.

¹⁴¹ Ковпаненко Г. Т. Пам'ятки скифського часу в басейні р. Ворсклі. — «Археологія», 1961, № 13, с. 62 и сл.

виде оленя в скифском зверином стиле (рога оленя оформлены в виде орлиных головок)¹⁴².

В бассейне Северского Донца, в районе Харькова и к югу от него, известно большое количество селищ и городищ скифского времени, существовавших преимущественно в IV—III вв. до н. э. Как и поселения Посулья, они имеют выражение земледельческий характер и содержат жилища. Некоторые поселения — особенно приречные и расположенные на дюнных холмах — не обнаруживают остатков прочных жилищ. Они могли служить сезонными стойбищами скотоводов. Одно из крупнейших городищ Северского Донца — у села Большая Гомольша — подобно Бельскому городищу окружено рвом и валом, а близ него расположен курганный некрополь, содержащий захоронения скифов-воинов¹⁴³.

На одном из таких поселений у ст. Шелковая (Харьковской обл.) были обнаружены железные серпы и другие предметы, свидетельствующие о занятии населения сельским хозяйством, следы местной металлургии, а также художественные изделия (костяная ложка с головкой лося в скифском зверином стиле). Находки керамики, документирующей тесные связи населения с племенами южновосточной и дьяковской культуры, датируют это поселение VI—V вв. до н. э.¹⁴⁴.

Невров отождествляют нередко с носителями восточной ветви лужицкой культуры, элементы которой прослеживаются на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Но в верховьях Южного Буга и Днестра лужицкая культура нигде не представлена в сколько-нибудь чистом виде, а поздние ее проявления тонут в материале, характерном для культуры предскифской и скифской поры, распространившейся в Подолии и Приднепровье и характеризующейся признаками белогрудовско-чернолесской культуры, сдобренной влияниями дунайско-фракийского (гальштатского) круга¹⁴⁵.

¹⁴² Археологические открытия 1969 г. М., 1970, с. 243.

¹⁴³ Шрамко Б. А. Поселения скифского часу в бассейні Дінца. — «Археологія», 1961, № 13, с. 62 и сл.

¹⁴⁴ Шрамко Б. А. Поселения скифского часу біля станці Шовковка. — «Археологія», 1964, № 16, с. 181 и сл.

¹⁴⁵ Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья. — МИА, 1958, вып. 64, с. 5 и сл.

Согласно мнению М. И. Артамонова, основанному преимущественно на соображениях Т. Сулимирского¹⁴⁶, легенда должна быть приписана высококая культура, представляющая собой поздний и подвергшийся сильному скифскому влиянию вариант лужицкой культуры на Волини. Используя для осмысления археологической картины переселения лужицкой и скифской культур на Волини о переселении невра в земли будинов, М. И. Артамонов в другой работе¹⁴⁸ устанавливает необходимость локализации западной границы территории будинов в Среднем Поднепровье (в Киевской обл.), тогда как геродотовы сведения о будипах заставляют его связывать с ними местности в северных пределах Харьковской области и юг Воронежской. Этим он почти всю северную часть причерноморско-скифской культурной территории связывает с именем будинов (или бумно-гелонов).

Соглашаясь с М. И. Артамоновым и другими исследователями, помещающими будинов в Харьковской и Воронежской областях, В. А. Ильинская¹⁴⁹ отвергает попытку распространения будинов на Среднее Приднепровье, полагая, что оно было, по Геродоту, истолкованному в свете археологических данных, занято скифами-пахарями (отодествляемыми ею, впрочем, со скелотами).

В районе г. Ольвии, по берегам Бугского лимана и нижнему течению Южного Буга и Днепра Геродот помещает племена алазонов и каллипидов. Первые из них называет эллино-скифами (миксэллинами называли их ольвийские греки — *IOSPE*, I², № 16), т. е. смешанным с греками местным племенем, отчасти сохранившим скифский образ жизни (Herod., IV, 17). И их самих и их ближайших соседей характеризует прежде всего то, что они занимаются земледелием, возделывая пшеницу и другие культурные растения. Побывавший в Ольвии Геродот описывает быт этих приольвийских скифов до какой-то степени, видимо, на основании собственных наблюдения.

¹⁴⁶ Sulimirski T. *Kultura Wysocka*. Krakow, 1931.

¹⁴⁷ Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1947, № 3, с. 79 и сл.

¹⁴⁸ Артамонов М. И. Венеды, невра, будины в славяно-этногенезе. — ВЛГУ, 1946, № 2, с. 80 и сл.

¹⁴⁹ Ильинская В. А. О скифах-пахарях и будинах Геродота. — КСИИМК, 1957, вып. 40, с. 28 и сл.

Смешанность этого населения с греками и земледелие-характер этих племен не противоречит археологическим наблюдениям над местными элементами в культуре Ольвии¹⁵⁰ и над бытовыми памятниками близлежащих (ревних поселений)¹⁵¹. Что же касается называемых Геродотом племенных имен — каллипиды и алазоны — то, поскольку наименования эти чисто греческие, их следует в лучшем случае почтить за греческую этимологизацию, каковых-либо местных скифских племенных наименований, приспособленную к эллинскому уху и осмысленную греками-ольвиополитами.

Действительно, рассматривая происхождение имени алазонов (ализонов), Страбон говорит, что его производят от малоазийской Алибы (халибов), то от имени амазонок, локализовавшихся в Малой Азии, примерно там же, где и халибы. Все это заставляет заподозрить в имени алазонов мифологизацию племенного наименования савроматов — амазонского племени по преимуществу, произошедшего от брачных союзов скифов и амазонок, «женоуправляемого» и переселившегося в Скифию из северной части Малой Азии, с р. Термодонт. К устью Днепра имя это (первоначально, вероятно, локализованное у Киммерийского Босфора) перешло скорее всего в связи с перенесением на запад имени р. Гипанис и приложением его к Южному Бугу. Таково же, весьма возможно, и происхождение имени каллипидов, в котором, быть может, следует подозревать несколько лишь переименованное *Καλλιπιδαι* или *Καλλιπιδαι* («прекрасноногие» и «прекрасно-

¹⁵⁰ Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии. — МИА, 1956, вып. 50, с. 154 и сл.

¹⁵¹ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 151 и сл. Поселение у Широкой балки, раскапывавшееся в 1949 г., представляет собой пример местного скифского поселения в непосредственном соседстве с греческой Ольвией (в 1,5 км). Оно возникло, быть может, одновременно с греческим городом, если не несколько раньше, судя по обломкам ионийской керамики, в качестве скифского пригорода, в котором сосредоточивались запасы зерна, служившие одним из основных предметов греко-скифской торговли в эпоху становления ольвийского *эмποрия*. Местная керамика этого поселения имеет ближайшие аналогии как в самой Ольвии, так и на больших скифских городищах типа Пасторского и Шарповского. Любопытны остатки каменной архитектуры на поселении, сложенной по типу «полигональной» кладки, обнаруженной раскопками 1903 г. в самой Ольвии (Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой балки. — ИСИМК, 1951, вып. 40, с. 114).

конные»)¹⁵². Оба они, следовательно, первоначально существовали где-то в Прикубанье, как образованные от этнонимов амазонок названия «амазонских» или савроматских племен, а позднее были слегка переименованы греческими географами в применении к населению окрестностей Ольвии, где уже труднее было сохранять их амазонский мифолого-литературный характер.

Поскольку Геродот объявляет Днепр западной границей земель скифов-кочевников, то называемые им далее скифы-пахари (*Ἄροτῆρες*) должны быть локализованы на Нижнем Бугу и Днепру, ибо скифы-земледельцы (*Γεωργοί*) локализовались выше по Днепру, на II днепровском пути. Центрами земледельческой культуры здесь были большие городища, такие как Немировское, Пастеровское и др.

Немировское городище (в 4 км от г. Немирова, близ с. Сашки) было окружено валами до 9 м высотой. Главный холм поселения образован преимущественно из золы и пепла. В древности, однако, была заселена только часть обнесенной валом площади, остальная использовалась для хозяйственных надобностей. Близ г. Винницы тоже найдены скифские городища и открытые поселения. Подобные городища, на которых не вся укрепленная территория была жилой, известны близ Могилева Подольского, на берегу Днестра. Ранним датирующим материалом на Немировском городище служит ионийская керамика конца VII—начала VI в. до н. э.¹⁵³ Раскопки, производившиеся на Пастерском городище (у с. Пастерского Златопольского р-на Кировоградской обл.) установили наличие двух слоев скифского времени, относящихся к архаическому (VII—VI вв. до н. э.) и классическому (V—IV вв. до н. э.) периодам. Древнейшие скифские остатки (VII в. до н. э.) не содержат предметов греческого ввоза, хотя на городище много керамики VI в. до н. э.¹⁵⁴ Связанные с подобными

¹⁵² Фабриціус І. В. До питання про топографізацію племен Скифії, с. 59 (см.: Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах, с. 85). Имя *καλλιπιδαι* является точным переводом скифского племенного наименования аримасы — «прекраснокопные» (Соболевский А. И. Русско-скифские этюды, с. 32).

¹⁵³ Артамонов М. И. Югоподольская экспедиция.— КСИИМК, 1947, вып. 21, с. 74 и сл.

¹⁵⁴ Брайчевский М. Ю. Работы на Пастерском городище в 1949 г.— КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 155 и сл.

горядищами могильники обычно не содержат драгоценностей и имеют в составе погребальных приношений бытовые предметы, родственные гальштатской культуре. Их определил и объединил, как «курганы скифов-пахарей» свое время еще А. А. Спицын¹⁵⁵. Но в более позднее время, когда в советской археологической науке возобладало представление о Скифии в границах лишь нынешней Украины¹⁵⁶, скифов-пахарей стали помещать в районе сульских и тясминских городищ, тем более, что и сам Геродот отводил место скифам-земледельцам по побережью Днепра, на 11 дней пути от его устья (Herod., IV, 17)¹⁵⁷. На то, что скифы-земледельцы теснились по берегам Днепра, указывает, быть может, данное им греками Ольвиополитами имя — борисфениты (Herod., IV, 17)¹⁵⁸. В соответствии с прямыми указаниями Геродота, со скифами-пахарями следует связывать нижнеднепровские городища, и прежде всего у Широкой балки, близ Мамай горы, и др.¹⁵⁹

С именем скифов-пахарей (земледельцев) И. В. Фабрициус, А. И. Тереножкин, В. И. Ильинская и некоторые другие исследователи связывают поселения и курганы, расположенные на Среднем Днепре и по его притокам. Особенно настойчиво имя это соединяется, как уже было упомянуто, с посульскими и тясминскими городищами, поселениями и с относящимися к ним могильниками. На городищах бассейна Среднего Днепра, как и в его низовьях, нередки слои, относящиеся к доскифскому времени, свидетельствующие о непрерывном существовании поселений, начиная от эпохи бронзы. Могильники и курганы скифского времени, так или иначе относящиеся к этим городищам, по устройству, инвентарю и особенно местной

¹⁵⁵ Спицын А. А. Курганы скифов-пахарей. — ИАК, 1916, № 65, с. 87 и сл.

¹⁵⁶ Граков Б. Н., Мелокова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время, с. 44 и сл.

¹⁵⁷ Фабрициус I. Б. До питания..., с. 79; А. И. Тереножкин (Предскифский период на днепровском правобережье, с. 239) полагает, что скифы-пахари, жившие на Днепре и в Среднем Побужье, «были скифами только по названию, а не по действительной этнической принадлежности».

¹⁵⁸ Г. е. то самое имя, которое прочие греки придавали грекам-ольвиополитам (Herod., IV, 17, 18).

¹⁵⁹ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 162 и сл.

керамике нередко обнаруживают черты преемственности с предшествующими культурами. В кургане № 5 Рыбинской группы в керамике отчетливо отмечаются признаки влияния среднеднепровской культуры: круглодонные и круглотельные сосуды с короткой шейкой-перехватом и с нарезным орнаментом¹⁶⁰.

Отмечены, однако, как уже говорилось, признаки противоположного свойства: наличие в Приднепровье материальных памятников и элементов погребального обряда, свидетельствующих о проникновениях — этнических культурных — из прикавказских и заволжских областей. Речь идет не только о сходных формах предметов вооружения, конского убора и украшений, но также и о сложном устройстве подкурганых сооружений — в могильных ямах, в катакомбах (подбоях) или на подкурганной поверхности — определенно свидетельствующих о перемещениях носителей этих обрядов из Средней Азии в Приднепровье, из Казахстана — в Заволжье, в Придонуе, Приднепровье и далее на запад¹⁶¹.

Если говорить о самих именах этих Ἄροτινες и Γεωργοί, то прежде всего их некоторая таавтологичность заставляет заподозрить в них не что иное, как греческие вокализации (и этимологизации) местных наименований. Уже давно было подмечено, что в страбоновых ургах (Geogr., VII, 3, 17), живущих у Борисфена и занимающихся земледелием, следует видеть местное имя геродотовых георгов¹⁶². В интересной (и плодотворной по мето-

¹⁶⁰ Фабрициус И. В. Указ. соч., с. 68.

¹⁶¹ Тереножкин А. И. Скифская культура. — В кн.: Путь скифской археологии, М., 1971, с. 19.

¹⁶² Племенное имя «георгой» приобретает неожиданный лад во время совершенно осмысленный аспект в качестве переименованного на греческий лад скифского наименования. По мнению

В. И. Абаева, οὐρῶτες связывается с древнеиранским varka, означает волк (Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., 1949, с. 187, s. v.). Таким образом, это имя приобретает весьма вероятную скифскую этимологию, поскольку это далеко не единственный пример скифского племени «волчьего происхождения».

То, что Γεωργοί получились из οὐρῶτες, допускал уже К. Нейманн (Neumann K. Die Hellenen im Skythenlande. Berlin, 1855, S. 178).

Οὐρῶτες звучит в имени царя Аспурга — вождя прикавказского племени аспургиан, относительно которых см.: Strab., Geogr., XI, 2, 11. Ср.: Pekkanen T. On the oldest Relationship between Hungarians and Sarmatians. — «Ural-Altische Jahrbücher», 1973, Bd 45, S. 2.

ам) работе П. П. Ушакова¹⁶³ основы имени георгов и потеров указываются в gurg и ariteri — племенных наименованиях, фигурирующих в древнеурартских надписях. Иротив подобного сопоставления могло бы быть выдвинуто возражение, что вряд ли закономерно сближать имена, разъединенные столь большим расстоянием. Однако, показано выше, многие наименования, связанные с р. Гипанисом, оказались механически перенесены, вслед самим наименованием Гипанис (и Гипакирь), в Прикавказье с Кавказа. Поэтому не было бы ничего удивительного, если бы георги и аротеры были локализованы в древнейшие времена где-либо на Кубани и лишь позднее переместились к Южному Бугу. Отнюдь не исключено, что это перенесение прикубанских гидронимов и этнонимов связано с перемещением на запад племени «царских скифов».

Но кроме того (и об этом речь уже велась), совпадение западночерноморских племенных наименований с кавказскими и закаспийскими наблюдается в целом ряде случаев. Перемещение в западном направлении соответствующих племенных имен (равно как и гидронимов), засвидетельствованное неоднократно, при полном свете истории, для сармато-гуннских времен, имело место и в так называемую «скиммерийскую» эпоху.

У Перекопском перешейка Геродот помещает племя потомков «слепых» (Τυφλοὶ — Herod., IV, 3), находившихся в рабстве у скифов царских, занимавшихся уходом за лошадьми царского племени и приготовлением гиппакки. Локализация связана у Геродота со рвом, выкопанным людьми этого племени на Перекопе. Страбон (Geogr., VII, 3, 19) именует это племя тафрями, именно от ραφρος), тогда как из Домития Каллистрата мы узнаем, что тафрии — те же сатархеи (или сатархи), жившие в Северном Крыму и известные также из эпиграфических источников эллинистического времени (IOSPE, I², № 244).

¹⁶³ Ушаков Н. П. К походам урартийцев в Закавказье в XI — VIII вв. до н. э. — ВДИ, 1946, № 2, с. 31 и сл. С Agra (а также с ariteri, если только это имя не было получено Ушаковым слишком произвольно) следует сопоставить Agra — имя вождя одного из восставших против Дария I, упоминаемое в Бегистунской надписи. Э. Кавеньяк допускает скифское происхождение этого имени (Cavagnac E. L'origine des arméniens. — «Revue Hittite et Asiatique», 1963, fasc. 72, p. 47 s.).

Об этом имени, сопряженном с приводимым у Геродота рассказом полуполюгендарного характера о восстании скифских рабов, есть упоминания и у более поздних авторов хотя его трудно связать с какими-либо археологическими данными.

Степной Крым вплоть до прибрежных гор служил, по Геродоту (IV, 20), территорией перекочевков скифов царских. В горах же, у побережья жили тавры — дикое разбойничье племя, относительно быта и религиозных обрядов которого Геродот (IV, 99) сообщает некоторые подробности, отчасти подтверждаемые Страбонам (Geogr. VII, 4, 2), причисляющим тавров к скифам (или тавроскифам, в которых он видит потомков киммерийцев) и выделяющим из них — или из других скифов, живших по соседству с Херсонесом и Боспором — «георгов», отличающихся более мягкими нравами и занимающихся земледелием (Strab., Geogr., VII, 4, 6).

С таврами связываются остатки поселений, расположенных у отрогов Яйлы и относящихся к так называемой кизилкобинской культуре, характеризующей оседлое население Крыма на рубеже II—I тыс. до н. э. и в первые столетия I тыс. до н. э., керамика которых имеет ближайшие параллели на предскифских поселениях Северного Кавказа.

С горными таврами связываются могильники каменных ящиков, сложенных из известняковых плит и представляющих собой родовые или большесемейные усыпальницы, содержащие по несколько десятков (иногда до сотни) костяков, разновременных, положенных иногда в скорченном положении, и слегка эллинизированный погребальный инвентарь (простейшие бронзовые поделки и керамику), начиная от VI в. до н. э. Подобные каменные ящики встречаются не только в горах Южного Крыма, но и на крымской равнине, близ Симферополя (Тавель)¹⁶⁴. К таврскому населению могут быть отнесены также и скорченные захоронения, обнаруживаемые на некрополях греческих городов Крыма.

Остатки таврских поселений обнаружены в горах — в гротах (Кизил-коба), на горных плато (Ай-Тодор, Кошка, Караул-оба) и на открытых местах (Инкерман, Симферополь). Поселения на горе Кошка и на Айтодорской

... скале имели оборонительные стены из необработанного камня. Поскольку в Крыму есть памятники позднекатакомбной и позднерубной культуры, неудивительно, что следы влияния этих обеих культур обнаруживаются в древнейших горизонтах таврских городищ, в частности на Симферопольском городище, и как в степи, так и в горном Крыму¹⁶⁵.

Таврские каменные ящики (или дольмены) представлены такими же формами, как и на Кавказе. Найдены дольмены, поставленные на поверхности почвы, засыпанные щебнем и окруженные менгириобразными камнями. Обнаружены целые ряды конструктивно связанных между собой ящиков, а также и захоронения на поверхности почвы в оградах из камней (кромлехов) или же в грунтовых ямах, выложенных каменными плитами, как на кавказских могильниках предскифского и скифского времени. Захоронения в таврских могильниках редко бывают единичны. Обычно в более древних ящиках — от трех до пяти костяков, в каменных же ящиках Байдарской долины, служивших коллективными усыпальницами от V в. до н. э. и вплоть до римского времени, заключены десятки костяков (до 70). Несмотря на значительное влияние скифской степной культуры, заметное в таврских комплексах VI—II вв. до н. э. (по керамике, оружию, украшениям, иногда также и конской сбруе), общий облик таврской культуры (особенно погребальной архитектуры, керамики и бронзовых изделий) заставляет настаивать на ее значительном родстве с культурами Прикавказья, в частности Прикубанья. Многие керамические формы — и прежде всего сосуды с петельчатыми ручками — находят себе параллели на городищах Приднепровья и далее к западу, в Северной Фракии.

Жившее скотоводством и грабежом таврское население горного Крыма, вероятно, фактически сохраняло патриархально-родовой уклад, оставаясь в значительной мере в стороне от событий, сопровождавших борьбу между Боспором и крымскими скифами, в эллинистическое время создавшими свое царство. Связи горцев с греческими эллинами также не могли быть особенно эффективны, судя по очень небольшому количеству античных вещей в тавр-

¹⁶⁵ Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965, с. 35.

ских могилах. В них господствует относительная бедность и равенство положения.

В позднеэллинистическое время все степное таврское население следует считать находившимся в каких-то отношениях со степными племенами и в подчинении владетелям скифского царства. Племя тавров, однако, довольно сильно дифференцировалось в позднеэллинистическую эпоху. Страбон, как уже указывалось, выделяет из них земледельцев (Γεωργοί — Geogr., VII, 4, 6), а херсонесская керамическая эпиграфика знает амфорные клейма с легендами Σκυθικόν и Ταυρικόν на сосудах, предназначенных, видимо (па продажу или скорее в виде дани), неким носителям этих имен, обладавшим относительно Херсонеса примерно теми же правами, какими пользовались «царские» и иные владетельные скифы в отношении греческих колоний берегов Черного моря вообще.

Ими тавры (Таοροί) возможное как самонаименование и некоторой этнической общности, подтверждено в боспорской эпиграфике метрической надписью VB. ДОН. э.¹⁶⁶, не ТОЛЬКО удостоверяющей правильность данных Геродота о крымских таврах, но и подтверждающей, что уже в ту, сравнительно отдаленную, эпоху представители местного населения смешивались с греками и носили чисто греческие имена. На рубеже н. э. боспорская эпиграфика знает в Крыму оба этнонима (тавры и скифы)¹⁶⁷, различая их не только этнически, но и политически. В еще более позднее время надпись из Фанагории¹⁶⁸ (III в. н. э.) называет тавроскифов — наименование, символизирующее известное объединение (по крайней мере для боспорских правителей) таврских и скифских племен Крыма.

Не исключено, что легенда о лестригонах, заимствованная (Od., X, 80 sq) из эпоса об аргонавтах, имела в виду разбойничьи приемы тавров и особенности топографии Балаклавской бухты. Если признать, вместе с Л. Германом (PWRE, Нв. 9, Sp. 22 I, s. v. Ταυροί), что отнесение этого эпизода к Кизику и его связь с источником Артакией является обстоятельством более поздним,

¹⁶⁶ КВН. Л., 1965, № 114, с. 112 и сл.: О могиле этого Тихона, родом тавра, см.: МИА, 1951 вып. 19, с. 67, где речь идет о грунтовой могиле с окрашенным костяком.

¹⁶⁷ IOSPE, II № 36: ὕλοταξάντα Σκυθᾶσκαί Ταυροῦς.

¹⁶⁸ КВН, № 1008, с. 578.

Балаклавская бухта представляет собой в Восточном Средиземноморье единственный реальный образец для гомеровского описания бухты лестригонов, как на это указывал в свое время еще К. М. Бер¹⁶⁹.

К числу западноскифских племен следует присоединить и амадоков ('Αμαδοκοί), ранее всего засвидетельствованных Геллаником (St. Byz., s. v.), который называет их область 'Αμαδοκίον. Она располагалась некогда, видимо, между Днепром и Северским Донцом, судя по локализации на древних картах к Географии Птолема амадокских топонимов (Ptolem., Geogr., III, 5, 5 sq.: 'Αμαδοκία ὄρη, 'Αμαδοκία λίμνη и пункта 'Αμαδοκία, помещенного у самого Днепра, как полагает В. Томашек (PWRE, I, 1894, Sp. 1712 I.) — на месте Кировограда.

Отсутствие имени амадоков у Геродота заставило К. Мюлленгофа¹⁷⁰ и В. Томашека признать его скифской основой греческого имени андрофагов, называемых и локализуемых Геродотом к востоку от невров. Хотя имя амадоков отсутствует у Геродота, оно, видимо, широко бытовало в V в. до н. э. и позже, поскольку гиперборейский герой Амадок (Paus., I, 4, 4) был почитаем в Дельфах и ему, совместно с другим гипербореем — Гиперохом и сыном Ахилла — Пирром, приписывалось избавление дельфийского храма от нашествия галатов в 278 г. до н. э. Как бы то ни было, следует предположить достаточно раннее (в VII—VI вв. до н. э.) проникновение хотя бы части племени амадоков к рубежам Фракии и их соединение с одризами, потому что среди их царей в V и IV вв. до н. э. дважды засвидетельствованы носители этого имени (Амадок I и II).

С другой стороны, древнеиндийское amadaka, прилагавшееся к чуждым и диким племенам, позволяет заподозрить в нем этимологизацию амадоков или какого-либо близкого ему скифского имени, бытовавшего в заяксартской Скифии вместе с даями и позднее перенесенного далеко на запад. Промежуточными инстанциями в общем ареале распространения этого имени являются, вероятно, Плиниевы Imaduchi, Imadochi (Plin., NH, VI, 21) на Се-

¹⁶⁹ Baer K. Reden und Aufsätze, Bd 3. Spb., 1873, S. 13 f.; Idem. Homerische Lokalitäten in der Odyssee. Braunsch., 1878, S. 4 f.

¹⁷⁰ Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde, Bd 3. Berlin, 1892, I. 31.

верном Кавказе и Птоlemeевы *Μαδόκκι* (Ptolem., Geogr. V, 8, 10), локализованные на севере Азиатской Сарматии.

Но вернемся к царям, носившим имя Амадок. В какую реальную связь оно должно быть поставлено со скифским племенем амадоков, в равной мере пока еще не поддается объяснению, как и тот факт, что на боспорском престоле почти на всем протяжении истории Боспорского царства фигурировали носители фракийских имен: Перисад, *Κοτίς*, *Ρεσκούπορις*, Ремиталк, Комосария и др.

Наименование Старая Скифия, прилагаемое Геродотом (IV, 99) к пространству от Каркинитского залива до р. Истр, заимствовано им из какого-то источника или не подозревающего о том, что скифы пришли из Азии и распространились к западу, или прилагающего это имя к более ранним пришельцам. Ведь согласно версии, приводящей скифов из Азии, Старая Скифия никак не могла бы оказаться там, куда скифы пришли в последнюю очередь. Очевидно, представление о *придунайских* местах как о Старой Скифии возникло в умах людей, причислявших и некоторые *киммерийско-фракийские* племена к скифам, жившим на Дунае еще до той скифской войны, которую имеет в виду Геродот, связывающий с неким могильником у р. Тиры предание о столкновении «царских» киммерийцев (киммерийских царей) с представителями племени, не желавшего оказывать сопротивление скифам (Herod., IV, 11).

Старую Скифию населяли *гетские* племена. Ближайшими соседями скифов были тигереты — племя, жившее на Тире (Днестере), в районе одноименного греческого эмпория — милетской колонии, — от нее, быть может, и получившее свое имя. Впрочем, мы узнаем из Страбона, что выше устья Тиры лежат друг против друга города Никоний и Офиусса. Именно последний, видимо, соответственно прямому пониманию страбонова текста, назывался городом, т. е. Тирой (ср.: *Diel E.: PWRE, Zw. R., 14 Nб., 1948, Sp. 1852*).

Не было бы ничего удивительного, в свете изложенных ранее данных о перенесении *прикубанской* топо- и гидронимии к местностям близ устья р. Борисфена, — если бы оказалось, что наименование р. Тиры также было перенесено с Кубани, где мы находим Тирамбу (*Τυραμβη*—Strab., Geogr., XI, 2, 4), в качестве имени города на Кубани (Антикито) и племя тирамбов (*Τυραμβαι*—Ptolem., Geogr.,

V, 8, 17). Небезынтересно, что у Птолемея тирегеты фигурируют как **тирангеты**, что значительно сближает это и наименование с именем тиамбов. Об этой близости, помимо сходства данных наименований, может косвенным образом свидетельствовать Геродотово указание (IV, 52) на сближение устья р. Тиры и русла р. **Гипаниса** у земли алазонов. Современная карта убеждает в том, что течения Южного Буга и Днестра сближаются лишь весьма **незначительно** в их верховьях, что, вероятно, не могло **лучить** отражения в древних описаниях, в особенности на **картах**. Допустимо, что Геродот и в этом случае пользуется **данными**, относящимися к **Гипанису-Кубани** и какой-то **другой** реке (Тиамбе?), которую он отождествляет с **Тирой-Днестром**. На это указывает, наверно, и упомянутая **выше** легенда о могиле киммерийских царей, находящейся **при** р. Тире, которая, по словам Геродота (IV, 11), **хорошо** видна была в его время. Подобную легенду могло **породить** лишь наличие больших **курганов**, каких немало [на Кубани, но вовсе нет на Днестре.

Уже Т. Мюллер в примечаниях к фрагментам Гекатея (FHG, I, p. 1 sq) сопоставлял упоминаемых Гекатеем **миргетов** (фр. 155) с тирегетами других авторов¹⁷¹. Гекатей помещал миргетов в Европе, что, конечно, не исключает их прикавказской или даже закаспийской локализации, поскольку гекатеева Европа простиралась до **Танаиса-Яксарта** и все скифские племена оказывались, таким образом, в Европе.

С другой стороны, нельзя не сопоставить с **наименованием** тирегетов еще и такие легендарные личные имена, известные из Геродота и Поллена, как имя родоначальника скифов и первого скифского царя Таргитая и **меотской** царицы Тиргатао. Нас не должно удивлять, что имя **родоначальника** всех скифских племен связывается с таким локальным наименованием, как тирегеты. Во-первых, имена сыновей Таргитая тоже сопоставимы с некоторыми **кавказскими** и североиранскими: племенными и личными именами. Прежде всего, Колаксай вряд ли может быть

¹⁷¹ Тирегетов, отчетливо показываемых у Днестра Страбоном на другими поздними **авторами**, не знает Геродот, у которого место их обитания остается не занятым никем, если только тирегеты не скрываются у него под **именем** "Ελληνες Τυρίται (IV, 51). Предположение об идентичности тирегетов и гекатеевых миргетов подерживает и К. Müllenhoff (Op. cit., S. 29).

ототзван от племенных наименований колы, колхи и в особенности кораксы (равно как и племенное имя «сколоты», которое по Геродоту, является общескифским, звучит весьма близко названным кавказским племенным именам). Что касается меотянки Тиргатао, жены синдского царя Гекатея то бытование этого имени в Приазовье почти раз свидетельствует в пользу предположения о перенесении наименования тирегетов к Днестру из прикубанских мест.

Соседями тирегетов с запада были агафирсы - племя, которое Геродот, определяя его местожительство по Нижнему Дунаю (IV, 100), по берегам Мароша (IV, 49), не считает скифским, наделяя его, однако, не только скифскими бытовыми чертами, но и скифскими личными именами: Спаргапейт, Σπαργαπειθης — царское имя у скифов (Herod., IV, 76), а также у агафирсов (IV, 78). Сходное

имя есть у массагетов: Спаргапис, Σπαργαπισης (Herod., I 211). Это должно подтвердить некоторую этническую общность готского мира со скифо-массагетским.

Стефан Византийский (без указания источника) сообщает, что агафирсами греки называли племя травсов (Τραύσι)¹⁷² Это последнее имя, вероятно, должно быть сопоставлено с геродотовыми траспиями - именем одного из трех основных скифских племен, фигурирующих в легенде о происхождении скифов (Herod., IV, 10), как, впрочем, и самое имя Афагирс, в виде личного имени одного из сыновей Геракла — Таргитая.

С агафирсами связывается значительный археологический материал скифского времени, происходящий из поселений и древних некрополей Семиградья (Трансильвании). При этом необходимо различать доскифский и скифский периоды. К первому относятся находки эпохи поздней бронзы и времени, переходного к эпохе железа, свидетельствующие о развитой культуре, распространившейся, в частности, к востоку от Днестра, формы орудий

¹⁷² Steph. Byz., s. v.: «племя травсов, которых эллины называют агафирсами».

На основании этого В. Томашек (PWRE, Halbb. I, 1894, Sp. 764 f) считает имя агафирсов понтийско-скифским наименованием фракийского племени травсов. Имя агафирсов звучит, может быть, и в aiwistara, упомянутом в Авесте (Вендидад, I. 10) в числе созданий злого демона Ангра Манью, символизирующего кочевнический мир (Wikander S. Vayu. Lund, 1941, vol. 1, p. 204).

I (преимущественно бронзовых кельтов) и украшений раннегалльштатского облика. С другой стороны, в бассейне Магдальштадта известно большое число находок, связанных с кельтским бытом (предметы конского убора, в особенности узды, костяные наконечники стрел, бронзовые кинжалы и другие предметы вооружения), формы которых (если не самые изделия), несомненно, были занесены из Причерноморья, с Кавказа, а также из областей, лежащих далее к востоку. К этой же эпохе относится известный клад золотых топоров, опять-таки близких северокавказским (кобанским) и прикубанским (вислообушным), — клад, который (на основании древних свидетельств о добыче золота в земле агафирсов) также непосредственно связывается с культурой этого племени ¹⁷³.

Для скифского периода территория агафирсов представляет большое количество материала, происходящего из курганных некрополей или из грунтовых могильников, содержащих трупосождения и труположения, иногда по обряду, близкому к погребальным обычаям причерноморских скифов. Отмечается полное отсутствие греческого импорта, как и прямого влияния греческого ремесла и искусства. В этом отношении агафирсы более всего напоминают в культурном смысле те скифские племена Прикаспия и Поволжья, с которыми их связывают ономастические параллели. Курганы тиссагетов Поволжья (или, как

¹⁷³ Albright W. F. *The Danube in the Praehistory*. Oxford, 1929, p. 388. Распространение западных форм металлических и керамических изделий на восток от Днестра и Днепра, воспринимаемое как влияние галльштатской (комаровской, голиградской) и других западных культур, прослеживается и в искусстве по орнаментике типа украшений на предметах Михалковского клада. Весьма любопытным памятником подобного проникновения культурных элементов с запада далеко на восток, относящегося, вероятно, еще к киммерийской эпохе, является серебряный сосуд (в обломках), найденный в кургане у с. Мاستюгино Воронежской области. Сосуд имеет на себе схематизированное изображение человеческого лица, обрамленное рядами заштрихованных треугольников. А. П. Манцевич (*Серебряный сосуд Мاستюгинского кургана*. — *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*), 1958, № 9, p. 315 sq) связывает его происхождение с северофракийскими металлургическими центрами, в частности с металлургией и торевтикой агафирсов, но крайней мере потому, что изображенное на сосуде лицо украшено татуировкой. А. П. Манцевич датирует этот сосуд VII — VI в. до н. э. и рассматривает его как доказательство доскифских культурных связей лесостепных областей Северочерноморской Скифии с Придунайским бассейном.

считают исследовавшие их археологи, — савроматов), родственных, возможно, через тирсагетов и агафирсам, имеют во многих случаях аналогии трансильванским захоронениям скифской эпохи (вплоть до диагонального положения костяков), скифскому оружию, найденному в захоронениях или случайным порядком, и предметам скифского звериного стиля, лишенного греческого влияния.

Необходимо к тому же иметь в виду, что среди понтийских греков VI—V вв. до н. э. имя агафирсов символизировало близко родственную скифам гето-фракийскую среду, так же как имя гелонов — среду скифо-кавказскую. В греко-понтийском варианте легенды о происхождении скифов Агафирс и Гелон — братья Скифа и сыновья Геракла от местного женского божества плодородия.

Агафирсов окружали с юга и запада гето-скифские племена, занимавшие обширные территории к северу от нижнего и среднего течения Дуная, а также между Дунаем и Балканским хребтом, отделявшим их от собственно фракийского мира. Западные геты, жившие по берегам Тиссы, именовались еще и даями (даками) — имя это было воспринято западными соседями гетов, проникло в Италию и усвоено было римлянами. В глубокой древности оно, видимо, находилось в таком же соотношении с именем гетов, как имена массагетов и даев между собой в Закаспийской Скифии.

В культурном отношении геты представляли определенное единство, не меньшее, чем восточные скифы. Геродот и более поздние авторы говорят об их общем языке, одинаковых и близких к скифским обычаях и общих всем гетам религиозных верований. Лишь наличие двух различных имен главного божества гетов — Зальмоксис и Гебелейзис (Herod., IV, 94), — из которых второе звучит, быть может, на кельтский лад, позволяет догадываться о гетерогенности их этнического состава. У гетов, живших к северу от Дуная, более определенно выражены скифские черты их культуры, а связи их с причерноморско-кавказским миром, как было показано, прослеживаются с предскифских времен. У гетов, живших между Дунаем и Балканским хребтом, скифский элемент ощущается несравненно слабее, но вследствие близости западнопонтийских греческих городов и македонской культуры они значительно больше подверглись греческому влиянию, и на их территории нередки находки греческой погребальной

архитектуры, керамики, металлической посуды и укра-

й¹⁷⁴

Истрианы (*Ἰστριανοί*), племенное имя, сообщаемое источниками в связи с военными предприятиями македонян в области Нижнего Дуная и с войнами царя Атея против трибаллов (*Just.*, I—, 2, 1 sq; *Oros.*, III, 13, 5), — вероятнее всего, то же геты, распространившиеся по обоим берегам Нижнего Истра или вокруг города Истрии (в Добрудже)¹⁷⁵. Если южнее кробизов, живших между Дунаем и Одессом, гетское проникновение имело место лишь спорадически, все-таки племенные имена — меды, дии (даи) и сатры — говорят о гетском этническом элементе у северных берегов Эгеиды (нельзя не напомнить при этом об отмеченном уже наличии племенного имени саев и на о. Самофрака).

Факт более или менее длительного пребывания скифов еще далее к западу в Задунавье документируется могильником VI в. до н. э. в Хотине (Словакия), с конским захоронением и рядом предметов скифского военного обихода в числе могильных приношений. Быть может, еще более показательное «княжеское» захоронение в пещере Бычьей скалы у Адамова (близ Брно, Чехия). Открытое в 70-х гг. прошлого века и поэтому совершенно недостаточно изученное, захоронение это являло картину удиви-

¹⁷⁴ На левом берегу Кучурганского лимана (у с. Граденицы) обнаружены остатки скифского характера на поселениях VI — V вв. до н. э., связываемые А. И. Мелюковой (Исследования гетских памятников в степном Подпестровье. — *КСИА*, 1963, № 94, 64 и сл.) с древнегетской культурой. У с. Ханска Котовского района МССР открыты поселения IV — II вв. до н. э., содержащие находки гетско-скифского характера и связанные с курганными nekрополями, содержащими скифские погребения.

¹⁷⁵ Убедительным свидетельством проникновения скифов на Нижний Дунай уже в VI в. до н. э. являются материалы, полученные раскопками курганов на nekрополе Истрии. В трех курганах (XII, XVI, XIX) под насыпями, на горизонте, оказались кострища, а вокруг них — или, как в кургане XII, по сторонам от него во рвах — лежали в беспорядке человеческие и конские скелеты. В кургане XII насчитывалось до 35 человеческих скелетов, перемешанных с конскими и ослиными костями. В кургане XIX найдено скифское бронзовое зеркало. Фрагментами греческой керамики захоронение это датируется VI в. до н. э. (*Alexandresko P. Les rapports entre indigènes et grecs à la lumière des fouilles de la necropole d'Histria. Le Rayonnement des civilisations grecque et romaine sur les cultures périphériques* (VIII Congrès Internationale d'archéologie classique. Paris, 1963). P., 1965, p. 336).

тельного смешения скифских и раннекельтских погребальных обрядов. В пещере, служившей до использования ее в качестве погребальной камеры кузницей (судя по находке молотов, наковален и железных криц), на каменной вымостке был найден мужской скелет рядом со скелетом вепря. Поблизости, на каменной плите, лежали кости двух обрубленных женских рук, с бронзовыми браслетами и золотыми перстнями, а также часть рассеченного черепа. Вокруг, в беспорядке, лежало более 40 изуродованных, главным образом женских, скелетов, с отсеченными руками, головами или ногами. На некоторых сохранились золотые, янтарные и бронзовые украшения. Сохранились остатки полусожженной, окованной железом повозки и скелеты двух лошадей, с обрубленными ногами и головами. Среди сосудов с остатками пищи найдена чаша, изготовленная из человеческого черепа. Характер изделий из металла заставляет отнести это захоронение к раннегаллштатскому времени¹⁷⁶. Жестокость и, видимо, нарочитая беспорядочность погребального ритуала в пещере Бычьей скалы вынуждает сопоставить его с картиной, виденной при раскопках курганов на некрополе Истрии.

Следует думать, что имя треров обнимало собой гетто-кimmerийские элементы, что делает понятным отождествление их с киммерийцами у греческих авторов, засвидетельствованное неким ионийским источником Страбона (Geogr., I, 3, 2), и уместным имя их вождя Коба, связывающееся с именем племени костобоков — одного из наиболее удаленных к северу гетских племен.

Одно из крупнейших гетских племен, известное еще и Геродоту (IV, 49), судя по имеющемуся у него наименованию р. Карпиды, притока Истра — карпы или карпо-даки (имя их сохраняется и поныне в наименовании Карпат), располагалось в соседстве тирететов.

Фракийские же саи, проникновение которых глубоко в Эгеиду свидетельствуется переданной Диодором (V, 47 sq) легендой, представляющей саев в качестве союзников троянцев, вероятнее всего, связаны с причерноморскими саями ольвийского декрета в честь Протогена

¹⁷⁶ История Чехословакии, т. I Под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М., 1956, с. 26 и сл. Изображение бронзовой фигурки быка из пещеры Бычьей скалы см. в кн.: Husu V. Dejiny Ceskoslovenska. Praha, 1964.

(IOSPE, I², 16), которые, в свою очередь, как было показано выше, обнаруживают связи с прикаспийским сакским миром.

Если с древнейшей гето-фракийской племенной средой связываются археологические находки, относящиеся к культуре и эпохе раннего галыитата, то для скифского периода к югу от Дуная должен быть отмечен ряд могильных сооружений, принадлежавших преимущественно эллинизированной фрако-гетской аристократии. Речь идет о подкурганых каменных склепах в Дуванли, недалеко от Пловдива. В тех же местах известны могилы в Брезове и [в Панагюриште, Бедняково (Чирпинского р-на) и Радувене (Ловеч). Могилы наполнены греческими вещами (иногда вещи малоазиатского облика, иногда их можно соотносить с припоитийскими центрами, найти параллели в Северном Причерноморье, но в большинстве случаев оставаясь в границах западногреческих образцов). Скифский материал могильников (особенно из Бедняково, где представлены в большом числе бронзовые украшения конского убора со звериными изображениями), хорошо сопоставляется с широко засвидетельствованными в курганах Киевской и Полтавской областей вещами¹⁷⁷. При сходстве погребальной архитектуры и сильно эллинизованного похоронного обряда дуванлийских и панагюришских могил со склепами Керченского и Таманского полуострова, скифский материал (он в массе не древнее IV в. до н. э.) настойчиво указывает на связи со Средним Поднепровьем, откуда, быть может, он был занесен во Фракию во время длительной скифской экспансии в юго-западном направлении, осуществлявшейся в царствование Атея¹⁷⁸.

Более ранние проникновения скифов (и предскифских племен) Причерноморья на Балканский полуостров, отмеченные в древней литературе, пока что не получили до-

¹⁷⁷ Rostowzew M. *Skythien und der Bosphorus*, Bd 1. Berlin, 1931, S. 149.

¹⁷⁸ Широту и настойчивый характер скифской экспансии в западном направлении подтверждает неслучайный характер находки в Феттерсфельде, подкрепляющей кроме того находками на Нибкнем Вейкселе, — в местности Торн, близ лежащего на правом берегу Вейкселя древнего укрепления, — скифских наконечников стрел при скелетах павших скифов, захороненных вместе с их лошадьми (Potratz J. A. H. *Die Skythen in Südrussland*. Basel, 1963, S. 149).

статочной археологической документации. Однако красноречивым свидетельством переднеазиатских культурных контактов Нижнего Придунавья в скифское время являются серебряные кубки (в виде двух соединенных вершинами усеченных конусов), один из которых найден в кургане в Ажигиоле (Добруджа), а другой извлечен из Дуная близ его устья. На них — изображения фантастических животных в зверином стиле, напоминающие отчасти находку в Гарчиново. Но наиболее близки к ним два золотых кубка аналогичной формы и стиля изображений: на одном крылатые кони, вызывающие в памяти известные лурдистанские удила с фигурными псалиями, а на другом — орлиные грифоны и крылатые быки, подобные нимрудским и персепольским. Кубки эти найдены в Марлыке (Северный Иран)¹⁷⁹.

В V в. до н. э. гетские племена находились в сфере политической активности царства одризов, которое усиливалось отчасти за счет использования гетской военной помощи. Позднее, когда царство это под влиянием роста македонского могущества пришло в упадок, геты попали в сферу политического влияния стремившихся к Эгейскому морю скифов, так что восточногетские племена оказались в границах царства Атея.

В это же самое время с запада на гетские территории распространились трибаллы — племена (как на то указывает самое их наименование) древпеиллирийского происхождения, во многом культурно-родственные приальпийским и североиталийским народам. Во времена Геродота трибаллы жили еще далеко на западе по р. Ангру и у ее впадения в р. Бронг (т. е. по Ибару и у его впадения в Мораву). Столетие спустя мы узнаем о их столкновениях со скифами¹⁸⁰, проникавшими столь далеко на юго-запад и на северо-запад лишь в периоды кратковременных набегов.

¹⁷⁹ Mostafari M. T. Une source nouvelle sur l'origine des arts mède et achemenide. Le Rayonnements des civilisations grecque et romaine sur les cultures peripheriques (VIII Congrès International d'archeologie classique. Paris, 1963). P., 1965, p. 591.

¹⁸⁰ Однако известно, что трибаллы жили во времена Александра Македонского вплоть до устья р. Истр (Arr., Anab., I, 2, 2). Позднее часть трибаллов обитала в пещерах на р. Истре и именовалась троглодитами (Strab., Geogr., VII, 3, 13; 5, 12; Plin., NH, IV, 12; Ptolem, Geogr., III, 10, 9).

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ СКИФСКИХ ПЛЕМЕН

Традиционные данные по истории скифов содержат все те сложности, какими сопровождается изучение истории обществ, находившихся под прямым политическим и экономическим воздействием классических рабовладельческих государств древнего мира, развитие культуры которых шло, однако, своим собственным путем, во многом отличным от исторического пути античных и других рабовладельческих метрополий.

Сложность изучения социальной структуры скифского общества отчасти коренится и в том, что письменные источники для истории скифов создавались в иной по социальной структуре и по бытовым условиям среде греческих полисов, а для азиатских скифов — преимущественно китайских, но также иранских и индийских общин. Это не могло не приводить к перенесению на скифов привычных для греков, китайцев и иранцев социальных представлений и тем самым к некоторому искажению реальности, которое не всегда бывает легко установить с первого взгляда. Вдобавок древнегреческие исторические и этнографические сведения о скифах (как иранские — культовые и легендарные, китайские — художественные, мемуарные, хроникальные данные о центральноазиатских кочевнических племенах) сложны по своему происхождению и основываются не только на личных впечатлениях древних писателей, полученных ими якобы при соприкосновении с племенами Восточной Европы и Северной Азии, а в значительной мере на смутных и некритических представлениях греческих черноморских колонистов, иранских и китайских функционеров, приходивших в непосредственное общение с приднепровскими, закаспийскими и среднеазиатскими скифами.

Сказанное относится не только к Авесте и к поэтическим и анналистическим китайским источникам, не только к древнегреческим эпическим, географическим и мифологическим сочинениям, трактующим о скифах, саках и гуннах, но (и не в последнюю очередь) к одному из самых древних из сохранившихся целиком и наиболее полно характеризующих скифский быт сочинений — к «Скифскому рассказу» Геродота.

Установление и устранение разного рода неправомерностей и ошибок, содержащихся в древних письменных источниках, становится возможным через их взаимное сопоставление и посредством некоторого контроля, осуществляемого с привлечением археологических и этнографических данных. Археологические материалы, как можно было удостовериться, представляют убедительные иллюстрации к сведениям, почерпнутым из древних описаний, и позволяют проследивать пути материальной и социальной эволюции на протяжении длительных периодов, начиная от этапов гораздо более древних, чем это дают возможность сделать письменные источники, ведь освещение в них социальных аспектов исторических явлений отнюдь не может быть названо последовательным и, отчетливым (с точки зрения теперешних требований).

Первые проблески скифской культуры отмечаются в те времена, когда евразийские кочевники и связанные с ними оседлые культуры оказываются на пороге возникновения классового общества и зачаточной государственности. Признаки же социального неравенства появляются впервые отчетливо гораздо раньше: в эпоху ранней бронзы. Так, для погребальных памятников майкопской, фатьяновской, ямной и афанасьевской культур характерны погребальные комплексы с принудительными (большой частью женскими) захоронениями в мужских могилах — родовых старейшин и племенных вождей (иногда матрон и жриц) — с более богатым инвентарем.

Единственным в этом роде — по богатству и художественным достоинствам могильных приношений — является тройное захоронение Большого Майкопского кургана, свидетельствующее о широком объединении племен майкопской культуры под властью кочевнического вождя¹, имев-

¹ А. А. Формозов (Каменный век и энеолит Прикубанья, М., 1965, с. 151 и сл.) считает вождей, захороненных в больших мал-

шего интенсивные связи с Месопотамией" и малоазийским дохеттским миром, с ареалом куро-аракской культуры, а также с культурами северочерноморских степей. Известная близость майкопского социального уклада к скифскому объясняет, быть может, и то, что погребальный обряд больших майкопских курганов во многих отношениях предвосхищает обряд царских скифских захоронений (не менее, чем курганы в Триалети, в Лчашенах, царские гробницы Ура и Аньяна), подобно тому, как некоторые элементы скифского погребального обряда прослеживаются уже в ямных и афанасьевских захоронениях.

• Изучение андроновских, карасукских, катакомбных и срубных погребальных памятников позволяет проследить становление скифского кочевого быта: все большее использование в хозяйстве и в культуре лошади в качестве тягловой силы и для верховой езды, выработку форм наиболее подходящего для конного воина вооружения и упряжи, украшение этой упряжи, оружия и бытовых предметов в свойственном кочевнической идеологии зверином стиле. Знакомство с этой эволюцией кочевнического быта, принявшего в первые столетия I тыс. до н. э. определенные формы на обширной территории, позволяет лучше

конских курганах, оседлыми правителями племени или племен майкопской культуры, занимавшей определенную, и при этом небольшую, территорию. Эта примитивная и бедная культура (если говорить не о курганах Майкопа и станицы Новособорной, а о памятниках типа поселений Мешоко, Ясенова Поляна, Гуфанго, Долинского поселения и др.) не могла создать захоронений с таким обилием изделий из бронзы и драгоценных металлов, свидетельствующих о высокой и разнообразной культуре владетельного майкопского племени, обладавшего весьма широкими связями. Подобные материальные и культурные ценности вряд ли могли быть приобретены жителями Северного Кавказа на рубеже III — II тыс. без грабительских рейдов в высококультурные страны Ближнего Востока и без господства над оседлыми земледельческо-пастушескими племенами Причерноморья и Закавказья (Иессен А. А. К хронологии больших кубанских курганов. — СА, 1950, № 12, с. 193 и сл. Ср.: Tallgren A. M. Dolmens of Norts Caucasia. — «Antiquity», 1933, vol. 7, № 26, p. 190 f.). Кочевое скотоводство Кочевой быт конных дружин, предпринимавших значительные Рейды с грабительскими целями, возникли из пастушеско-земледельческого хозяйства и быта, тогда как оседлое земледелие возникло на основе искусственного орошения (на Востоке) и подсечного земледелия (на Западе), появившихся кое-где в эпоху бронзы (Грязнов М. П. Истории Киргизии, т. 1. Фрунзе, 1963, с. 55 и сл.).

осмыслить древние письменные данные (в частности, **III** счисления Геродота и других близких по времени авторов), содержащие ряд социальных и политических **характеристик**, нередко остающихся непонятными без соответствующего археологического или **историко-этнографического** комментария.

Над таким комментарием наука работала **протяже**нии более чем столетия, совершенствуя критику древних текстов и расширяя круг привлекаемого для сопоставлений материала. А. С. **Лаппо-Данилевский**² — передовой для своего времени ученый, пользовавшийся для своих выводов не только историческими и археологическими источниками, но и некоторыми данными этнографии и социологии, — усмотрел в родовой организации скифского царства нечто близкое общественному устройству экзотических племен, живших в **XVIII—XIX** столетиях в условиях родового быта, с одной стороны, и тюрко-монгольских азиатских племен, с другой. Он в значительной мере предрекал пути, по которым производились в **дальнейшем** исследования социальной истории скифов.

Накопление и изучение скифских археологических памятников позволило позднее М. И. **Ростовцеву**³ увидеть у скифов и сарматов элементы организации, подобной кочевническим обществам эпохи феодализма, и **сравнить** скифское царство времен Геродота с существовавшим полторы тысячи лет спустя хазарским каганатом и золотоордынским **ханством**⁴. Для него был ясен многоплеменный состав скифского царства, которое включало берега Черного моря с греческими **колониями**, земледельческие районы Придунавья, Приднепровья и **Прикубанья**, районы киевской и полтавской лесостепи. Хозяйственная основа скифской державы, по мнению Ростовцева, — преимущественно земледелие и скотоводство. Земледельцы находились в зависимости у кочевников и платили им **дань** оброк, а за скотом ходили рабы и крепостные. Весь строй скифской державы был, по всей вероятности, не централизованным, основанным на системе чиновничества, а **военно-феодальным**, со сравнительно далеко идущей само-

² **Лаппо-Данилевский** А. С. Скифские древности. Спб., 1887.

³ **Ростовцев** М. И. **Эллинизм** и пранство на юге России. Пг., 1918.

⁴ Там же, с. 38.

стоятельностью отдельных районов. У скифской державы, однако, существовал определенный центр — царская ставка, представлявшая собой укрепленный лагерь, около которого группировалась многочисленная и сильная конная дружина ⁵.

Если оставить в стороне терминологию — Ростовцев употребляет выражение «феодальный» применительно к строю, который с большими основаниями может быть назван патриархально-рабовладельческим, — нарисованная им картина скифского мира во многих отношениях должна быть признана совершенно правильной и предвосхищающей последующие обобщения. Правда, Ростовцев противопоставляет «фрако-киммерийцев» и «ирано-скифов» (не • опуская к тому же этнической преемственности между ними), глубоко проникнутых месопотамской культурой, ахеменидскому Ирану, тогда как в действительности не только чисто скифские политические образования, но и Боспорское царство (скифо-греческое по своему составу) представляло собой в некоторой мере сколок ахеменидского Ирана — в культурном и социально-политическом отношении. Эта связь с периферийными культурами — преимущественно с иранской, китайской и греческой — и господство скифской владетельной аристократии над другими скифскими и инородными племенами были для Ростовцева много яснее, чем для некоторых новейших исследователей (например, М. И. Артамонова, Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова), ограничивающих понятие Скифии достаточно узкими географическими (от Днестра до Дона) и этническими (часть ираноязычных племен) рамками.

Построения М. И. Ростовцева были отвергнуты, как ненаучные, советскими историками 30-х гг., впервые подошедшими к проблеме социального строя скифского общества с точки зрения марксистского учения об общественных формациях. А. С. Семенов-Зусер и В. И. Равдоникас ⁶, как бы возвращаясь к воззрениям Лаппо-Данилевского, констатировали патриархальный характер скифско-

⁵ Ростовцев М. И. Элиństwo и иранство на Юге России, с. 40 и сл.

⁶ Семенов-Зусер А. С. Родовая организация скифов Геродота. — ИГАИМК, Л., 1931, вып. 9; Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. — В кн.: Готский сборник. Л., 1932, с. 62 и сл. (ИГАИМК, вып. 12).

го рабовладения и племенную организацию скифского царства, с вождем племени царских скифов во главе, опиравшимся на дружину конных воинов. Если Семенов-Зусер, основываясь главным образом на письменных и этнографических данных, настаивал на патриархально-родовом характере скифского общественного строя, охваченного разложением в среде скифской аристократии, и в общем отрицал значение рабского труда в кочевническом хозяйстве, оставляя в стороне вопрос о социальном устройстве скифов-земледельцев, которое он полагал достаточно развитым, то В. И. Равдоникас показывал (преимущественно на основании анализа археологических материалов из южнорусских скифских курганов и городищ), что причерноморские скифы находились на стадии военной демократии, т. е. пребывали на грани классового общества и государственности, но грань эту преодолели лишь в так называемую «сарматскую» эпоху.

В. И. Равдоникас, следуя за Н. Я. Марром, констатировал наличие «скифской» и «сарматской» стадий в истории причерноморского общества (лишая эти термины их культурно-этнического значения; обеим стадиям, по его классификации, предшествовала «кимерская» стадия, под которой он разумел эпоху бронзы в Причерноморье), характеризующих именно кочевническим бытом племен, организованных в союзы под властью военных племенных дружин, подчиненных наследственным вождям-царям.

Концепция Семенова-Зусера — Равдоникаса⁷, таким образом, оставляла в тени письменные и археологические свидетельства о довольно широком рабовладении у скифов. Акцентируя эти сведения (и прежде всего сообщения Геродота об ослеплении скифами-кочевниками своих рабов), А. П. Смирнов⁸ выступил с работой, констатирующей у скифов элементы классового расслоения

⁷ В. И. Равдоникас пытался отрицать научное значение работы А. С. Семенова-Зусера. Многие из его выводов он относил совершенно неправомерно к Ляпко-Данилевскому, в действительности лишь весьма суммарно наметившему некоторые общие вехи скифского социального развития, в то время как его собственное построение базируется большей частью как раз на наблюдениях Семенова-Зусера, много почерпнувшего из сравнительно-этнографических данных.

⁸ Смирнов А. П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1934.

рабовладельческой государственности. Он основывался, одной стороны, на данных о жестоких формах скифского рабовладения, несовместимых, по его мнению, с патриархально-родовыми порядками, с другой — на фактах, свидетельствующих о резком имущественном неравенстве в скифов и о наличии у них товарного хозяйства⁹. Все это и приводило его к мнению о классовом характере скифского общества.

Признание некоторых элементов государственности в поздних (прежде всего крымских) скифов, основанной эксплуатации чужеродных племен, содержится в работах М. И. Артамонова¹⁰, подчеркивавшего все же патриархально-племенную организацию скифского общества, в рамках которой, по его мнению, может быть понято (достаточно для него отчетливое) скифское рабовладение. М. И. Артамонов указывал также на непрочность скифских межплеменных объединений, приобретающих некоторое значение лишь во время войн, когда активизировалась и царская власть, уступавшая в мирное время власти родо-племенной аристократии.

В этом же смысле толкует вопрос о социальной организации азиатских скифов С. И. Руденко¹¹, полагающий, что признаки разложения патриархального рода обнаруживаются на скифском Алтае главным образом в сфере имущественных отношений. Раскопки пазырыкских курганов позволяют говорить о значительной концентрации личной собственности (в первую очередь на скот) в руках племенной аристократии, что нашло отражение в погребальном обряде с большим количеством конских захоронений¹². Для более позднего (гуннского) времени

⁹ Смирнов А. П. Рабовладельческий строй..., с. 29 и сл. Дальнейшее развитие этой точки зрения (с некоторыми, однако, ее модификациями) читатель найдет в новой работе того же автора (Смирнов А. П. Скифы. М., 1966, с. 64, 140 и сл.).

¹⁰ Артамонов М. И. Общественный строй скифов.— ВЛГУ, 1947, № 9, с. 70 и сл.; Он же. Вопросы истории скифов в советской науке.— ВДИ, 1947, № 3, с. 68 и сл.

¹¹ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Л., 1953, с. 253; Он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. Л., 1960, с. 237 и сл.

¹² Отношение скифов к имуществу, полагающемуся в могилу в качестве погребальных приношений, как к чему-то сугубо личному, а не наследственному, подчеркивает также К. Иеттмар (Jettmar K. Die Aussage der Archaeologie zur Religionsgeschichte Vorderasiens. Stuttgart, 1962, S. 327).

С. И. Рудепко склонен говорить о скифской государственности, существовавшей без сколько-нибудь заметного пространства рабства, и в частности, о государственной территории, основываясь, впрочем, преимущественно • древнекитайских легендах о Моде-шаньюе, несомненно пронизанных китайскими социальными представлениями отображавшими более развитую социально-политическую структуру китайского общества ханьского времени. Используя аналогии из области истории прикаспийских и причерноморских скифов, С. И. Рудепко нарисовал широкую картину социально-политического устройства скифского мира, указав на значительное культурное единство, существовавшее в скифскую эпоху на территории Евразии.

Несмотря на то, что таким образом представление о патриархально-родовом характере скифского общественного строя как будто бы постепенно возобладало в нашей науке, продолжают раздаваться голоса, констатирующие — особенно у европейских скифов — более определенные элементы государственности, основанной на резкой социальной дифференциации и интенсивном рабовладении. Так, Б. Н. Граков¹³, признающий патриархальный характер скифского племенного союза эпохи паря Идан-фирса, полагает, что при царе Атее (в IV в. до н. э.) Скифия представляла собой уже рабовладельческое государство с определенной территорией, на которой широко развивались земледелие и скотоводство, приобретшие товарный характер (столицей этого государства, бывшей и его промышленно-хозяйственным центром, он считает Каменское городище на Днепре, имевшее цитадель, обширный загон для скота и торгово-ремесленный город).

Аналогичного мнения и А. И. Тереножкин¹⁴, настаивающий на резкой имущественной дифференциации и глубоком разрушении родовых порядков у скифов — не только в аристократической, но и в простонародной среде. По его мнению, основной хозяйственной ячейкой скифского общества классического времени была малая (парная) семья, имевшая в индивидуальной собственности

¹³ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. М., 1954, с. 172 и сл.

¹⁴ Тереножкин А. И., Об общественном строе скифов.— СА, 1966, № 2, с. 33 и сл.

сти землю и скот¹⁵. Общество это было насквозь пронизано рабовладельческими отношениями, о чем, в частности, свидетельствуют раскопки некрополя и городища близ с. Кут Днепропетровской области и близ г. Борисполя Киевской области, где многочисленные рабские принудительно-ритуальные захоронения сопровождаются погребения рядовых жителей¹⁶.

К. Ф. Смирнов отмечает некоторые особенности общественного уклада нижеволжских и южноуральских племен (савроматов)¹⁷. Эти особенности заключаются в более определенно выраженном (чем в причерноморской или казахстапо-алтайской и прикаспийской Скифии) влиянии женщины-матроны, жрицы, а может быть, и военной предводительницы. На основании большого числа женских захоронений, в сопровождении предметов вооружения (главным образом наконечников стрел), стилизованных алтарей, а также нередких дополнительных ритуальных захоронений — мужских и детских как в кургане № 12 с. Цветочного (Блюменфельд) или в кургане № 9 Новокумакского могильника; конских захоронений, как в кургане № 8 урочища Бис-Оба у пос. Благовещенского, близ Оренбурга, — вслед за Б. Н. Граковым и многими другими авторами К. Ф. Смирнов рассматривает указанные факты как свидетельство пережиточных явлений матриархата и гинайкократии, подчеркиваемых у савроматов и греческими авторами. При этом К. Ф. Смирнов отмечает, что зачатки подобных общественных явлений, ашедших выражение в соответствующем погребальном обряде, могут быть прослежены по богатому женскому захоронению в одном из быковских курганов (№ 9, погребение № 3), относящемуся к срубной культуре, и по женскому захоронению с оружием в Увакском могильнике Оренбургской обл. (андроновская культура)¹⁸.

Хотя и трудно спорить, что равноправное (а то и преобладающее) положение женщины-матроны могло происходить из стародавнего материнского рода, однако черты, какие эта «гинайкократия» приняла в скифское время у воляжско-уральских племен, несомненно, заметны и у

¹⁵ Тереножкин Л. И. Об общественном строе скифов, с. 37 и сл.

¹⁶ Там же, о. 40 и сл.

¹⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 198 и сл.

¹⁸ Там же, с. 205.

племен причерноморских и алтайских, где тоже обнаружены захоронения женщин-жриц и женщин с оружием (в сопровождении человеческих и конских гребеней), что заставляет думать о представлениях ригархального характера, но перенесенных на женщин. Равным образом и легенды, возникшие у скифов и пересказанные греческими авторами, о воинственных женщинах-предводительницах свидетельствуют о том же самом. А что касается легенды о савроматской гинайкократии, то она, видимо, скорее греческого, а не скифского происхождения и не может быть оторвана от представлений об амазонском (т. е. как показано было выше, малоазиатско-киммерийском) происхождении савроматов. Наличие двух культурных областей — нижеволжской и самаро-уральской, намечающихся отчетливо по бытовым признакам уже в V в. до н. э., позволяет К. Ф. Смирнову говорить о двух племенных союзах савроматов, с включением в нижеволжский союз донских и приазовских племен. Но отсутствие курганов типа «царских» заставляет скорее предположить, что обе эти культурно-этнические группировки не имели самостоятельного политического значения в общескифском масштабе, тяготея в какой-то степени к восточночерноморскому и прикаспийскому скифскому миру, для которого они представляли, однако, довольно отдаленную периферию. Положение это сохранялось вплоть до IV в. до н. э., когда скифское Приуралье получило возможность непосредственного культурного общения с ахеменидским Ираном.

Существенным недостатком перечисленных работ (впрочем, много способствовавших выяснению картины социально-исторического развития скифского общества) является, по нашему мнению, их ограниченность искусственными географическими и культурно-историческими рамками. Почти все они имеют в виду лишь европейских (либо какую-нибудь часть азиатских) скифов, а среди них — преимущественно кочевническую верхушку. Если одни из упомянутых авторов (А. С. Семенов-Зусер, М. И. Артамонов, С. И. Руденко) игнорируют факты, свидетельствующие о широком распространении рабовладения в скифском мире, полагая, что распространение и дифференциация рабства невозможны в условиях патри-

охлажденного строя, то другие (А. П. Смирнов, А. И. Терезкин) склонны преувеличивать значение этих же актов, игнорируя характер скифского рабства — более домашний, нежели товарный.

М. И. Артамонов полагал, что ритуальные захоронения женщин далеко не всегда свидетельствуют о наличии рабства²⁰, хотя Геродот (в отношении скифских семейных форм) высказывается достаточно определенно, строго разводя жену — *γυνή* и наложницу — *πολλακή* (Herod, IV, и 78) и указывая, что убивались и погребались со знатными скифами как раз рабыни (на что обратил внимание де Лапшо-Данилевский²¹).

Справедливо отмечая далеко зашедшую имущественную дифференциацию в скифской среде, часто ссылаются на этот на богатейшие инвентаря царских захоронений, особенно на многочисленные конские захоронения, как на свидетельство о частной собственности царей. При этом, однако, обычно оставляется в тени то обстоятельство, что признаки индивидуальной собственности на недвижимое имущество, в частности на землю, совершенно отсутствуют. Из горациева пассажа видно, что в его время в Причерноморье (у земледельцев гетов) пахотные поля находились в общинном владении и подвергались ежегодным еределам (Nogat, *Sarm.*, III, 24, 11: «... суровые геты, которыми немеряные поля приносят свободные плоды и хлеба; они не занимаются земледелием более года, и окончившего труда, заменяет преемник по равному — для всех — жребию»). Для Азиатской же Скифии есть данные о том, что усуньский Цилями-гуньмо²² впервые обнаружил запрет на выпас общинного скота на принадлежавших ему пастбищах — факт, доказывающий по крайней мере одно: до этого времени подобных прав и подобных запретов, видимо, не существовало.

Сложность происхождения и недостаточная ясность социальной физиономии скифского общества у Геродота приводит иногда современных исследователей к противоречивым выводам, коренящимся отчасти в различном понимании его терминологии. Поэтому не лишне рассмот-

²⁰ Артамонов М. И. *Общественный* строй скифов, с. 82.

²¹ Лапшо-Данилевский А. С. Указ. соч., с. 146.

²² Бичурин Н. Я. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии*, ч. 2. Л., 1950, с. 197.

реть соответствующие данные Геродота во взаимной связи и попытаться выяснить их происхождение и действительный смысл, сопоставив с некоторыми другими древними свидетельствами о скифах.

Итак, Геродот пишет о скифах как о народе, хотя состоящем из отдельных племен, но объединяемом общим именем (сколоты), распространенным на все скифские племена, говорящие на одном и том же языке и живущие на определенной территории от Прута на западе и до Дона на востоке, а на севере — до линии, отстоящей на 20 дней пути от побережья Черного моря. Геродот различает земледельческие племена — на западе Скифии, по Нижнему Бугу и Днепру, кочевнические (т. е. пастушеские) — к востоку от Днепра, и царское кочевое племя. Над скифами властвуют цари из этого племени скифов царских, которые всех прочих скифов называют рабами. Рабов же своих, по крайней мере тех, которые приставлены к уходу за скотом и к изготовлению гишпаки (сыра или брынзы из кобыльего молока), скифы ослепляют. Они поклоняются общескифским богам (имена их Геродот называет вместе с их греческими ипостасями). В руках царей сосредоточены известные религиозные и судебные функции, при исполнении которых большую роль играют жрецы-гадатели — энареи. Скифия окружена землями нескифских племен, отличающихся от скифов своим происхождением, либо языком и обычаями.

Эта картина скифского общественного быта дает, казалось бы, возможность утверждать, что уже в V в. до н. э. скифы в своем социальном развитии достигли достаточно высокой степени государственности, основанной на рабовладении, принявшем уже достаточно широкие и жестокие формы, далеко ушедшие от примитивного домашнего рабства. Такие утверждения и были действительно, как уже отмечено, высказаны в науке²³.

Однако если более внимательно рассмотреть соответствующие сообщения Геродота, то обнаружится, что они не лишены весьма серьезных противоречий, значительно затуманивающих достаточно ясную, на первый взгляд, картину

²³ Смирнов А. П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников, с. 30 и сл.; Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов с. 23 и сл.; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре — МИА, 1954, вып. 36, с. 22 и сл. Ср.: Он же. Скифі, Київ, 1947, с. 28

типу, которая только что была набросана с его же собственных слон. Прежде всего не может не броситься в глаза, что в самих характеристиках ослепленных рабов, с одной стороны, и всех без исключения скифов в качестве рабов скифов царских — с другой, содержится как бы два разных представления о рабстве. Но прежде чем обратиться к вопросу о скифском рабовладении по Геродоту, уместно рассмотреть, Геродотово понимание скифского этноса, скифской территории и государственности.

Принцип, на основании которого Геродот разделяет северочерноморские племена на скифские и нескифские, становится ясным далеко не сразу из-за некоторой неподтвержденности этого разделения. Так, савроматов, голящих по-скифски, Геродот скифами не считает, так как приписывает им смешанное происхождение от скифов и мазонков. Остальные пограничные со скифами племена афирсы, невры, ангофаги, меланхлены, будины) имепо Геродоту, скифские обычаи и говорят, видимо, большинству случаев на скифском же языке. Это прямо свидетельствовано, например, для будинов (IV, 108), отношении остальных племен вопрос о языке Геродот задает молчанием и лишь об андрофагах говорит определенно, что они изыясняются на своем особом, нескифском наречии. Отсюда, во всяком случае, явствует, что Геродот руководствовался отнюдь не этническим признаком для выделения скифских племен из числа нескифских, но и не культурно-бытовым. При этом, утверждая нескифскую принадлежность тех или иных северочерноморских племен, Геродот приходит в резкое противоречие с одним из своих основных предшественников — Гекатеем Милетским, распространявшим понятие Скифии на всю Северную Евразию, включая, вероятно, известную часть Фракии и Кавказ. Так надо думать, судя по тому, что Гекатей называет скифскими племенами матикетов (φρ. 156), сопоставляемых с Ματβάς, скифским наименованием Дуная (St. Byz., s. v. Δανουβίς) и эдов (φρ. 159), скорее всего идентичных фракийским эдонам (Herod., V, 14), а также меланхленов, которых Псевдо-Скилак (представляющий древнеионийскую географическую традицию) локализует вместе с гелонами у кавказского побережья Черного моря.

Политико-географическая картина Скифии, которую можно восстановить из фрагментов Гекатея, относится

к рубежу VI—V вв. до н. э. По-видимому, она отражает то состояние скифских племен, в котором они находились до скифского похода Дария (513 г. до н. э.). Если попытаться обратиться к временам еще более ранним, то придется пользоваться ионийскими эпическими данными согласно которым северо-восточные пространства были заняты киммерийцами. В это общее наименование укладываются, надо полагать, и те нарицательные имена, служившие как бы характеристиками быта и образа жизни племен, к которым они прилагались: гинпемолги, галактофаги и абии. Позднее Эратосфен (у Страбона) отнес их к скифам, тогда как древнейший эпос причислял их, очевидно (поскольку не называется никакого другого этнического имени), к тем же киммерийцам. Тем не менее наличие имени киммерийцев, поглотившего некоторые другие племенные наименования (как позднее — имя скифов), показывает, что это имя политически объединяло отдельные кочевнические племена для определенного периода времени. Оно могло стать известно ионийскому эпосу вряд ли ранее второй половины VII — начала VI в. до н. э.

В Авесте, древнеиндийской и древнекитайской литературе, данные которых могут быть грубо отнесены ко второй половине I тыс. до н. э., тоже встречаются имена кочевнических племен, распространенные на значительные территории (*daha, hunu* и др.), что свидетельствует о существовании и на востоке Скифии значительных союзов племен (с царским племенем во главе), давших свои наименования другим народам.

На западе Скифии Геродот (IV, 48) называет северные притоки Истра: Пирет (по-скифски Пората), Тирант, Напарис и Ордесс. Утверждая, что все эти реки текут через Скифию, Геродот расширяет тем самым ее западные пределы за счет значительной части современной Венгрии.

Однако, кроме как в указанном месте, он больше нигде не упоминает ни единым словом об этой Западной Скифии, поэтому и само это утверждение может быть сочтено опиской, основанной на использовании текста Гекатея, знавшего другие границы Скифии. Геродотова же граница должна лежать на Пруте, порокой чему может служить называемое им скифское наименование этой реки — Пората — и то, что в своем описании Скифии он

имеет в виду именно территорию к востоку от Прута. Подобными же причинами объясняется, должно быть, готовность Геродота (IV, 99) при описании Скифии присоединить к ней некоторое пространство к югу от устья Бистра — видимо, область, получившую у позднейших авторов название Малой Скифии²⁴ (Strab., Geogr. VII, 4, 5), восходящее через источники Страбона, вероятней всего опять-таки к ионийцам. Но к этому Геродот ни разу больше не возвращается.

Восточную границу Скифии Геродот (IV, 24) совершенно отчетливо устанавливает по Танаису-Дону, считаемся, по одному из приведенных у него мнений, границей Европы и Азии (IV, 45). Но в качестве притока Танаиса Геродот называет Гиргис (IV, 57) или Сирти (IV, 123), — наименование, в котором звучит скифское имя Яксарт — Силис, засвидетельствованное Плинием (NH, VI, 49; ср. VI, 20) и близкое ее современному наименованию — Сырдарья. И это доказывает, что в представлениях Геродота о Танаисе соединились сведения о Доне и о великих среднеазиатских реках, — мударье и Сырдарье, — явление, отчетливо заметное в географических представлениях эпохи Александра Македонского²⁵.

Танаис-Яксарт (Аракс) в качестве потреничной скифской реки, стал известен иранцам со времен походов Кира Старшего. Возможно, что как раз это небезызвестное Геродоту обстоятельство и привело его к мысли об утверждении за Танаисом-Доном славы восточной границы скифского царства, в противоречие Гекатею, отодвинувшему границы Скифии вплоть до Исседонов (фр. 168).

Противоречия в представлениях Геродота о Скифии видны и тогда, когда после утверждения, будто «за Танаисом нет более Скифии» (IV, 21), он сообщает о скифских племенах Северной Азии — амиргских скифах или саках (IV, 23), которых считает отпрысками скифов царских. Это в соединении с тем обстоятельством, что имя саков и амиргских скифов (saḥa haumawarga нахш-и-рустемской надписи Дария Гистаспа) — иранского происхождения, заставляет предположить, что само наименование

²⁴ Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961. с. 84.

Там же, 105.

«царские скифы» — перевод древнеперсидского обозначения какого-либо из азиатских скифских племен²⁶. К скифам причисляет однажды, противореча себе, Геродот массагетов, с оговоркой, что это «мнение некоторых, (I, 201: οἱ τινες... λεγούσι)». т. е., видимо, того же Гекатема

Наименование «массагеты» (*Μασσαγῆται*) толкуется иногда как «великие геты»²⁷, подобно тому как да-юечжи китайских источников означает «великие юечжи». Сай-уан китайских источников, представляющее китайский вариант имени сакараков, тоже должно быть понято, видимо, как «царские саки»²⁸. Подобное значение имеет возможно, и имя пасиаков (апасиаков) или пасианов, толкуемое Марквартом²⁹, как «речные саки». Его сопоставляют, однако, с китайским ан-си, прилагавшимся ханьскими анналами к парфянам, и с *Ἀσίοι* греческих и Asiāni латинских авторов. Они характеризуются у Трога Помпея как *reges Tocharorum Asiāni*, т. е. опять как «царское» племя. Подобное же значение имело, надо думать, и имя древнеперсидских *Πασαργ'αδα* (Herod., I, 125), как и хайлендурки гуннов (Prisc. Pan., fr I, 11, 24). Тагам образом, в Скифии одновременно должно было существо-

²⁶ Об использовании греческими историками официальных иранских источников свидетельствует, например, подмеченное В. В. Струве соответствие, хотя и не очень точное, между сообщением Ктесия (Pers., fr. 29, 16 sq.) о походе против скифов сатрапа Ариармна и текстом (стб. V) Бегистунской надписи, где содержится упоминание о скифских пленниках и в их числе о некоем массагетском вожде, которого Ктесий и называет, видимо, Марсагетом (Струве В. В. Дарий I и скифы Причерноморья. — В кн.: Г. Кацаров, т. I. София, 1950, с. 116).

В связи с этим достаточно существенно и то, что многие имена и апитеты скифских племен иранского происхождения могут быть возведены к понятию «царский», «первенствующий». По Страбону (Geogr., IX, 9, 3), парны-дан были переселенцами из области даев, живущих за Меотидой, которых называли ксандиями или ксантиями (Strab., Geogr., XI, 8, 2). То и другое имя И. Гарматта производит от иранского *γσαуант* — господствующий. Поэтому *Ἐ'αυδιόι* должно означать «даи царские» (Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians. Szeged, 1970, p. 14).

²⁷ Marquart J. Eransahr. Berlin, 1901, S. 206, Bern. 2.

²⁸ Junge J. Saka-Studien. — «Klio», Leipzig, 1939, Beih. 41 N. F., H. 28, S. 82, Bern. 2.

²⁹ Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Вё Jin, 1905, S. 78. Ср.: Толстое С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 99.

вать несколько племенных союзов, возглавлявшихся каж-
дый своим «царским» племенем. Возможно, что деле-
ние саков в ахеменидских надписях — *saka haumawarga*,
saka tigraschanda, *saka tyiau paradraya* — • носит не только
этно-географический, но и политический характер. Во
времена, близкие к началу н. э., по свидетельству Аппиа-
на (App., Mithr., 69), племя язигов занимало положение
«царского» среди сарматских племен, потому он именует
язигов «савроматами царскими» (*Σαυρομάται βασιλικοί*).
Замечание Фукидида (De b. Peloponn., II, 97), что в со-
временном ему мире не существовало бы народа более
сильного в военном отношении, чем скифы, если бы толь-
ко они могли сохранять между собой лад и единство, кос-
венным образом свидетельствует о существовании во вре-
мена Геродота — Фукидида нескольких самостоятельных
и независимых союзов скифских племен, враждовавших
и признававших «скифами» другие племена.

После всего изложенного становится в достаточной
степени ясно, что геродотовы Скифия, по исключении
всех указанных выше противоречий, — это владения цар-
ских скифов-сколотов, простиравшиеся на восток до
Танаиса (IV, 20), и подчиненных им приднепровских
племен, т. е. того племенного союза, который около 513 г.
во н. э. вступил в борьбу с перешедшим через Дунай
войском Дария.

С другой стороны, Геродот представляет себе Скифию
в виде правильного квадрата, каждая сторона которого
равна 20 дням пути (IV, 101; т. е. приблизительно 400 км,
ко расчету, сообщенному им в IV, 86) — в угоду геомет-
ризму, происхождение которого применительно к древне-
греческим географическим представлениям не совсем
ясно: видимо, он все-таки существовал уже у ионийцев,
поскольку тенденцию к нему находим у Эфора (фр. 38),
а в наиболее развитой форме встречаемся с ним позднее
У Эратосфена. Быть может, Геродот исключил из Скифии
племена, жившие, по его расчетам, за пределами указанных
расстояний. /•••

Скифов-кочевников Геродот считает пришельцами из
Азии. Этот взгляд основывается, должно быть, на фран-
ских: свидетельствах о среднеазиатских скифах, как и на
том толковании причины появления на малоазийских бе-
регах киммерийцев, какое приводила «Аримаспея»
Цс, Аристея. Не исключено, разумеется, что представле-

ние о миграции скифов из Азии могло основываться на собственных скифских преданиях о перекочевках из Прикаспия каких-либо племенных групп, находившихся во времена Геродота в Причерноморье. Это можно подтвердить археологическими данными, демонстрирующими приволжское или прикавказское происхождение некоторых предметов и целых их комплексов, найденных на Нижнем Дону или в Приднепровье.

Геродот, однако, на основании других источников, сообщавших, вероятно, об автохтонности приднепровских скифов, говорит также о «древней Скифии» (IV, 99), простиравшейся от Истра до Керкинитиды. И некоторые скифские племена он характеризует как чисто земледельческие. Как было показано, Геродотовы Ἀροτήρες и Γεωργοί являются, возможно, греческими этимологизациями скифских племенных наименований, к числу которых принадлежит и Гилея (лесная местность на Нижнем Днепре), ибо у Плиния содержится упоминание о скифском племени гилеев (NH, IV, 84),] обитавшем именно в той местности. Но из этого отнюдь не следует, что и сами сведения о земледельческих племенах на Нижнем и Среднем Днепре должны быть подвергнуты сомнению. На целом ряде поселений и городищ — их нижние культурные горизонты во многих случаях относятся к доскифскому времени³⁰ — обнаруживается оседлый скотоводческо-земледельческий характер деятельности местного населения.

Косвенные свидетельства о занятиях жителей причерноморских городищ принесли исследования В. И. Цалкина, констатировавшего резкое увеличение следов охоты в скифское время на поселениях Среднего Поволжья и Подонья, тогда как на городищах Северного Причерноморья охота играла столь же малую роль, как и в эпоху бронзы. И только на акрополе Каменского городища найдены в большом количестве кости диких животных. Обилие их указывает на то, что акрополь находился в руках кочевни-

³⁰ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955, с. 99 и сл.; Тереножкин А. И. Предекифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961, с. 10 и сл.

ческой общественной вежливости, любимым времяпрепровождением которой была *хота*³¹.

Большие городища, типа Каменских кучугур на *Нижнем Днепре*, Субботавского и Московского на Среднем Днепре, а особенно Вельского, Басовского на Ворскле и Суле³², содержат данные о значительном развитии скотоводства и ремесла. Каменское городище, имевшее две линии укреплений с монументальными каменными сооружениями за внутренними валами и достаточно многочисленные следы металлургии, не без основания рассматривается как ставка (т.е. *βασιλεια*) вождя и дружины скифов царских, как столица Скифии в принимаемых им геродотовых границах. Следы сельскохозяйственной деятельности обнаружены в больших и малых поселениях доскифского и скифского времени на Днестре и Буге (Пастерское, Немировское и другие городища), в *Крыму* — более всего в районе Феодосии, Керчи и Симферополя³⁴, — а также на Нижнем Дону, Северском Донце и на Кубани.

Скифы царские были кочевническим племенем по преимуществу. Представление о занимавшей ими территории связано с локализацией Герра, отделяющей, по словам Геродота (IV, 56), земли скифов-кочевников от территории скифов царских. Путешествие царского траурного кортежа продолжалось 40 дней³⁵ — столько, сколько требуется (Herod., IV, 53) для того, чтобы достичь местности Геррос по р. Борисфену, судоходной до устья Герра. Цифра эта, находящаяся в противоречии

³¹ Цалкин В. И. Животноводство населения Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы и раннего железа. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 13 и сл.

³² Ковпаненко Г. Т. Памятки скифского часу в бассейне Ворсклы. — «Археологія», Київ, 1961, № 13, с. 62 и сл.

³³ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. М., 1954, 172 и сл.

³⁴ Наименование *Γεωργουί* Страбон (Geogr., VII, 4, 6) прилагает, как мы помним, к восточным таврам, характеризуя соответственным образом их культуру и нравы.

³⁵ У североиранских кочевников — бахтиар, сохранивших до пор некоторые весьма древние религиозно-бытовые традиции, траур по покойнику продолжается именно 40 дней. Погребальный обряд совершается весьма пышно, нередко поглощая все наследство покойного (Трубецкой В. В. Бахтиары. М., 1966, с. 130).

с сообщением Геродота о протяженности Скифии к северу на 20 дней пути, несомненно, находится в связи с сокровищным погребальным шествием.

Наименование «скифы царские» (Σκυθαὶ βασιλῆϊοι) определяет политическое положение этого племени среди других скифских племен Приднепровья. Следует думать, что удержание сравнительно древнего эпитета «царские» за племенем, возглавлявшим в V в. н. э. союз гуннских племен, отвечает не только определенной традиции, но и определенному политическому содержанию, на соответствии которому эта традиция и держалась, хотя, конечно, за тысячу лет — от царя Иданфирса до Лтилы — характер отношений между племенем «царским» и подчиненными племенами должен был претерпеть какие-то изменения (об этом речь ниже). Но сама форма господства племени, царь которого возглавлял союз племен и был его военачальником, оставалась, видимо, достаточно неизменной на протяжении всего указанного времени, а может быть, даже и дольше³⁶.

Противопоставляя скифов (в качестве мощной военной силы) персам, Геродот изображает Скифию в виде конгломерата племен, находящихся в строгом подчинении скифам царским. По-видимому, подчиненные скифские племена имели в военном отношении лишь вспомогательное значение, судя по тому, что, характеризуя скифское войско, Геродот имеет в виду лишь один скифов царских (IV, 120). Подтверждением этому может служить рассказ Поллена, восходящий к источнику IV в. до н. э. (Strat., VII, 44) и сообщающий о скифах (земледельцах и пастухах), как о подсобной силе, не входившей в военные соединения царя Атея.

³⁶ М. И. Артамонов (Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 35) полагает, что превращение скифского племенного вождя в царя союза племен — главу «царского» племени — произошло во второй половине VII в. до н. э., в бытность скифов в Передней Азии, в результате их тесного соприкосновения с переднеазиатскими государствами. Не отрицая значения политических связей скифов с более развитыми рабовладельческими обществами Ближнего Востока для эволюции их собственной политической организации, нельзя не обратить внимания на то, что появление царских племен во главе союзов племен Закаспийской Скифии имело место не позже (например, в Туве, судя по кургану Аржан), чем у переднеазиатских скифов и, видимо, скорее под влиянием собственного политического развития, а не под воздействием откуда-либо извне.

Скифскую общность и объединение их в одно политическое и культурное целое Геродот подкрепляет наличием у них одинаковых обычаев и общего пантеона богов, которым поклоняются по одинаковому ритуалу все скифы. Однако при рассмотрении имен названных Геродотом божеств и некоторых черт скифского культа (IV, 59) обнаруживается тесная связь этого культа с племенными культурами, — не только чисто скифскими, но также и с фракийскими и прикавказскими.

Имя Тагимасада-Посейдона, которого, по словам Геродота, почитали одни лишь скифы царские, следует считать фракийским, по аналогии с именами Октомасад, Перисад и др. Посейдон, как известно, был родоначальником Фессалийских Миниев (через Нелея), аттических Кодридов (Посейдон Эрхтей) и династии парен фракийских одризов. Вероятней всего, Тагимасад — именно в силу последнего обстоятельства — и отождествлен был греками с (конным) Посейдоном. Отсюда следует прежде всего, что Ванные Геродота, использованные им для характеристики скифской культуры, в частности скифской религии, относятся, как и в других подобных и указанных ранее случаях, к территории, видимо, более обширной, чем та, которую он сам включает в границы Скифии. Кроме того, в этих данных еще очень отчетлива их узкоплеменная принадлежность. Последнее обстоятельство подчеркивается особенностью некоторых божеств, например, Табити-Гестии и Ареса (по-скифски Ваю или сохранившееся в осетинском языке Ваеуиг), о которых Геродот или говорит во множественном числе (IV, 68 τὰς βασιλίας

) или свидетельствует многочисленность их жертвенных мест (IV, 62) соответственно количеству племен, а может быть, даже и родов.

Но выделение Тагимасада в качестве специфического божества царских скифов свидетельствует о наличии царского культа, подтверждением чего могут служить известные изображения на предметах из царских скифских курганов (Карагодеуашх) со сценами инвеституры Царя его богом-родоначальником (или богиней матерью),³⁷

³⁷ Ростовцев М. И. Представления о монархической власти скифов на Боспоре.— ИАК, 1913, № 49, с. 1 и сл. Необходимо, впрочем, отметить, что все подобные изображения относятся исключительно к эпохе эллинизма.

а также вотивы боспорских царей сарматской династии Тибериев-Юлиев, возводивших свой род, подобно скифским и фракийским царям, к конному Посейдону (IOSPE, II, 41; 368).

Существование царского культа подтверждается и легендами о происхождении скифов (а вернее, скифских царей), которые подробно пересказывает Геродот (IV, 5 и сл.). Из этих легенд мы узнаем, что скифы считали царей своими родоначальниками и производили древнейшего царя Таргитая (по греческой версии легенды отождествляемого с Гераклом) от богов Папая-Зевса и местной богини: по одной версии, дочери р. Борисфен, по другой — отождествляемой с этой дочерью змееногой Ехидны. В недавнее время Б. Н. Граков впервые указал на изображение скифского Геракла — великана, борющегося с чудовищными зверями. Интересно, что Геродот, сообщая о скифском Геракле, совершенно не упоминает о Посейдоне-Тагимасаде, демонстрируя этим лишней разноречивость своих источников. (Впрочем, анализ имен, фигурирующих в этих легендах, показывает, что они сложились среди различных восточноскифских племен, на очень обширной территории и имели в виду прежде всего культ своих племенных вождей-родоначальников).

Наряду со сценами, изображающими скифского царя перед конным мужским божеством (как на ритоне из кургана Карагодеуашх), в чем М. И. Ростовцев усматривал обряд инвенституры царя прародительским божеством, есть изображения, ставящие царя — пешего или конного — перед женским божеством плодородия. Наиболее выразительно в этом отношении изображение конного царя в коротком «сарматском» плаще перед сидящей на троне богиней (на ковре из V Пазырыкского кургана). Сцены сходного смысла представлены на предметах, найденных на другом конце скифского мира: на перстне из Брезова и на фаларах, обнаруженных близ д. Галиче, р-п Орехово, в Болгарии. Культовая сцена, которую можно понять как сцену доставления скифского вождя на царство женским божеством и которую соответствующим образом толкует М. И. Артамонов³⁸, представлена на золотой пластине из

³⁸ Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов. — «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», Л., 1961, вып. 2, с. 61, рис. 4.

кургана у с. Сахновки (раскопки М. Гезе³⁹): в центре — сидящая на троне богиня, перед нею — коленопреклоненный скиф, с горитом и ритонном, позади — скиф, играющий арфе, а также другие фигуры по обеим сторонам этой сцены, принимающие участие в церемонии.

Хотя Геродот и распространяет на всех скифов наименование «околоты», но сам при этом добавляет, что оно произошло от имени некоего царя, т. е. племенного вождя. Имя этого царя известно нам от Помпея Трога (Just., II, 4) как Сколопит. Этимологически, да и фонетически, оно звучит довольно близко имени Колаксай, и вместе с ним должно быть сопоставлено с такими кавказскими племенными наименованиями, как «колы», «колхи» и «кораксы». Самое имя родоначальника всех скифов у Геродота — царя Таргитая — необходимо, в свою очередь, сказано, сравнить со скифско-меотским именем Тиргатао, засвидетельствованном Полиеном (VIII, 55). Оно звучит близко племенному наименованию тирегетов, Гиры и пунктов Тирамбы и Тиритаки. Имя было широко распространено и удерживалось в североазиатском мире вплоть до позднего средневековья⁴⁰.

Некоторые из наименований племен, произошедших, согласно геродотовой легенде, от сыновей Таргитая, поддаются географическому опосредствованию. Так, авхатов катиаров можно признать идентичными аухетам и котиерам, названным Плинием (NH, VI, 22; 50) и локализующимися первично в Средней Азии, на Яксарте, а вторично — в порядке переноса по ассоциации Яксарт-Танаис — в Прикавказье. Имена «траспии» и «паралаты»⁴¹

³⁹ Miller A. et Mortiller A. Sur un bandeau en or avec figures clythes découvert dans un kourgan de la Russie meridionale.— «L'homme préhistorique», 1904, № 9, p. 273 s.

⁴⁰ Уместно задать вопрос, не является ли упоминание в Картице Цховреба о Таргамосе, внуке Иафета и родоначальнике кавказских племен, отголоском легенды о Таргитае — общескифском родоначальнике (КЦ, 3; ср.: Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 34; 122). Наличие среди детей Таргамоса леков и кавкасиан, сопоставляющихся с доскифскими леами и кавконами, позволяет, может быть, высказать предположение о доскифском происхождении и самой легенды о Таргитае.

⁴¹ Имя «траспии» из сопоставления с древнеиллирийскими (албанскими) именами tras и rio может быть понято как «млекоеды», Г. е. галактофаги Гомера и других греческих авторов (Майяни 3. Этруски начинают говорить. М., 1966, с. 152 и 158). Что касается имени паралатов, то И. Герматта сопоставляет это имя с именем

слышатся в **плиниевых** атарнеях и азампатах, названных и локализованных вместе с **аухетами** и **котиерами**.

В варианте легенды о происхождении скифов, **пере** данной Диодором (И, 43), имена сыновей царя Скифа — Пал и Нап — звучат в палях и напях Плиния (NH. VI, 22; 50), локализуемых тоже первоначально в **средней Азии**, а вторично — на Кавказе, и **связанных** с легендой об уничтожении одного из этих племен другим, **заимствованной** Плинием у Демодаманта.

Из сопоставлений напрашивается **вывод**, что передаваемая Геродотом легенда о происхождении скифов, хотя он ее и связывает с Нижним Поднепровьем, соответственно фигурирующим в ней именам, в **действительности** относится скорее к области Кавказа и Закаспийской Скифии. К тому же некоторые ее частности **свидетельствуют** об определенном иранском налете, **появившемся** прежде, чем она стала известна Геродоту. Наиболее **существен** в этом отношении рассказ об упавших с неба **золотых дарах**: плуге, ярме, секире и чаше. Символика **довольно** прозрачна и раскрывается как социальная характеристика скифского общества, состоящего из земледельцев, скотоводов, воинов и **жрецов** — четырех социальных **сословий**, подобных тем, на которые разлагает **древнеиранское** общество Авеста (Ясна, 19, 17: жрецы, **воины**, земледельцы и ремесленники)⁴², вероятно, не без влияния **древнеиндийского** представления о кастах.

В гораздо более отчетливом виде эти представления **нашли** место у Страбона (Geogr., XI, 3, 3) в **характеристике** общественного строя древних иберов, быт которых для его **предшественника** — Теофана **Митиленского** — во **многом** подобен иранскому, точнее **мидийскому**. Четыре социальные группы иберийского общества таковы: **правящее** сословие (из него происходят цари), **жрецы**, **воины** и земледельцы и, наконец, простой народ — рабы для остальных сословий. Такая иерархия, по **существу**, **соответствует** тому социальному делению, какое **находит** у скифов Геродот: царские **скифы** — их вожди были **обшескифскими** царями-военачальниками; **энареи** — сопо-

подразделения племени даев **Партаи**, которые в свою очередь сопоставляются с **древнеперсидским** *paruvuia*, *paroirya* и *paradata* Авесты, в значении «первый», «первенствующий». Последнее из названных Авестой имен было также почетным религиозным титулом.

⁴² Herzfeld B. Zoroaster and his World. Princeton, 1947, p. 12 8

ставляемые для осмысления этого имени (как племенного) санарейями Птолея (Geogr., V, 8, 25) и анариаканами Табона (XI, 8, 8), бывшие жрецами наиболее популярно в Скифии культа женского божества плодородия, участвовавшие также в царском суде и получавшие в свою пользу имущество осужденных (Herod., IV, 68); земельные и скотоводческие племена — рабы скифов царских. К четвертой категории — если уж искать более полного соответствия между социальным строем кавказских иберов, по Страбону, и скифов, по Геродоту — надо отнести рабов в собственном смысле слова, о которых речь у Геродота идет дважды: в рассказе об оселении рабов, изготовляющих гипшаку (IV, 2) и в рассказе о скифских погребальных обрядах (IV, 69).

Происхождение символики в легенде о небесных дарах выясняется еще из того, что близкие аллегории содержатся в рассказе Ферекида Лерийского о дарах царя Иданфирса Дарию (Theog., fr. 113) — мыши, лягушки, тиши, стрелы и плуга — символов скифских пожеланий ереам. Легенда возникла в древнеионийской среде и построена, вероятно, на фольклорных данных⁴³. Еще ближе к геродотовой символика речи, обращенной послами акаспийских скифов к Александру Македонскому у вилта Курция (VII, 8, 34): «нам даны богами дары — ярмо, плуг, копы и чаша. Добытые с помощью труда быков плоды мы отдаем друзьям, вместе с ними совершаем мы возлияния богам из чаши; врагов поражаем издали стрелой, вблизи — копьем».

Подобная речь, прежде чем она попала в описание деяний Александра Македонского, фигурировала, вероятнее всего, в сказаниях о подвигах Кира Старшего. На последнем примере видим, кроме того, что легенда о небесных дарах первоначально рассказывалась примени-

⁴³ Известной параллелью к атому рассказу была сибирская легенда, услышанная в начале XVIII в. Ф. И. Страленбергом. В ней говорилось о том, что енисейские арицы (имя которых все должно быть оторвано от звучащих родственно аримов, аристов, аримаспов и т. д.) послали во время завоевания Сибири к еским своих послов с символическими дарами: стрелой, черной псицей и куском красной земли (охры?), дабы выразить этим ою готовность как к войне, так и к миру (Боргояков М. И. Кифо-тюрские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели. — Народы Азии и Африки, 1975, № 6, с. 110).

тельно к среднеазиатским скифам и имела при этом несколько другой смысл, чем тот, который она приобрела позже, будучи приплетена к рассказу о происхождении скифских царей. У Геродота находим ее вкрапленной в широко распространенный сказочный сюжет об удачливом «младшем брате». Этот сюжет, по которому золотые дары, а вместе с ними и царство, достаются младшему из сыновей Таргитая — Колаксаю, близок к древнемакедонской легенде о происхождении царской власти Теменидов переданной том: же Геродотом (VIII, 137 sq). Македонская легенда более прозрачна в отношении происхождения власти царя от покровительствующего ему соляного божества плодородия, божества-родоначальника и бога-царя по преимуществу, подобно греческому Кроносу и италийскому Сатурну. Она позволяет догадываться, что упавшее с неба золото скифской легенды соответствует, очевидно, солнечным лучам македонской легенды.

Дальнейший рассказ о царях-жрецах (Herod., IV, 7), охраняющих священное золото, сообщает о ежегодных жертвоприношениях в честь этих даров, особенно о ритуальной смерти (т. е., очевидно, об убийстве) по истечении годового срока, царя-жреца, уснувшего у священного золота. Эти обстоятельства имеют ближайшей связи с культом соляного божества плодородия и находят параллели в обрядах Кроний, Сатурналий, в обрядах культа Арицийской Дианы — с замещением царя-жреца (rex Nemorensis) посредством ритуального единоборства. Все это показывает, что религиозное освящение власти племенного вождя, в процессе ее укрепления и превращения во власть царскую, совершалось у скифов в кругу тех же идей и связанных с ними культово-мифологических представлений, как и у остальных народов античного мира.

Говоря о Скифии как о едином царстве, Геродот одновременно рассказывает (в легенде о происхождении скифов) о разделе царства на три неравные части царем Колаксаем (IV, 7). Но из рассказа о разделении скифов царских на три неравных отряда, из которых два находились под командованием царей того же племени — Скопаса и Таксака (IV, 120)⁴⁴, следует сделать

⁴⁴ Нельзя при этом не обратить внимания на искусственные имена обоих царей-предводителей, образованные из греческих военных титулов, возможных переводов соответствующих иранских

вполне вероятный вывод, что и то разделение Скифии в легенде о происхождении скифских царей, касается одних лишь царских скифов⁴⁵. Однако и в рассказе о поклоне Мечу-Аресу, почитаемому всеми без исключения скифами, как специально подчеркивает Геродот (IV, 59; 62), снопа говорится о нескольких царствах (ἄρχηαι), которым противопоставляются в качестве мелких административно-территориальных единиц, νομοί. Возможно, что и в данном случае имеются в виду все те же три племенные территории, на которые распадается держава «скифов царских», как бы экстраполированные Геродотом на всю

титулов, являющихся подобием имени Скифарб (Ctes., Pers., fr. 29, 17), понимаемом как Скифарх (Σκυθάρης), т. е. предводитель скифов (ср.: ВДИ, 1947, К» 2, с. 299, прим. 3). Имя Скифарб, к тому же, видимо, гречизация названного Ктесием имени Сакесфар, получившего в данном случае иранскую форму. Б. Н. Граков (Каспийское городище на Днепре, с. 15) не без некоторых оснований идентифицирует ктесиева Скифарба с геродотовым Иданфирсом, понимая первое из этих имен как испорченное Σκυθάρης (предводитель скифов).

⁴⁵ Наличие трех родов в составе царского племени (или трех племен в составе всего сакского союза) следует предположить в основе сообщения Поллена (VII, 12) о трех сакских царях, выступивших против Дария: Сакесфаре, Амарге (Аморге) и Тамире (ср.: Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб, 1871, с. 81). В отношении гуннов III в. до н. э. сохранилось известие (Сыма Цянь. Избранное. М., 1956, с. 170 и сл.) о том, что во время войны с китайским полководцем Ли Му гунны, подобно геродотовым скифам, делились на три племени (или три объединения племен): давань, дунху и линху. Вероятно, эти племенные объединения не были однородны в этническом отношении: дунху — монголы, остальные — нет (Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960, с. 56). Нарты, как это явствует из многих сказаний, также разделялись на три рода: Бората, Ахсартагатта и Алагата (Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1948, с. 383).

В данной связи небезынтересен тот факт, что подобная «троичность» — на этот раз в топографическом смысле — зафиксирована на больших скифских городищах Среднего Поднепровья. Самое значительное из всех скифских городищ — Вельское на Ворскле — имеет внутри вала, опоясывающего городище в целом, три отдельных укрепления, обнесенных особыми валами. Такая же точно картина на Басовском городище на р. Суле, где три малых укрепления расположены на мысах, т. е. окружены с трех сторон водой. Таковы, вероятно, и три Волошинских городища на Дону, объединенные одновременно существованием и расстоянием друг от друга на полет стрелы. В троичности этих разделенных или объединенных поселений Б. Н. Граков видит признаки такого же союза трех племен, соответствующего геродотову описанию, как и союз племен скифов царских (Граков Б. Н. Скифы, с. 162).

Скифию. В таком случае *νομοι* должны соответствовать подчиненным племенам. Подтверждение этому, *по-видимому*, в сообщении о ежегодных возлияниях, совершаемых в номах, под руководством номарха, в которых принимают участие лишь скифы, убившие врагов, т. е., очевидно, лишь сражавшиеся вместе с дружиной скифов царских (Herod., IV, 66). Под номархами следует в таком случае понимать или *наместников*⁴⁶ из числа скифов царских или подчинившихся им собственных вождей этих *племен*⁴⁷.

О множестве территориально-политических образований, входивших в состав геродотового Скифского царства, говорит обилие *божеств* царского очага (*Табити-Гестий*), которыми должны были при решении тяжб и споров клясться скифы (Herod., IV, 68). Гестии царского очага символизировали, очевидно, совокупность племенных и родовых очагов скифского племенного *союза*⁴⁸.

⁴⁶ Косвенным указанием на существование подобных наместников, назначавшихся скифскими царями в *подвластных* им областях, может служить титул скифа *Тимна*, которому Геродот обязан своими сведениями об *Анахарсисе* (IV, 70), — вероятно, также и о многих других вещах, вошедших в «Скифский рассказ». Геродот называет *Тимна* *ἐπιτροπος*. Слово это, обозначающее прежде всего именно «наместник», «управитель», Мищенко переводил в данном случае как «доверенное лицо» (а в указателе к его переводу Геродота *Тимн* назван «опекуном» скифского царя *Артапейта*, на основании все того же наименования *ἐπιτροπος* в его более редком и специальном значении). Наличие в *Ольвии* «наместника» скифского царя несколько, впрочем, нас не должно удивлять. Цари крымско-скифского царства держали в *Херсонесе* своих наместников, именовавшихся по-скифски *sastar* (σαστηρ *Херсонесской присяги*) совершенно как в Восточном Иране, по терминологии *Авесты* (*Яшт* 10, 13; 13, 69). См.: *Ельницкий* Л. А. О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного *Причерноморья*. — *ВДИ*, 1964, № 1, с. 113 и сл.

⁴⁷ Если прав Б. И. Граков в том, что помы соответствовали территориям, занятым *эллино-скифами*, *алазонами*, *геррами*, *савдаратами* и *фисматами* (Граков Б. И. Скифы, с. 34), то *ἄρῆται* должны были охватывать *племенные* деления скифов царских.

⁴⁸ Эти зачаточные элементы скифской государственной администрации существовали наряду с традиционными *родо-племенными* формами власти и демократии: как у античных авторов (Herod., IV, 79; ср. IV, 111) в отношении *причерноморских племен*, так и в китайских источниках применительно к ранним *гуннам*, содер-жатся упоминания о совете старейшин и о собраниях *воинов* (ср.: Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951, с. 53 и сл.). Сцена, условно изображающая, может быть, подобное собрание скифских *воинов* царской дружины, представлена на известном во

Теперь, после того как были рассмотрены скудные и довольно противоречивые сведения Геродота, касающиеся социальной и политической структуры Скифского царства, необходимо подойти к рассмотрению общественных отношений внутри скифского общества на основании всех имеющихся в нашем распоряжении данных. Выше мы уже отметили двойственный характер геродотового подхода к скифскому рабовладению. Прежде всего необходимо установить, какое реальное значение можно приписать утверждению Геродота, будто скифы царские считают остальных скифов своими рабами.

О характере отношений между скифскими царями и подвластными им племенами кое-что сообщает и сам Геродот. Так, мы читаем у него (IV, 72), что во время полюдия совершаемых через год со дня смерти царя, «... мои же убивают пятьдесят человек из числа его рабов. При этом К Геродот отмечает, что рабы эти не купленные, а природные скифы, ибо покупных рабов у скифов нет, служат же царю по его приказанию люди из числа подвластных скифов. Рабы эти обозначаются у Геродота словом *θηραΚοννх/εg* — «слуги», чем и определяется в значительной мере характер скифского рабовладения. Совершенно несомненно, что слова: *θηραλευουσι τους αν αυτος ο βασιλευς κελευση* — «служат те, которым прикажет сам царь» — должны быть понятны в том смысле, что подвластные племена обязаны были в порядке уплаты дани поставлять вождям царских скифов и своим царям слуг, которые и становились рабами и убивались при погребении и тризне. Следует полагать, что кроме рабов подвластные племена обязаны были скифским царям и другой данью или, во всяком случае, «кормлением».

О богатствах; стекавшихся в руки скифских царей от причерноморских, прикавказских и иных союзов племен, некоторые представления могут дать сведения, которыми древнегреческие авторы располагали в отношении царства фракийских одризов, по своей структуре и по положению племени одризов среди других фракийских племен очень напоминавшего скифские царства и положение царских скифов среди скифских племен Причерноморья.

Роневском серебряном сосуде, впервые изданном М. И. Ростовцевым (Ростовцев М. И. Воронежский серебряный сосуд.— МАР. •г., 1914, № 34, табл. 1).

По Фукидиду (II, 97),⁴⁹ при царе Севте I (конец V в. до н. э.) фракийские племена, входившие в его царство, и греческие колонии уплачивали ежегодную дань, равную 400 талантам. Столько же и больше получал он в виде подарков. Общий доход одризского царя, по Диодору (XII, 50), достигал 1000 талантов в год⁴⁹.

Описанный Геродотом царский погребальный кортеж (IV, 71), в течение 40 дней переходящий от одного подвластного племени к другому, пока он, наконец, не достигнет наиболее удаленных к северу герров, где и расположены царские могилы, вероятно, вполне соответствует обычному поведению живого царя, с его дружиной из числа царских скифов, перекочевывавшего от племени к племени на подвластной ему территории и собиравшего положенную дань. Подобным образом вел себя еще и Аттила (Prisc. Pan., 8), как и другие владыки кочевнических народов в более поздние времена. Подтверждение всего этого находим и у Страбона (VII, 4, 6), сообщающего со слов Гипсикрата, писавшего о причерноморских странах в I в. до п. э., что северочерноморские кочевники воюют преимущественно из-за дани, которой они облагают земледельческие племена. Так же объясняет причины скифских войн и набегов Геродот, допускающий и возможность грабежа (I, 106). Mutatis mutandis (в V в. земледельческая Скифия не была житницей Афин) те же отношения следует предполагать и для эпохи царя Иданфирса.

Таким образом, первоначальная скифская держава, какой мы ее застаем во времена Геродота, представляла собой союз причерноморских племен, основанный на подчинении скифами царскими своих приднепровских и побужских соседей, обязанных повелителям и защитникам рабами-слугами и данью. Этим в достаточной степени ограничивается и определяется характер скифского рабовладения в V в. до н. э., как не имевшего еще существенного производственного значения, когда рабы были лишь слугами царя или, вероятно, также и всего правящего племени — вот наиболее общий вывод, который может быть сделан из утверждений Геродота, будто скифы царские считают остальных скифов своими рабами.

⁴⁹ Hück A. Das Odrysenreich in Thrakien im fünften und vierten Jahrhundert v. Chr.— «Hermes», 1891, № 26, S. 84.

Разумеется, отношения царских Скифов с подвластными им земледельческими (и пастушескими) племенами, выражавшиеся в господстве и данничестве, вполне, видимо, соответствовали далеко не единообразным греческим представлениям о рабстве. Греки классической поры знали, например, такие формы рабства, как гелотия в Пелопоннесе, кларотия на Крите и пенестия в Фессалии, когда сидевшее на земле сельскохозяйственное население находилось в большей или меньшей политической зависимости от полноправного аристократического населения греческих полисов. Во всех перечисленных случаях зависимость была вдобавок не личной, а сословно-племенной, (в чем и обнаруживаются ее патриархальные корни. Взаимоотношения гелотов со спартиатами и фессалийских пенестов с местной знатью Б. Н. Граков⁵⁰ не без основания сопоставляет с взаимоотношениями царских скифов и подвластных им земледельческих племен.

В первые века нашей эры подобные отношения можно было довольно широко наблюдать в среде сармато-германских племен, располагавшихся у северо-восточных границ Римской империи. Подвластные владетельным племенам «рабские» племена нередко переходили границы империи, предпочитая римское владычество господству своих владетельных сородичей или иноплеменных завоевателей. Римляне поселяли их на частновладельческих или государственных землях на положении колонов, присоединяя к этому в пограничных местностях и некоторые охранно-военные функции. Эти рабские племена-перебежчики именовались *dedititii*, по древнеримской терминологии, или леты (*laeti*), согласно тому, как подобные социальные категории именовались в галльско-германской среде (*Amm. Marcell.*, XVI, 11, 4)⁵¹. По Тациту, древнегерманские леты (или альдии) представляли собой порабощенные племена (или отдельных порабощенных людей), находившиеся в рабской зависимости у владетельных германских племен. Однако характер этой зависимости бывал более легким, чем у рабов в собственном смысле слова (*Tac., Germ.*, 25).

⁵⁰ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 170 (ср. с. 22 и сл.).

⁵¹ Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме. М., 1964, с. 103, 121 и 140.

, Лучшему пониманию «рабства» всех скифов по отношению к царю и его дружине может содействовать представление о социальных взаимоотношениях, существовавших в парфянском Иране, как они вырисовывались перед глазами греко-римских авторов. Плутарх (Crass. 21) сообщает, что величайший после царя вельможа **Сурена** предводительствовал десятью тысячами всецело подвластных ему **людей**, среди которых были и всадники и рабы.

Не следует также упускать из виду, что, по **древне** китайским источникам, у гуннов, как и у скифов, существовали «рабские» племена, обязанные царскому племени **данью**⁵².

Картине скифских социальных отношений отнюдь не противоречит рассказ Геродота об ослеплении скифами-кочевниками своих рабов, ухаживавших за скотом и занятых изготовлением гиппаки (IV, 2). Этот рассказ предполагает, казалось бы, довольно жестокую форму рабства, вполне укладывающуюся, однако, как показывают этнографические параллели, в понятие патриархальных отношений господства и рабства. Из рассказа выясняется, что за скотом скифов-кочевников в равной мере ухаживают и рабы и сами скифы. Далее Геродот сообщает нечто весьма характерное для античных общественных отношений: скифские рабы поднимают восстание и вступают в брачные отношения с женами своих **господ** — картина вполне исторически реальная (и она может быть подтверждена сообщениями Диодора, **Юстина** и других авторов относительно сицилийских, итальянских и сирийских общин, где восстания рабов сопровождались захватом имущества, **жен** и детей рабовладельцев). Она оказывается, тем не **менее**, совершенно легендарной в устах Геродота применительно к скифам. Весь рассказ об ослеплении скифами своих рабов понадобился Геродоту лишь для объяснения племенного наименования **Τυφλοι**. В действительности же его необходимо толковать не как «слепые», а с привлечением географических указаний самого же Геродота на то, что потомки «слепых» перекопали рвом Перекопский перешеек, и исходя из схождения к «Всадникам» Аристофана (ad 968), сопоставляющего **Τυφλοι** и **Μολχοι** (т. е., видимо: **Ἰππεμόλχοι**). Первое понимается как племенное **на-**

именование, прилагавшееся к обитателям болотистых
регов Сиваша (τυφλή χωρία) — тафрияи, от ταφρος —
ров (Strab., Geogr., VII, 13, 19) или сатархам (St. Byz.,
I v. Ταφραι), за которыми в древности прочно утверди-
лась слава «доитселей» (Val. Flacc., VI, 145).

В сравнительно недавние времена североафриканские
чьевые племена — туареги, тибуссы и другие — широко
подчиняли как родственные, так и чужие негроидные пле-
менные образования. Владетельные туареги представляли
собой «царское» племя (имаджеги) — т. е., как и у ски-
фов, племя, из которого происходили цари всего племен-
ного союза. Это племя должно было быть наиболее силь-
ным в военном отношении, чтобы держать в подчинении
родственные племена, называвшие себя туарегами же,
во находившиеся у царских туарегов в вассальной зави-
симости и обязанные им разного рода повинностям (имга-
ды). Существовали также племена, завоеванные туарега-
ми и пребывавшие у них в полном подчинении на поло-
рении рабов (бузу и икеланы). И они разделялись на
категории. Среди них были земледельцы (икеланы), по-
саженные на участки и обязанные царским туарегам
значительной долей урожая, и рабы-скотоводы (бузу).
Одни кочевали вслед за царскими туарегами и пасли их
верблюдов и иной необходимый скот, другие жили на ме-
сте и занимались разведением скота, будучи обязаны туа-
регам лишь частью приплода. Вассалы и некоторые кате-
гории рабов имели собственность, в том числе и рабов-ви-
кариев, но не могли отчуждать ее без разрешения владель-
ных туарегов⁵³. Есть данные о том, что тибуссы нередко
калечили своих рабов, занимавшихся уходом за скотом:
рубил им конечности или протыкали ступни ног больши-
ми колючками, чтобы уменьшить их подвижность и за-
труднить им возможность бегства⁵⁴. В системе управле-
ния подвластными племенами туареги широко исполь-

⁵³ Rodd F. R. People of the Veil. L., 1926, p. 142 f.

⁵⁴ Chapelle J. Nomades noirs de Sahara. P., 1957, p. 343 s.
Быть может, документацию подобного же калечения рабов-коню-
хов представляют раннескифские (?) погребения в Саптеш-Векер-
зуте (Венгрия), где вместе с конскими захоронениями находили
доврежденные (лишенные стопы или кисти руки) человеческие
скелеты (Parducz M. Le cimetière hallstattien de Szentés — Veker-
zug. — «Acta Archaeologica Acad. Scient. Hungaricae», 1954, № 4,
p. 25s.}.

зовали их **внутриплеменную** и родовую организацию, которую они лишь ставили под свой контроль.

Значительное единообразие погребального обряда (в его социальном аспекте) на всем пространстве **распространения скифской культуры** позволяет предположить и известную однородность политического устройства и общественных отношений скифских и зависимых от скифов племен. И если С. И. Руденко⁵⁵ на основании изученного им материала констатирует отсутствие данных о рабовладении у скифов Горного Алтая, то он не **отрицает** все же распространения форм домашнего рабства и прочей родственной ему формы эксплуатации под видом родовой «взаимопомощи».

Выше, при рассмотрении истории формирования скифских погребальных обычаев, мы вынуждены были констатировать распространение парных и большого количества совместных (принудительных) захоронений, свидетельствующих о наличии патриархального рабства у всех североазиатских кочевнических племен (или хотя бы у их аристократической верхушки), начиная уже от эпохи бронзы. Такого же рода картину дают и пазырыкские курганы, которые, однако, не были «царскими». (А «царскими» на Горном Алтае С. И. Руденко считает большие **урсульские**, еще никогда не копанные курганы, имеющие до 80 м в диаметре). По этой, вероятно, причине пазырыкские курганы и не содержат захоронений многочисленной челяди, наблюдаемых в царских курганах других скифских некрополей.

Что же касается быта племенной знати, захороненной в **пазырыкских** курганах, то помимо интенсивного скотоводства, он свидетельствует и о развитом ремесле в ши-

⁵⁵ Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время, с. 257. Как мы видели выше, наличие патриархального рабства широко документируется принудительными захоронениями в могилах **андоновской**, карасукской и татарской **культур**. Даже и культура плиточных могил Монголии и Забайкалья знала достаточно развитое патриархальное рабство, нашедшее отражение в погребальном ритуале. Помимо нередких парных разнополюх совместных захоронений, в Западном Забайкалье (**могильники** Саянтуй и Талгой) зафиксированы двойные погребения на разных горизонтах. При этом верхние погребения — скорченные, нижние — вытянутые, что может свидетельствовать о разноплеменности погребенных (Диков Н. И. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Уде, 1958, с. 29).

роких культурных связях, предпосылкой которых должны были явиться такие же отношения господства и подчинения, какие устанавливались между верхушкой кочевнического общества и оседлыми земледельческими племенами и ремесленно-торговыми общинами в других частях скифского мира.

Китайские данные ханьской эпохи, характеризующие быт раннегуннских племен, сообщают о наличии у властителей гуннов большого числа рабов и, в частности, особенно ценившихся иноплеменных (китайских) ремесленников, то ли захваченных в плен, то ли перебежавших от китайцев к гуннам в надежде на менее жестокое рабство⁵⁶. Разумеется, в местностях, столь удаленных от развитых периферийных стран, как Горный Алтай, допустимо предположить менее глубокое разложение патриархально-родового скифского быта, чем это произошло в классической Скифии Причерноморья и Прикаспия. Но этнографические наблюдения недавних лет, произведенные в Юньнани (Юго-Западный Китай) у жителей малодоступной местности в Прохладных горах у верховьев Янцзы (нынешний Нинланский округ) показывают, что в условиях, чрезвычайно благоприятных для консервации примитивного социального быта, до наших дней могли храниться явления, характерные именно для эпохи патриархально-рабовладельческих отношений. Речь идет о социальном строе племени носу⁵⁷, во многом напоминающем то, что неоднократно констатировано этнологией для древних или новых племен, сохранивших патриархально-родовые отношения на стадии их большего или меньшего разложения. Носу в середине 50-х гг. XX в. жили в абсолютной изоляции. Ни китайцы, ни тем более европейцы, не имели возможности для добровольного проникновения в их высокогорные долины с субтропическим климатом. Китайцы (ханьцы) близлежащих низин попадали к носу в качестве добычи в результате разбойничьих нападений, предпринимавшихся носу по временам. Из них преимущественно и рекрутировались свежие контингенты рабов носу, хотя в числе рабов пребывало немало и единопле-

⁵⁶ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов, с. 36.

⁵⁷ Уиннингтон А. Рабы Прохладных гор. М., 1960, с. 53 и сл. Ср.: Народы Восточной Азии. Под ред. Н. Н. Чебоксарова и др. М., 1965, с. 537 и сл.

менников, легко порабощавшихся разными способами по различным поводам.

Культура и жизненный уровень носу были до крайности неразвиты, и рабство мало оправдывало себя экономически. Из технических усовершенствований современной культуры носу знали лишь шомпольное огнестрельное оружие с самодельным порохом и пулями (или дробью), изготовленными из глины. Сельскохозяйственные работы производились самыми примитивными способами и приносили ничтожные урожаи. Носу-рабовладельцы — при всем их аристократизме («носу» означает «черные люди» — «черная кость», что вполне соответствует европейским понятиям «белой кости») и презрению к труду и при наличии десятков рабов в услужении одной семьи — в отношении жизненного уровня мало чем отличались от своих рабов. «Аристократы» не только одевались в грубые ткани и ели грубую и скудную пищу, но и были совершенно безграмотны. Жизнь их проходила в разбойничьих набегах на ханьцев, кровавых межродовых распрях и в курении опиума.

У носу не существовало никакой государственности. Их владетельно-военная аристократия группировалась по родам (большим семьям), отношения внутри и между которыми регламентировались обычным правом. Набеги осуществлялись группами боеспособных лиц, из некоторого числа объединявшихся для этой цели родов, под водительством вождя, власть которого была временной и сугубо личной, основанной на его военных качествах. Относительное богатство имело, разумеется, существенное значение для поддержания авторитета в среде аристократии носу⁵⁸.

Несмотря на столь примитивные общие условия существования, рабство у носу весьма разнообразилось по

⁵⁸ Аристократы племени носу возводили свою родословную, подобно скифской аристократии, к некоему (божественному) предку, по имени Лапудиор, жившему около тридцати поколений назад. У этого первого аристократа было три (четыре) сына. От них происходили владетельные роды носу — буйу, ломх и зеку, — члены которых отказывались вступать в брак с членами родов ваджа и далаху, происходивших, согласно этой легенде, от четвертого (неполноценного) сына того же предка (Уиннингтон А. Указ. соч., с. 55). Следует отметить, что таким образом, и у носу может быть констатирована троичность владетельных родов, характерная для соответствующих скифских (и гуннских) легенд.

р и обнаруживало все его градации, прослеживающиеся в классических рабовладельческих обществах. В самом тяжелом и угнетенном положении оказывались новые, приобретенные путем захвата, рабы-ханьцы. Такие рабы (сяси) были сравнительно дешевы (меновым эквивалентом у носу служило низкосортное серебро в слитках) относились к категории грубо эксплуатируемых домашних рабов. Рабы, насчитывающие не одно поколение своего рабского состояния (ацзя), могли быть выведены на принадлежащий их владельцу земельный участок, с присоужительства с рабыней, но без права сохранения в семье детей, которыми, как, впрочем, и их родителями, всецело распоряжались владельцы. Подобные рабы, если в них появлялся какой-нибудь достаток, могли сами приобретать рабов, с правом их отчуждения. Эти рабы-викарии выполняли работу на господина их непосредственного владельца, тогда как последний приобретал благодаря тому возможность всецело трудиться на самого себя.

Между рабами и владельческими аристократами существовала прослойка крепостных крестьян (шгойно) — обладателей земельных участков, скота и кой-какого сельскохозяйственного инвентаря, которых Уиппингтон называет вилланами-общинниками⁵⁹. Эти вилланы, имевшие тогда и по несколько рабов, были всецело подчинены радетельным аристократам, в закрепощении у которых ни находились. Они были обязаны аристократическим одам военной повинностью, многочисленными сервитутами и баналитетами. Все это дополнялось тем, что как вилланы, так и рабы, владевшие собственностью, обременялись невыплатными долгами с фантастическими процентами, которые их рано или поздно низводили до положения рабов самой низкой категории.

Словом, Прохладные горы дают нам картину общества, как в капле воды, отображающего многообразие и сложность рабовладельческих отношений античного мира. Такие же общественные градации находим мы и в Риме и на его периферии — в Галлии, где Цезарь наблюдал, как один из вождей гельветов, Оргеториг, собрал для своей защиты перед судом народного собрания всю свою «фамилию», состоявшую тысяч из десяти рабов, клиентов и должников (Caes., BG, I, 4). Сходство тем более пора-

⁵⁹ Уиппингтон А. Указ. соч., с. 56,

зительно, что в Прохладных горах мы встречаем совершенно необычные условия замкнутости миниатюрной мирка, содействовавшие, с одной стороны, его консервации, с другой, казалось бы, предоставлявшие ему естественные условия для развития.

Мы остановились столь детально на социальной организации носу потому, что она существовала в условиях догосударственного быта, при сильных патриархально-родовых традициях, действовавших как в низах, так и в верхах этого общества⁶⁰. Позволиительно поэтому думать

⁶⁰ А. Уиннингтон (Указ. соч., с. 70 и сл.) специально останавливается на пережитках матриархата у носу, которые он видит в наличии счета родства по женской линии и в весьма почетном положении матроны, обладавшей определенными правами распоряжаться имуществом. Пережитки матриархата в скифском обществе были усмотрены Б. Н. Граковым (Тузатикократорцевой — ВДИ 1947, № 3, с. 100 и сл.) в явных признаках героизации женщин матрон или жриц в погребальном культе приволжских скифов (савроматов), в чем за ним последовал К. Ф. Смирнов (Савроматы, с. 198 и сл.). А. И. Тереножкин (Об общественном строе скифов, с. 35 и сл.) специально отмечает, что если савроматы именовались у древних авторов «женууправляемыми», то подобные «пережитки для скифов в древней литературе не засвидетельствованы. На этом он отчасти основывает свое мнение о глубоком разрушении родового порядка у европейских скифов. Женщина, захороненная во II большом Тузатинском кургане, в деревянной колоде с вырезанными на ней оленями, занимала, видимо, высокое общественное положение, судя по могильному инвентарю, включавшему 8 конских скелетов (как и могила вождя из I Тузатинского кургана). Это женское захоронение рассматривается С. И. Руденко (Культура населения Центрального Алтая в скифское время, с. 111 ср. с. 237) как доказательство существенных пережитков матриархата у алтайских скифов. Однако, как кажется, приравнение в некоторых случаях женщины к мужчине в военном быту и в культуре, наблюдаемое в Скифии почти повсеместно, характерно именно для патриархально-родовых порядков или их пережитков. Если еще захоронения савроматских жриц (с признаками их героизации и обрядовения под ту или иную ипостась женского божества плодородия корня культа которого уходят в эпоху матриархата) могут свидетельствовать о соответствующих пережиточных явлениях, то само участие скифской женщины в военном быту, — наше дело свое отражение в легендах о царице Томирис, Заринае (Зар) и др., и в погребальном культе, в виде женских захоронений с оружием и с конем, — также мало является пережитком матриархата как и появление на европейских тронах нового времени царствующих особ женского пола. Для осмысления и оценки роли подобных матроны-предводительницы, в рамках имени патриархальных представлений, небезынтересна деталь древнетюркской легенды о

то у азиатских кочевников скифского времени, занимавших степные пространства к северо-западу от Прохладных гор, существовали далеко не всегда археологически уловимые отношения господства и подчинения, во многом соответствующие тому, что мы находим в античных рабовладельческих общинах, но с включением значительных элементов патриархально-родового быта⁶¹. Отсутствие широкого рабского рынка и вообще развитого товарного хозяйства, а также сколько-нибудь определенных проявлений государственности — писанного права, регулярного управления и суда, заменяемого институтом традиционных установлений и кровной мести для их нарушителей, — при сохранении всего этого в общественном быту, патриархально-родовые порядки должны были, естественно образом, удерживаться в полной силе, хотя социальная и имущественная дифференциация глубоко пронизывала многие стороны общественной жизни.

Распространить результаты наблюдений над общественным носу на кочевнические и оседлые племена Центральной Азии в эпоху раннего железа позволяет до некоторой степени и те данные, какие представляет историческая этнография народов Казахстана и Киргизии. Нелегко убедиться, что даже в XVIII в., при господстве феодальных отношений у казахов и киргизов, владельческие

Огуз-кагане, впитавшей многие древнегуннские черты, заключающаяся в том, что его мать именовалась Ай-каган (т. е. «луна-каган»). Имя это, судя по приставке «каган» (хан), — мужская форма имени, бывшего некогда обозначением лунной (женской) ипостаси лунарно-лунарной нары божеств плодородия. В этой связи любопытно превращение Митры в мужское божество, тогда как еще Геродоту известна его женская ипостась под тем же именем Herod., I, 131).

⁶¹ На многие факты скифского рабовладения, фиксируемые лишь археологически и относящиеся к среде рядового населения, до недавнего времени не было обращено при раскопках захоронений необходимого внимания, вследствие чего они и ускользали от наблюдений исследователей В. А. Ильинская («Скифские курганы около г. Борисполя. — СА, 1966, № 3, с. 152 и сл.») на основании раскопок близ Борисполя и у с. Кут Киевской области, говорит о широком распространении рабовладения в среде простых скифов (там же, с. 167) и обращает внимание на несколько случаев ритуальных захоронений (в ногах, в скорченном положении и без приношений) нянек-прислужниц при татях, погребенных в вытянутом положении, с соответствующим инвентарем. Подобные погребения (Сошников курган, кург. № 7, 10, 12 у с. Кут и др.) относятся преимущественно к IV в. до н. э.

ная аристократия, сохраняя в своем обиходе немало черт патриархального быта, господствовала над населением, кочевавшим большими родами или подразделениями родов, которые из-за ограниченности пастбищ эксплуатировали их общинным порядком. Повинности, налагавшиеся на общинников, очень напоминают те сервитуты, какие существовали у цойно (вилланов) Прохладных гор по отношению к владетельным носу. Рабами казахов-общинников распоряжались в конечном счете владетели (султаны), которым принадлежало верховное право на разбойничью добычу⁶². Родовое устройство казахов XVIII в. проступало особенно отчетливо в их военной организации. Члены одного рода собирались под родовым знаменем (значком) и имели свой особый боевой клич (уран). В юридических установлениях сказывались нормы обычного права, кровная месть родственников и т. п. И это тогда, когда имущественные отношения значительно дифференцировались и скот уже был собственностью каждой отдельной (большой) семьи, а пастбищные угодья, как сказано, принадлежали всей общине⁶³.

Рабство еще и в XVIII в. было довольно распространено среди казахов. Градации его были примерные те же, что и у других кочевых и вообще примитивных рабовладельческих общин: рабы в подлинном смысле слова, уши треблявшиеся в домашнем хозяйстве, жившие впроголодь и всецело зависевшие от произвола владельца; рабы, разделенные кибиткой и скотом, с правом брачного сожительства — их уже трудно бывало отличить от свободных, но бедных общинников, обязанных владельному аристократу (бию, султану) всякого рода данями и повинностями⁶⁴. Как видим, картина близка той, которая еще несколько десятилетий тому назад наблюдалась в Северной Африке у кочевых племен и совсем, сравнительно, недавно — в Прохладных горах у носу⁶⁵.

⁶² Вяткин М. П. Батыр Срым. Л., 1947, с. 90 и сл.

⁶³ Там же, с. 87 и сл. Любопытно, что даже при наличии системы выделов сыновей из семьи, скот формально продолжал считаться собственностью всей семьи, а не того лишь, кто фактически пользовался.

⁶⁴ Там же, с. 134.

⁶⁵ Естественно, что работорговля у древних народов Средней Азии, как у носу, и у скифов, была достаточно ограниченной.

И если племенной быт казахов и киргизов XVIII в. не позволяет говорить о сколько-нибудь определенных элементах государственности у них, то, видимо, это тем менее допустимо в отношении скифских «царств» (межплеменных объединений). Вполне вероятно, что скифские области (αρχηαι) и номы соответствовали, как думают А. С. Семейов-Зусер⁶⁶ и М. И. Артамонов⁶⁷, не территориальному, а родо-племенному делению Скифии и

древнее рабовладение в этих странах потому и сохраняло на протяжении тысячелетий патриархальный характер, что раб лишь в редких случаях становился товаром. Скифы не имели покупных рабов, свидетельствует Геродот (IV, 72), что вовсе не означает, будто скифы не продавали своих пленников и своих «рабских» соплеменников на сторону. Свидетельства многих древних авторов (и надписей) о том, что Северное Причерноморье служило одним из значительных резервуаров пополнения рабского рынка греческих полисов, доказывают, что скифские цари вели через черноморские колонии и этого рода торговлю, уподобляясь знаменитому Таманго вождю африканского племени в одноименной новелле П. Меримо, распродавшему европейцам людей своего собственного племени. Достаточно тесные связи скифов с Грецией и Ираном не позволяют рассматривать социальную структуру скифского общества в отрыве от его отношений с этими рабовладельческими странами, для которых Скифия была источником сырья и рабов. Скифия в социальном и политическом отношении напоминала некоторые другие периферийные страны, например древние кельтские общества Западной Европы. Архаичные черты скифского социального строя, в частности, особенности скифского рабовладения, имеют параллели в греческой и итальянской архаике, как и в окраинных странах азиатского мира, от которого все они не только политически, но и социально неотделимы, ибо он весь представлял собой в культурном социальном отношении некое неразрывное целое (ср., однако: Азанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975, с. 133 и сл.), весьма убедительным представляется большой материал, сконцентрированный в книге В. П. Илющечкина (Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970), и свидетельствующий о том, что до перехода к капиталистическому способу производства, т. е. в любом случае до XVIII в., в некоторых странах вплоть до середины XIX в., а в иных чуть ли не до самых наших дней господствовала форма хозяйства, основанного на внеэкономическом принуждении (будь то рабство, крепостничество, данничество т. д., при сосуществовании в различном соотношении указанных способов закабаления). К тому же и работорговля продолжала существовать повсюду, где сохранялось в том или другом виде рабовладение.

⁶⁶ Семейов-Зусер А. С. Родовая организация у скифов Геродота, с. 14.

⁶⁷ Артамонов М. И. Общественный строй скифов, с. 74.

обозначали не территории административных областей, а пространства скифских кочевий. Их можно сравнить с родовыми территориями казахов, служившими для подразделений племени, и с кочевьями отдельных аулов (семейных групп). А. С. Семенов-Зусер предпочитает сравнивать указываемые Геродотом разделения скифов с улусами и аймаками у калмыков XVIII—XIX вв. Та или иначе, скифские номархи Геродота должны соответствовать родовым старейшинам, в руках которых были сосредоточены некоторые организационные и административные функции в военных и гражданских делах, как несомненно, и при отправлении родовых культов⁶⁸. По этому нельзя не признать, что противоречит себе А. И. Те

⁶⁸ Herod., IV, 66, где речь идет о том, что номарх распоряжается религиозной церемонией, к совершению которой допускаются лишь убившие хотя бы одного врага скифы. Подтверждением мысли о родо-племенном, а не о территориальном значении скифских административных делений у Геродота могут служить данные в составе XIII—XIX сатрапий персидского царства (Herod., VI 93 sq.), расположенных на границе с восточноскифским миром. В то время как прочие сатрапии содержат некоторые территориальные наименования, XIII—XIX—одни племенные имена из чего следует, что племена, включенные в них, не занимали определенных территорий и не имели прочной оседлости, а только более или менее закрепленные кочевья.

Конкретней о роли скифских родовых старейшин и их совет при племенном вожде-царе можно судить по родовым старейшинам у гуннов эпохи Моде-шаньюя, из которых каждый имел дружин численностью от двух до десяти тысяч всадников. Совет старейшин избирал шаньюя. Правомочность гуннского племенного совета старейшин, видимо, соответствует правомочности совета старейшин у царских скифов Причерноморья, сместивших, по словам Геродота (IV, 98), царя Скила. Знатные роды гуннов, которых при Мод шаньюе было три — Хуань, Лань и Сюйбу — наследовали определенные общественно-административные функции, судебные и иные (Гумилев Л. Н. Хунну, с. 75 и сл.).

В. С. Таскин, базируясь на свидетельствах китайских историков о Моде-шаньюе, основанных на гуннских легендах, избрав жавших Моде в качестве самовластного владыки, отрицает род племенной характер организации гуннского царства, управляет гося, по его мнению, 24 заместителями, назначавшимися шаньюе. В связи с этим он отвергает мнение С. И. Руденко и Л. Н. Гумлева, полагающих, что гуннская держава Моде представляла собой консолидацию 24 родов. Мнение это, как полагает В. С. Таскин (Материалы по истории сюнну, вып. 2. М., 1973, с. 14 и сл.), основывается лишь на неправильном толковании Н. Я. Бичурин китайского термина «чжан» (правитель), понимавшегося последним как «родовой старейшина». Так или иначе, исходя из этого сви

: **реножкин**⁶⁹, с одной стороны, подчеркивающий устойчивость патриархально-родовой структуры в скифском обществе, а с другой — объявляющий эту самую **родо-племенную** структуру аппаратом скифского государства⁷⁰. Между тем наличие государственной администрации неизбежно приводит к отмиранию родовой структуры, превращающейся в некую фикцию, поскольку наследственных родовых старейшин и племенных вождей в государственном управлении заменяют правительственные функционеры (выборные магистраты или назначаемые властями чиновники).

Необходимость и возможность возникновения государственных форм предполагает наличие товарного хозяйства и финансов, а также письменности, посредством которой фиксировались бы законы, государственные мероприятия и производилась отчетность.

Многое из перечисленного существовало в скифском обществе лишь в зачаточном состоянии. Что касается чеканных денег, то скифский рынок был еще таков, что не испытывал в них нужды, как не испытывала ее и скифская администрация, не производившая значительных платежей, а доходы принимавшая натурой. Находки античных (греческих, иранских, парфянских и т. п.) монет не очень часты в Скифии. Они множатся лишь в римское время. Имена (а быть может, даже и портретные изображения скифских царей) Атея, Скилура, **Инисмея**, **Санита**, Хараспа, Ария представлены на монетах некоторых северочерноморских греческих колоний (Одессы, **Истрии**, **Каллатии**, Том, Тиры и Ольвии). Некоторые из этих имен засвидетельствованы также монументальной эпиграфикой и относятся, вероятно, к Малой **Скифии**⁷¹.

Монеты с именами скифских царей могут быть сопоставлены с монетами некоторых фракийских династов, имена которых фигурируют в нумизматике греческих

ельства, речь все же должна идти, по-видимому, о неких территориях (а точнее, кочевьях), управлявшихся с достаточной степенью автономии.

⁶⁹ Тереножкин А. И. Об общественном строе скифов, С. 44.

⁷⁰ Там же, с. 46.

⁷¹ Фролова Н. А. Монеты скифского царя Скилура. — СА, 1964, № 1, с. 44 и сл.; Тарасюк Л. И. Имена царей Малой Скифии на монетах Добруджи. — КСИИМК, 1956, вып. 63, с. 22 и сл.

центров западных берегов Черного моря. Но все эти монеты — аксессуары государственности чеканивших их колоний, поскольку они удовлетворяли преимущественно их потребности, а не потребности скифов. Легенды же с именами царей и их портреты были эмблемами политического подчинения этих городов скифским царям.

Несколько важнее, видимо, с точки зрения документации хозяйственных отношений колоний и скифской администрации, херсонесские амфорные клейма с легендами $\Sigma\kappa\upsilon\theta\iota\kappa\acute{o}\nu$ и $\tau\alpha\upsilon\rho\iota\kappa\acute{o}\nu$ ⁷², относящиеся скорее всего ко II в. до н. э. Они показывают, надо думать, что некоторая часть изготовлявшегося в Херсонесе вина государственным порядком (вероятно, в качестве дани) поступала в распоряжении скифов (и тавро-скифов) внутреннего Крыма. Упомянутые нумизматические и эпиграфические данные почти всецело относятся к скифскому царству в Крыму — политическому и социальному образованию, в известной степени близкому Боспорскому царству или стремившемуся к нему приблизиться. Во всяком случае, некоторые функционеры этого царства пользовались греческой письменностью и оставили по себе эпиграфические памятники, найденные близ Симферополя **В**

Боспорское царство, как это отмечалось выше, в культурном отношении представляло собой любопытную амальгаму греческого и скифского быта. Курганы боспорской аристократии демонстрируют использование греческих предметов обихода, искусства и культа в скифском быту и в скифском погребальном ритуале: вооружение, украшения, посуда, изображения богов — все это выглядело на Боспоре по-скифски. В могилах боспорской знати можно было найти убитую по скифскому обряду наложницу, лошадей, колесницу, скифское вооружение. Официальные греческие надписи Боспора показывают, что его владельцы были царями окрестных скифских племен и архонтами греческих общин, имевших, видимо (как и в других полуварварских странах Малой Азии и Ирана) известное самоуправление.

⁷² Ельницкий Л. А. О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья.— ВДИ, 1964, с. 13 и сл.

⁷³ IOSPE, I², № 668.

Администрация Боспорского царства представляла собой **сколок** с административного устройства Пергамского **Понтийского** царств: чиновники, назначавшиеся царем, ведали отдельными отраслями управления и отдельными **частями** (**ο επι της Νησου**) или отдельными городами

[царства (**ο επι της Γορτυλλειας; Ἰαρχων Ταναειτων**). Это была настоящая государственная администрация, независимая от каких-либо родо-племенных традиций. В степной Скифии вместо этого при царе, в качестве его эскорта посредников между ним и родо-племенными организациями, стояли, если судить по декрету в честь Протоге-

[74, скриптоносцы (**σκηπτοῦχοι**) — племенные или родо-старейшины. По Страбону (XI, 2, 13), подобные же **скептухи** осуществляли племенную администрацию и на **Кавказе**, под иранским или боспорским началом. Упомянутые выше **эпитропы** (састеры) назначались, вероятно, для управления делами греческих колоний. **Не исключено** что в крупных поселениях (городского типа) внутренней Скифии тоже сидели царские управители — эпитропы.

Вряд ли, однако, эти **элементы** государственной администрации, прослеживаемые у скифов, способны были продолжительное время обеспечивать единство скифских племен в рамках владений царского племени. Сомнения на этот счет подкрепляются более всего тем, что не только греческие колонии, находившиеся под эгидой **Скифского** царства, но и оседлые поселения самих скифов бывали часто обнесены каменными стенами и земляными валами **на** случай внезапного нападения каких-нибудь **кочевнических** орд.

Если для Геродота Скифия занимает пространство от **Цнестра** до Дона, то, как мы видели, из его же изложения выясняются другие границы Скифии, не согласующиеся с ее политическим делением, которое существовало при Геродоте. Археология позволяет внести серьезные коррективы в древние представления о политической географии **Скифии** классического периода, для определения которой **[очень существенно** расположение некрополей «царских» **курганов**. Руководствуясь этой географией, можно наметить несколько центров, объединявших скифские племена Ев VII—III вв. до н. э.: Кубань, Нижнее **Поднепровье**,

Среднеднепровская лесостепь (особенно курганная группа у с. Аксютинцы), Южный Казахстан, Горный Алтай Тува. Названные центры существовали длительное время охватывающее хотя бы частично эпоху расцвета скифской культуры. Кроме них могут быть отмечены центры, существовавшие меньшее время, но, по-видимому, все-таки имевшие большое политическое и культурное значение в истории скифского мира. Это Северный Иран (Саккыз)⁷⁵ Южное Приуралье, Нижнее Поволжье и Трансильвания. Некоторые из перечисленных центров скифского мира угадываются в геродотовом «Скифском рассказе». Так, в Саккызе можно предположить средоточие тех скифов, которые, по словам Геродота, в течение 28 лет господствовали в Мидии и которых знают и по ассирийским источникам⁷⁶. Приднепровье и Кубань следует считать объе-

⁷⁵ Судя по погребениям на Геой-тепе, относящимся к слоям С и В (конец II — начало I тыс. до н. э.), разложение родовых отношений зашло в Северном Иране (на территории позднейшей Мидии) к этому времени уже достаточно далеко, как, впрочем, и в других местах Прикавказья. В названном пункте есть каменные ящики, содержащие до двенадцати скелетов, из которых один в вытянутом положении и с сосудом под головой, другие скорченники (некоторые в сидячем положении по углам) без приношений. Погребальные памятники Азербайджана (ганджа-карабахская культура) и Армении (Нагорный Карабах и Гироваканский район) имеют близкие аналогии описанным захоронениям, в которых различные положения костяков, погребенных в одной могиле, свидетельствуют несомненно, о различной социальной (а также, вероятно, и этнической) принадлежности погребенных (Burton Brown T. Excavations at Azerbaijan. Chicago, 1948, p. 69; Дьяконов И. М. История Мидии. Л., 1956, с. 120).

⁷⁶ О скифском царстве, возникшем в VII в. до н. э. в Прикавказье на территории Мидии (преимущественно в Мидии Атропате-пе), благодаря сообщениям о нем Геродота и отрывочным ассирийским данным, известны некоторые подробности. Царство возникло на основе объединения (соподчинения) по крайней мере двух этнических элементов: автохтонного — маннеев и пришлого — киммерийско-скифского, в составе которого находились и мады, давшие имя позднему Мидийскому царству. Вождем скифского царского племени был Прототий (Herod., I, 103), который отождествляется с Партагуа, вождем Umma manda. Его сменил сын его Мадий, в царствование которого мидийский вождь Киаксар изгнал владетельных скифов из Мидии, после их 28-летнего господства. Существование мидийско-скифского царства отражено в отрывочных свидетельствах других греческих и латинских авторов: Ксенофонт знает племя скифинов на Кавказе (Xenoph., Anab., IV, 7, 18); Диодор говорит о скифах, живших в долине Аракса; Плиний называет племя сакасанов в Армении — наименование, которому соответствует Сакасена у Страбона (Geogr., VII, 7, 2) — область, локализуе-

диненными в VI—V в. до я. э. под эгидой царских скифов-сколотов, имевших свой царский некрополь в Герресе (Прикубанье).

Центру «Старой Скифии» Геродота, вероятней всего, соответствует Трансильвания, а резиденцию восточных скифов, отделившихся от скифов царских, необходимо усматривать, очевидно, в Казахстане. В какой-то степени ЭТИМ (намечающимся по археологическим данным) политическим группировкам скифских племен должны соответствовать известные из надписей Ахеменидов наименования: саки амиргские, тиграхауда, заморские и «те, что а Согдом».

Грабительские набеги, составлявшие одну из непрерывных форм хозяйствования у среднеазиатских племен еще и в XVIII в.⁷⁷, вероятно, гораздо шире практиковались у скифов, о чем хорошо известно из Геродота и Страбона (Herod., III; 106; Strab., Geogr., VII, 4, 6). Скифские цари, видимо, менее всего бывали в состоянии удерживать подвластные им племена от подобных грабительских набегов, особенно если эти племена бывали вынуждаемы к тому крайними обстоятельствами (падежом скота и т. п.). Судя по поздним данным, относящимся к истории сармато-германских племен первых столетий н. э., а также по историко-этнографическим параллелям, поработанные племена нередко находили силы для оказания сопротивления и освобождения от власти своих поработителей и для возобладания над ними. Так племена, принявшие имя сарматов, победили скифов, а гуннские племена —

мая именно в Армении. Скифское царство представляло собой такую политическую силу и являло такую угрозу для Ассирии, что Протогий мог претендовать на руку ассирийской принцессы. Судя по отрывочным ассирийским и греческим данным, киммерийцы и скифы на протяжении VII в до н. э. продолжали играть активную политическую роль в Передней Азии, союзничая или соперничая с Мидией, Урарту и Ассирией. Археологические следы присутствия киммерийцев и скифов на Кавказе и в Прикавказье разнообразны и многочисленны. В особенности же ярки и многозначительны находки в царском кургане Саккыза (или Саккеза) — пункте, сближаемом своим наименованием опять-таки со скифами (саками). Именно здесь, в связи с содержанием так называемого саккызского клада, Р. Гиришман предполагает столицу скифского царства Протогия и его сына Мадия (Ghirshman R. Le trésor de Sakkez. — «Artibus Asiae», 1950, vol. 13, № 3, p. 201).

⁷⁷ Вятка М. П. Указ. соч., с. 75.

юэ-чжей, усунь — саков. Пересказанная Геродотом в двух вариантах легенда о том, как **аримаспы** потеснила исседонов, исседоны — скифов, а скифы — киммерийцев (IV, 13), наверное, порождена была известиями о подобных реальных трансформациях в скифском мире⁷⁸.

Слабость скифской администрации объясняется неадекватностью государственных учреждений, чему вполне соответствовала сила родо-племенных традиций, господствовавших в делах войны и мира. При всей власти, которой располагали скифские цари из династии Ариапейта, они зависели от родо-племенных старейшин, обладавших правом сместить одного и избрать другого царя (из той же династии). Подобный вывод напрашивается из упоминавшейся уже истории царя Скила (Herod., IV, 98).

Скифский царь, видимо, призван был судить своих **дружинников** — воинов своего племени (Herod., IV, 65). Вообще же подобными делами ведали жрецы-гадатели, происходившие, должно быть, также из одного племени (или рода), о чем можно догадываться по рассказам, связанным с энареями — анариакими (Herod., IV, 67;

⁷⁸ Упомянутая выше легенда о восстании «слепых» рабов скифов царских (*Τυφλοί* — Herod., IV, 3) имеет в своей основе, очевидно, подобный же факт попытки высвобождения порабощенного племени из-под власти поработителей. На основании данных Домития Каллистрата, Геродотовы *Τυφλοί* — не кто иные, как сатархи (или сатархеи — *Σαταρχαίοι*) более поздних авторов. Одна из упомянутых выше симферопольских надписей содержит вотив Посидея сына Посидел за победу над пиратствующими сатархами (*IOSPE*, P, № 672). Надпись служит доказательством того, что во II в. до н. э. сатархи были уже не подвластны крымско-скифскому царству. Не исключено, что и сохраненная Диодором легенда об уничтожении **палеев** напоями отображает некий эпизод аналогичной социальной борьбы. Косвенным доказательством **наличия** постоянной почвы для этой борьбы может служить сравнительное обилие коллективных (парных и более) принудительных захоронений в скифских курганах. Постепенный рост такого рода захоронений в курганах Киевской обл. отмечает П. Д. Либеров, ссылающийся при этом на «статистические данные» (Либеров П. Д. Скифские курганы **Киевщины**. — КСИИМК, 1949, вып. 30, с. 97). Подобное наблюдение было бы ценно для характеристики социальной эволюции скифского общества, если бы можно было признать правомерной статистику, основанную на весьма неполных и в значительной мере случайных данных, какими располагает археология. Кроме того, общая тенденция, устанавливаемая из наблюдений, касающихся различных культур и широких территорий, свидетельствует скорее об обратном.

Strab., Geogr., IX, 8, 8). И хотя в имущественном отношении внутри племен и родов наблюдалась (как подтверждают археологические и письменные данные) резкая дифференциация — в отношении социальной и политической организации продолжали действовать нормы, существовавшие в общине, основанной на кровнородственных связях и родовой (большесемейной) собственности.⁷⁹

Поэтому вновь противоречит себе А. И. Тереножкин/отмечающий крепость внутриродовых связей и родовой структуры, на которой держалась военная организация скифов, и в то же время считающий чистой фикцией родо-племенные нормы, касающиеся собственности, юридических отношений и т. п.⁷⁹. Родо-племенные правовые нормы не могли в скифском обществе обратиться в фикцию — уже потому, что их нечем было бы заменить в случае их отмены. Скифская культура на всем протяжении ее истории оставалась бесписьменной и фиксация обычного

⁷⁹ Для подтверждения своих мыслей о разложении и исчезновении общинных отношений А. И. Тереножкин (Общественный строй скифов, с. 46 и сл.) прибегает к Лукиану, писавшему во II в. н. э. и интересовавшемуся к тому же не столько исторически, сколько морально-религиозными проблемами. Поэтому, когда Лукиан (Токсарис, или о дружбе, 13) сообщает, например, о скифе Абавах, прибывшем в Борисфен (Ольвию) с семьей, состоявшей из жены и двоих детей, то этому вряд ли можно верить с историко-социологических позиций. В данном случае Лукиан был заинтересован вовсе не в том, чтобы хоть сколько-нибудь точно охарактеризовать реальные семейные отношения в скифской среде, а хотел представить Абавах в кругу семьи, самой обычной (по составу) для бедных италийцев или греков из числа городских жителей своего времени. Мало того, что с такой семьей скиф, пребывающий в нормальных для него условиях, был бы лишен возможности прокормиться, он был бы совершенно незащищен в случае посягательства с чьей бы то ни было стороны. Свое прокормление и свою защиту скиф мог обеспечить только с помощью собственности и правовой силы большой семьи или рода, обязанных стать на его поддержку.

Совершенно иначе выглядит другое сообщение Лукиана (из того же диалога), в этнографической подлинности которого трудно было бы усомниться из-за оригинальности и необычности для греко-римских условий. Речь идет о скифском обычае организации военной экспедиции, будущие участники которой становятся на воловью шкуру, разостланную зачинателем похода. Эта сценка сразу напоминает соответствующий обычай северо-американских индейцев: желающий начать какое-либо военное предприятие разводит костер и начинает исполнять вокруг него военный танец, к которому постепенно присоединяются, на добровольных началах, другие участники похода (Морган Л. Древнее общество. Л., 1934, с. 70).

права — с чего начинается создание государственного права и юридического аппарата — не могла быть осуществлена. Известно, что агафирсы «пели» свои законы. Это означает, что их юридические нормы облекались в метрическую форму и выучивались наизусть. Такими же, вероятно, были законы и у других скифских племен⁸⁰.

Уже говорилось, что использование греческой письменности было очень ограниченным у скифов (как, впрочем и у фракийцев) и имело значение более для греков — в осуществлении их скифских связей — чем для самих скифов. Но есть признаки существования идеографического скифского письма, развившегося, возможно, из символических знаков, представлявших собой первоначально не что иное, как родовые и племенные тамги. Подобные значки фигурируют иногда на надгробиях, керамике и других предметах, находимых при раскопках северочерноморских греческих городов, где они, несомненно, — принадлежность и проявление деятельности культурного характера местного скифо-сарматского населения.

Судя по тем предметам, на которых встречаются подобные знаки, их необходимо относить к эллинско-римскому времени. Символический характер этой эпиграфики определяется тем, что нет надписей, содержащих большое количество знаков. Предшественниками этих, как их нередко именуют в литературе, «сарматских» знаков⁸¹, были, видимо, знаки-тамги, обнаруженные на сосудах позднесрубной культуры⁸².

⁸⁰ Сообщение Аристотеля (Problem., 19, 28) о том, что агафирсы пели (говорили стихами) сохранившиеся в памяти их жрецов законы, в виду близкого родства быта агафирсов и скифов и значительной общности их социальных условий, должно быть несомненно распространено и на прочие скифские племена (ср.: Patsch C. Die Völkerschaft der Agathyrsen. — «Anzeiger der Wiener Akademie. Philologisch-historische Klasse», 1925, S. 69 f.).

⁸¹ Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

⁸² Графические знаки, принимаемые некоторыми исследователями за идеограммы, встречаются на сосудах позднесрубного типа, в частности на поселении Обиточная 12, в Приазовье (Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. — ВДИ, 1953, № 1, с. 193). В культурах, предшествующих скифской в Причерноморье, на памятниках эпохи бронзы встречаются знаки, принимаемые нередко за идеограммы. Так, в кургане у с. Рубцы Краснотиманского р-на Донецкой обл., во впускном погребении, относящемся к эпохе поздней бронзы, на сосуде — формы, близкой к баночной, — по венчику нанесены прямолинейные знаки, толкуе-

В качестве образцов скифского же письма, относящихся к еще более раннему времени, должны быть представлены две эпиграфические находки, сделанные в Северном Иране и на Кубани. Речь идет о надписях, **исполненных** иероглифическим письмом, из которых одна найдена в Саккызе и начертана на серебряном блюде. Она **относится**, таким образом, ко второй половине VII в. до п. э.⁸³ Другая, начертанная на камне, обнаружена близ Майкопа и связывается опубликовавшим ее Г. Ф. Турчаниновым древнефиникийским иероглифическим письмом. **Насколько** известно, попыток прочтения саккызского текста еще **не было**, а прочтение кубанской надписи, во всяком случае, **нельзя считать окончательным**⁸⁴.

Скифские царские племена паразитировали не только за счет эксплуатации кочевых или оседлых скотоводческих и земледельческих племен, но в какой-то степени и за счет периферийных рабовладельческих государств, с которыми у них существовали довольно сложные отношения, но так или иначе те государства бывали вынуждены откупаться более или менее явной данью. Связи Скифии с Китаем, Северной Индией, Ираном и Грецией выражались в культурном, социальном и политическом взаимовлиянии. Скифия представляла собой немаловажный резервуар для пополнения рабского рынка Ирана и греческих полисов. Как мы помним, индусы называли своих рабов даза (т.е. скифским племенным именем даев). У китайцев имена некоторых подвластных им или же гуннам племен получили приставку цзы, обозначающую зависимое,

мье М. В. Сибилевым как письма. (Сибилев М. В. Стародавняя посуда из «письменами». — «Археология», 1952, № 6, с. 139 и сл.). В некоторых наскальных изображениях на Енисее, например, в изображении в Кизил-Кая, у с. Кобылково, на р. Уйбат, может быть усмотрена, по мнению А. М. Тальгрена, некая пиктограмма ритуального характера: олень влечет сани с сидящим на них человеком; далее всадник, с головным убором в виде расходящихся лучей и, может быть, с луком и горитом. Близ оленя изображены два бронзовых котла скифо-сибирского типа, затем — три человека перед таким же котлом, снова всадник, подобный изображенному раньше, вновь двое по сторонам котла, большая пешая фигура с железом в руке, и наконец, опять человек у котла (Tallgren A. M., Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures. — ESA, 1933, vol. 8, p. 175, fig. 8).

⁸³ Ghirshman R. Le trésor de Sakkez..., p. 188, fig. 11.

⁸⁴ Турчанинов Г. Ф. Древнейший письменный памятник Кавказа. — ВДИ, 1965, № 3, с. 97 и сл.

рабское состояние (например, цзилу китайских источников)⁸⁵. Эти обозначения не всегда, по-видимому, имели реальное значение, и даже имея, вероятно, утрачивали его со истечением некоторого времени. Владетельные восточноскифские племена, со своей стороны, как уже говорилось уводили в рабство,— это известно доподлинно в отношении ранних гуннов,— китайских ремесленников. Перебегала к ним и просто китайские рабы, в расчете на менее тяжелое гуннское рабство⁸⁶. Известие, почерпнутое из Ктесия (Pers., 29, 17), гласит, что северомалоазийский (даскилийский) сатрап Ариарамн по приказу Дария совершил морской рейд к скифским берегам на военных, видимо, греческих, судах и вывез из Скифии (вероятней всего с Кавказа) пять тысяч рабов и среди них некоего Марсагета (Массагета?)— брата скифского царя. Этот рейд рассматривался в качестве рекогносцировки перед скифским походом Дария⁸⁷. Не исключено, что и поход, предпринимавшийся, судя по геродотовым сообщениям, с двух сторон: из Фракии и через Кавказ — имел в виду прежде всего четвероногую и двуногую добычу.

Упоминание — в составе ли восточноиранских сатрапий, в составе ли войска Дария и Ксеркса — индо-ирано-скифских и кавказско-скифских племен свидетельствует о зависимости их от ахеменидской державы. Разумеется, участие некоторых из этих племен в походах Дария и Ксеркса в Грецию стимулировалось, надо думать, не столько этой зависимостью, сколько возможностью грабежа, с наперед выговоренной у персов долей добычи. Уже отмечалось, что китайцы и иранцы перенимали скифскую конную военную сноровку, а скифские владетельные племена заимствовали некоторые приемы китайской и иранской государственной администрации. Так, назначение скифским царем правителей из числа близких или подвластных ему лиц, несомненно, было плодом использования иранского и китайского обыча.

Из Геродота знаем, кроме того, что иранская администрация, с целью удержания в повиновении подвласт-

⁸⁵ Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов, с. 60

⁸⁶ Там же, с. 36.

⁸⁷ В качестве вероятной причины похода Дария против причерноморских скифов М. И. Ростовцев указывает на стремление к захвату и подчинению персидской державе греческих колоний (Ростовцев М. И. Эллинизма и иранство на юге России, с. 41).

ных ирано-скифских земледельческих племен, строго регламентировала пользование водой через ирригационные каналы (Herod., III, 117). Наличие древних ирригационных устройств в Хорезме и в Минусинской котловине, относящихся к скифскому времени, предполагает как (применение рабского труда при их сооружении и поддержании, так и административного контроля, подобного персидскому, над их использованием.

Эксплуатация оседлых земледельческих и скотоводческих племен достаточно рано интенсифицировала их хозяйственную деятельность и способствовала обострению у них социальной дифференции в большей мере, нежели у самих владетельных кочевников. Этому содействовало резкое обособление земледелия и пастушества, а равно и выделение ремесел (в частности, металлургии) [в особую отрасль хозяйствования.

На поселениях Северной Бактрианы, при раскопках городищ Гяур Кала, Афрасиаба и Калаи Мир⁸⁸, а также и в самой Бактре⁸⁹, начиная с древнейших — относящихся к VII—VI ст. до н. э. — слоев, найдены памятники земледельческой культуры, основанной на искусственном орошении. Сами же поселения (по остаткам их архитектуры) обнаруживают признаки городского быта. Эти признаки указывают на социальное развитие, соответствующее классовому обществу, поскольку все названные виды хозяйства должны были уже принять товарный характер, а производство товаров, как и эксплуатация оросительной системы, требовали широкого применения рабского, вообще подневольного труда.

Таковы же крупные скифские поселения на Нижнем Днепре, и в первую очередь Каменское городище близ Никополя, с его остатками металлургического производства, предполагающими существование большого ремесленного квартала. Остатки значительной каменной архитектуры на названном и на некоторых подобных городищах, заставляют думать о приближении этих своеобразных поселений — с их цитаделями, двойными и более линиями оборонительных сооружений — к типу городских

⁸⁸ Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. — СА, 1954, № 19, с. 121 сл.

⁸⁹ Schlumberger D. La prospection archéologique de Bactres. — «Syria», 1949, N 26, p. 173.

обиталищ, служивших, однако, средоточием и укрытием для сельскохозяйственного населения и его обширных стад.

Если в Средней Азии и Северном Иране, а **может** быть, и в Северном Причерноморье подобные пункты служили огромными конными заводами для Китая, Ирана, Македонии и т. д. (как поселения на территории **Да-хья** — позднейшей **Ферганы**⁹⁰, — **Несея** и **Луристан**⁹¹) то жители небольших поселений (во множестве расположенных по течению Буга, Днепра, Дона и Донца) поставляли товарное зерно для экспорта в страны Эгейского бассейна. Хотя во времена Геродота Аттика еще не жила за счет северочерноморского зерна, Геродот говорит **уже** как известно, о скифах-земледельцах, производящих зерно не для собственного употребления, а для продажи (IV, 17).

Лесостепные городища на Среднем Днепре и его притоках — многие еще доскифских времен — также обнаруживают признаки интенсивного развития ремесел, земледелия и скотоводства. Знаменитые большие городища на Тясмине, Ворскле и Суде — Шарповское, Вельское, Басовское и другие — похожи на Каменные кучугуры по размерам и по плану, но отличаются от них преимущественно отсутствием каменной архитектуры и следов столь же интенсивной, как на Каменском городище, ремесленной деятельности. Характерные для этого **типа** городищ **зольники** — скопления хозяйственной (а вероятно, и культового происхождения) золы и остатков жертвоприношений — включают названные среднеднепровские городища в круг памятников, широко **распространенных** по причерноморской Скифии (от Северного Кавказа до Поднепровья), являющихся **красноречивейшей** иллюстрацией единообразия родового (**большесемейного**) быта, с его

⁹⁰ Выбитые на скалах изящные силуэты **благородных** древнеферганских лошадей (аргамаков) были **обнаружены** в горах Айрымачтау близ г. **Оша** (**Массон** М. Е. Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала. — КСИИМК, 1940, вып. 4, с. 53).

⁹¹ В. Ф. Минорский (Луристанские бразы Ти касситы. — ВДИ, 1959, № 1, с. 220 и **сл.**) полагает, что знаменитая **Несея** (**Νησαία**) находилась именно в Луристане, и лишь по ошибке наименование это связывалось с закаспийской Несей. Страбон (XI, 13, 7) называет эту долину **Ἰπλοβότος**.

непременным общим очагом — средоточием домашней жизни и домашнего культа.

Лесостепные и среднеднепровские городища и их некрополи очень насыщены импортными греческими вещами — настолько, что И. В. Фабрициус⁹² утверждала, будто Галущинское, Шарповское, Макеевское и Будянское городища это и есть прославленный и таинственный город Гелон в стране будинов, за деревянными стенами и в деревянных сооружениях которого обитали греки и говорившие на греческом языке гелоны. И. В. Фабрициус исходила, частности, из того, что могильные инвентари некрополя в урочище Криворуково (на р. Тясмине), расположенного близ названных городищ, в некоторых случаях содержат одни лишь греческие вещи — свидетельство, по ее мнению; чисто греческой культуры погребенных⁹³.

Выше были приведены соображения, на основании которых пресловутый Гелон уместнее искать на Кавказе, в районе Колхиды, где в соответствующих описаниях Геродота природных условиях древность знала деревянную архитектуру (деревянные укрепления и жилые постройки дрилов и моссиников) и где ранняя (не позднее V в. до н. э.) нумизматика греческого образца позволяет предполагать совместные поселения греков и эллинизированных местных жителей, подобно тому как это имело место в Синдике (на востоке Боспора), в районе Ольвии (быть может, и в некоторых других местах Причерноморья и Кавказского побережья). Раскопки в Ваши⁹⁴, на берегу Риона выше Самтреди, на месте древнего укрепленного поселения, процветавшего уже в эпоху бронзы и (при насыщенности греческим и эллинизированным материалом) свидетельствующие также о местном сельском хозяйстве и металлообработке, наилучшим образом дополняют и конкретизируют картину. В условиях подобного городского быта, предполагавшего значительное разделение труда и относительно высокую степень товарности хозяйства, социальная дифференциация должна была зайти несколько дальше, чем у владетельных кочевнических племен, эксплуатировавших эти сель-

⁹² Фабрициус И. В. До питання про топографізацію племен флі. — «Археологія», 1951, № 5, с. 71 и сл.

⁹³ Там же, с. 70 и сл.

⁹⁴ Хюшгария Н. В. Вани. — СИЭ, т. II, 1962, с. 955 и сл.

скохозяиственные, промышленные и торговые поселения

Неравномерность развития кочевнических и оседлых элементов скифского общества, известная противоположностью интересов между ними — при их достаточно тесной связи — находила выражение, в частности, в инвективах Авесты против злобных божеств и чудовищ туранского мира, в самом противопоставлении двух миров: оседлого земледельческого Ирана и мятущегося, дикого Турана. Эпические отзвуки этого звучат еще в знаменитой поэме Фирдуси «Рустем и Зораб», а борьба двух противоположных миров прослеживается на протяжении всей истории ахеменидского Ирана и эллинизированных государств, возникших на его развалинах.

Наряду с противоположностями существовали и нерасторжимые связи. Не будет преувеличением сказать, что оба мира не могли обойтись один без другого, и что поэтому историю скифов нельзя себе представить без их отношений с периферийными рабовладельческими странами⁹⁵. Как капиталистический мир невозможен без слаборазвитых обществ, так и развитые рабовладельческие страны теснейшим образом взаимодействовали с кочевническим миром Северной Евразии. Скифские царства, не создавшие собственной государственности в полном смысле этого слова, были, тем не менее, неотъемлемой частью рабовладельческого мира, активно взаимодействуя с его разнохарактерными государственными образованиями.

Степное скифское общество, как можно было убедиться, обладало недостаточно отчетливым разделением на классы, когда подавляющая масса населения жила еще в условиях родового быта, а рабовладельческая верхушка, представленная прежде всего царем и его дружиной, была незначительна, формы же рабовладения и вообще хозяйствования были лишены интенсивности и товарности. Геродот и другие более поздние греческие авторы старались представить его своим читателям в виде восточно-рабовладельческого царства, вроде убудочного царства

⁹⁵ О степени разложения родовой организации у верхушечных слоев скифского общества в эпоху эллинизма можно отчасти судить по китайским свидетельствам эпохи хань о быте владетельных усуней. Усунские гуньмо (например, Цилими-гуньмо) установили частную собственность на скот и землю. Некоторые владетельные усуньи имели в личной собственности 4000—5000 коней.

Ахеменидов, официальным политическим документам которого они были обязаны некоторыми своими сведениями о скифах, полученными ими, конечно, далеко не из первых рук.

Скифские государственные образования, оформившиеся в виде племенных союзов, были еще примитивны и неолговечны. Они основывались на подчинении пастушеских и земледельческих племен могущественным в военном отношении «царским» племенам, вожди которых считали себя царями всех племен, входивших в общескифские союзы. Соответствующая идеология, утверждавшая божественное происхождение царской власти и самих царей, находилась еще в стадии оформления, демонстрируя множественностью легенд, построенных на символическом истолковании различных племенных имен, многообразии царств и царей внутри евразийского скифского мира. Скифское царство в том виде, в каком изображает его Геродот, существовало реально, возможно, несколько позже, в эпоху Атея, которому как будто бы действительно удалось объединить под своей властью обширную скифскую территорию, укрепить скифское государство и с успехом противопоставить его мощь македонского государства времен Филиппа II⁹⁶.

Из приведенной в рассказе Приска Панийского легенды о найденном Аттилой священном мече, в котором вождь гуннов видел символ божественности своей власти, явствует, что культ аресова меча, засвидетельствованный Геродотом для скифских племен, известный также и у сарматов (Luc, Tox., 38) и у алан (Amm. Marcell., XXXI, 2, 23), в эпоху Атиллы был уже не общеродовым или общеплеменным культом, а прерогативой самого царя.

Этом факте следует, наверное, видеть отражение той волюнции, которая совершилась в причерноморских степях за тысячу лет от времен Иданфирса до времени Аттилы, царство которого также еще, как и государство кифов, базировалось на союзе племен, сложившемся, однако, уже на несколько иной социально-политической основе. Так или иначе, легенда об аттиловом мече — от-

⁹⁶ Граков Б. Н. Каменное городище на Днепре, с. 20 (ср.: Гереножкин А. И. Об общественном строе скифов, с. 33 и сл.; Шеллов Д. Б. Царь Атей.— «Нумизматика и сфрагистика», Киев, 1965, вып. 2, с. 16 и сл.).

ражение процесса усиления царской власти, стремившейся в данном случае не только подчинить себе политические и идеологические проявления активности племенной аристократии, но и освятить их превращение в прерогативы царя.

Раскопки на территории Румынии и Болгарии подтверждают определенную экспансию приднепровской скифской культуры в юго-западном направлении. Анализ находок заставил М. И. Ростовцева высказать мнение, согласно которому скифская культура проникла на болгарскую почву из Среднего Поднепровья, и преимущественно из Полтавской области⁹⁷.

Подобные рейды скифских конников к берегам Эгейского моря известны еще со времен Геродота, сообщавшего о том, что Алкивиад-старший был вынужден покинуть Византий под напором скифов (Herod., IV, 40). Предполагать возможность проникновения северо-восточных кочевнических элементов к берегам Пропонтиды еще и в VII в. до н. э. позволяют скифские племенные имена (и прежде всего имя саев), засвидетельствованные у северных берегов Эгиды, однако наиболее интенсивное проникновение скифских культурных элементов к югу от Нижнего Дуная приходится на IV ст. до н. э., т. е. как раз на время царя Атея, объединившего и мобилизовавшего для своих предприятий значительные скифские контингенты в Северном Причерноморье.

О том, что политические интересы Атея были связаны не только с Добруджей, но и с территориями к югу и к западу от нее, показывают его столкновения с трибаллами и с Македонией. Об этом же говорят и каллатийские монеты с именем и конным изображением царя Атея⁹⁸, показывающие, во всяком случае, что Каллатия какое-то время находилась в сфере его политического влияния. Относительно экономического значения этих монет можно лишь повторить то, что было сказано уже о монетах Ольвии с именем и изображением Скилура: их хозяйственное

⁹⁷ Rostowtzev M. *Skythien und der Bosphorus*. Berlin, 1931, о. 333 I.

⁹⁸ Анохин В. А. Монеты скифского царя Атея. — «Нумизматика и сфрагистика», Киев, 1965, вып. 2, с. 3 и сл. Относительно предположения этого автора, что два типа монет Атея имеют в качестве места их чеканки Гераклею Понтийскую, ср. замечания Д. Б. Шелова (Царь Атей, с. 36, прим. 86).

рачение вряд ли выходило за пределы греческой торговли на побережье.

Царские курганы, в частности курганы вождей и владетельной аристократии «скифов царских», содержат ряд обрядовых признаков, которые в известном смысле можно принять в качестве племенных и социальных примет. Установлено с некоторых пор, что царские и владетельно-аристократические захоронения в причерноморских степях в V и IV вв. до н. э. производились достаточно часто в подкурганных катакомбах, развившихся, вероятно, из подбойных и катакомбных могил казахстанских I приволжских скифских кочевников. Этот обряд погребения, распространенный в указанное время, встречался спорадически и на Среднем Днепре в курганах воинов (видимо, как заимствованный из степи).

Однако если Геррос действительно находился в Приубанье, катакомбные захоронения не были обрядом, искони характерным для скифов царских, поскольку ни кермесские, ни ульские, ни другие царские курганы Приубанья катакомб не содержат, как, впрочем, не знает их Геродотово описание скифского погребального обряда, относящегося к тому времени, когда в Приднепровье уже вытывали курганы с катакомбами.

Хотя в погребальном обряде и заупокойном культе скифской владетельной аристократии много заносных, рано-малоазийских черт, нет оснований думать, что скифский аристократический погребальный обряд и скифский звериный стиль были в готовом виде принесены

Причерноморье и Сибирь из Передней Азии изгнанными оттуда, согласно сообщениям Геродота, скифами после 28-летнего их господства в Мидии и еще более длительного пребывания (по Страбону, не менее ста лет) в Малой Азии.

Геродотов рассказ об этом представляет собой далекое от подлинного историзма легендарное осмысление некоторых событий, совершившихся задолго до его времени, сообщения о которых дошли до него традиционным порядком.

Если в келермесских и в Мельгуновском курганах содержатся предметы переднеазиатского ремесла и искусства (как и в кургане на р. Калитве), то их, несомненно, принесли с собой в Причерноморье и Приазовье живые люди. Но это не исключает органического развития

местной культуры, которую **нельзя** целиком **получить** в готовом виде извне. Однако некоторые **исследователи** склонны допустить, что скифы почти начисто отсутствовали в Причерноморье в VII ст. до н. э., будучи увлечены своими вождями в Переднюю и Малую Азию, откуда возвратились они **только** на рубеже VII—VI вв. до н. э.

Навеянное полулегендарными сообщениями Геродота определенным образом упрощавшего и стилизовавшего свой рассказ, **мнение** это было поддержано М. И. Артамоновым и Б. Н. Граковым, настаивавшими на том, что древнейшие скифские погребения Причерноморья, — вообще известные в очень малом числе, — не древнее самого конца VII в. до н. э. Однако наблюдения недавнего времени, особенно соображения В. А. Ильинской⁹⁰, объясняют факт пустоты степных причерноморских пространств в архаическую эпоху тем, что скифские памятники VII—VI вв. (лишь в очень небольшом количестве встреченные на Нижнем Днепре, Нижнем Дону и в Крыму, при полном отсутствии их в степи) представлены достаточно **богато** в лесостепной полосе, где сосредоточивалось оседлое население того времени. Степные же пространства осваиваются скифами не раньше V и IV вв. до н. э. — время, к которому относится наибольшее количество степных скифских **курганов** (гораздо меньше их в лесостепной полосе). Эти-то курганы и содержат преимущественно памятники, наиболее ярко отражающие быт, обряды и искусство скифской владетельной аристократии.

При значительном разнообразии местных вариантов скифской и периферийных культур, связанных со скифской, выступают вполне определенно черты, наиболее характерные для скифского погребального обряда. Существенные детали погребального культа скифской аристократии отчетливо представлены Геродотом и убедительно подтверждены данными курганных раскопок на всей территории распространения скифской культуры — от границ Китая и Ирана до придунайско-балкапских стран. Скифский погребальный обряд складывался из элементов, присущих быту и верованиям древнейших скотоводческо-кочевнических племен, живших в степных пространствах Евразии. Первые, наиболее отчетливые признаки этого об-

⁹⁰ Ильинская В. А. Скифы днепровского **лесостепного** левобережья. Киев, 1968, с. 174.

ряда — подкурганные захоронения в сооружениях, воспроизводящих кочевническое переносное жилище (юрту-шатер), — появляются уже в эпоху бронзы (на довольно ранних стадиях). К этому присоединяется обычай совместного ритуального захоронения жен (наложниц), слуг (рабов) и коней (без которых немислима была бы скифская культура). Не менее своеобразны предметы вооружения и конской сбруи (как и погребальные колесницы), обычно изукрашенные в зверином стиле изображениями, соответствующими магическим и религиозным представлениям.

Им, несущим в себе значительные пережитки тотемического мышления.

В состав скифского могильного инвентаря входили предметы бытового обихода (для создания необходимого погребного комфорта), вещи, подчеркивающие общественное достоинство погребенного, и священные атрибуты, символизирующие сверхчеловеческие качества, приобретенные смерти.

Героизация и обожествление умершего вождя-жреца (шамана), отчетливо выраженные в мифологии древних народов Средиземноморья, не менее распространены были народов Южной Азии и Сибири, что устанавливается ЕЮ священным эпическим сочинениям, письменным и устным. Археологически же явления героизации умерших вождей и старейшин прослеживаются от эпохи бронзы, в некоторых погребениях катакомбной, срубной, афанасьевской, андроновской культур, выдающихся среди вдовых погребений величиной могилы, богатством и разнообразием инвентаря, появляются атрибуты власти и религиозного достоинства.

Некоторые сомнения вызывает позднеафанасьевское захоронение, совершенное с целью героизации погребенного могильнике Тас-хазаа, на берегу Абакана, содержащие останки мужчины, в сопровождении ритуальных погребений двух женщин (при одной из них был еще и ребенок). Могила выделяется относительным богатством и разнообразием приношений, среди которых находился типичный бронзовый топорик, служивший, возможно, символом власти вождя ¹⁰⁰

¹⁰⁰ Липский А. Н. Новые данные по афанасьевской культуре. — В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961, с. 272.

В Тесинском могильнике (под Георгиевской горой, близ р. Тесь) в кургане № 19, во втором ярусе трехярусного захоронения, лежал костяк мужчины в скорченном положении с большим количеством приношений: каменный шлифованный топор и метательный шар у левого плеча; у колен — два точильно-шлифовальных камня, между которыми был заложен медный листок, дискообразный каменный предмет с ручкой и цилиндрический каменный пест. У левого локтя лежал медный пластинчатый нож, с остатками деревянной рукояти. Положение этого костяка между двумя другими, расположенными ниже и выше, и необычный состав его инвентаря позволяют усматривать в нем захоронение вождя — героизированного предка, с предметами его обихода и атрибутами власти¹⁰¹.

Нечто подобное, видимо, представлял собой и курган у с. Малые Копены. Курган, имевший на поверхности круг из тонких плит, содержал три могилы, расположенные в ряд, из которых одна была значительно больших размеров, чем остальные. В ней сохранились (после ограбления) разрозненные кости человека, а кроме того ожерелье из костей хищников и грызунов, костяных бусин и чешуек осетра, привеска из реберной кости в виде металлического ножа, отмеченного в Тесинском кургане. Вторая могила тоже оказалась разграбленной; в третьей нашли скорченный скелет женщины, с двумя яйцевидными сосудами в ногах¹⁰².

Уже в рамках афанасьевской культуры появляются признаки героизации и обожествления женщины-матроны, связанные с представлениями, характерными, вероятно, более для патриархально-родовых отношений, чем для педожиточных явлений матриархата, отступившего к тому времени в далекое прошлое. Одна из самых богатых могил могильника Афанасьевской горы близ с. Батеней (№ 6 у Теплоухова) содержала пять скелетов, в том числе скелеты женщины и ребенка. Женский скелет был покрыт охрой, и лишь при нем находились многочисленные приношения: глиняные сосуды, изделия из камня и кости и обломки бронзовых предметов¹⁰³.

¹⁰¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 34.

¹⁰² Там же, с. 42.

¹⁰³ Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае. — «Материалы по этнографии», Л., 1927, т. 3, вып. 2, с. 57 сл.

Культ предков мужского и женского пола (и отождествление этих предков с божествами плодородия, характерное для этого культа) можно наблюдать в древней Сибири по антропоморфным изображениям на костяных пластинах погребения № 4 Андроновского могильника в Абакане¹⁰⁴, по изваяниям из камня, связанным с андроновской культурой, и по карасукским каменным стелам и изваяниям. Памятники эти имеют отношение к погребальному культу и изображают антропоморфные божества головными уборами, напоминающими или оленьи рога же нечто вроде более поздних тиар с высокими выступами, так же символизировавшими рога или солнечные диски, как мы видим на древнеиранских изображениях апогеоза царей или на скифских погребальных тиарах¹⁰⁵.

В катакомбной культуре известны погребения с каменными булавами, которые, вероятно, следует рассматривать как символы власти родовых старейшин. Эти погребения со сравнительно богатыми приношениями — основные курганах; кроме них отмечены впускные и второстепенные по инвентарю. Подобные центральные погребения в кургане Бесчастная могила у с. Новогригорьевки Днепропетровской обл. и в кургане под Луганском содержали большое количество металлических предметов и сопровождалась множеством дополнительных захоронений¹⁰⁶.

Аналогичные находки известны в рамках срубной культуры, где в захоронениях, содержавших два-три скелета, был сравнительно пышный, с обилием бронзовых предметов, инвентарь и каменные булавы как символ военной власти и гражданского достоинства. Наиболее выразителен в этом отношении известный Бородинский (или Бессарабский) клад, предметы которого, верно, также происходят из разрушенного погребения, содержавшего парадное вооружение: серебряные наконечники копий и кинжал с золотыми аппликациями, серебряный вток копья, два диоритовых топора, серебряную булавку с изукрашенным навершьем ромбической формы и две булавы — серебряную и каменную¹⁰⁷. Катакомбная и срубная культуры

¹⁰⁴ Мартьянов А. И. Андроновская культура. — В кн.: Древняя Сибирь, с. 261; Киселев С. В. Указ соч., с. 74, табл. VIII, рис. 1—5.

¹⁰⁵ Киселев С. В. Указ. соч., с. 168, табл. XV, рис. 4—6.

¹⁰⁶ Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры. М., 1955.

¹⁰⁷ Кривцова-Гракова О. А. Бессарабский клад. М., 1949.

знают грубые антропоморфные каменные изваяния, тоже свидетельствующие о героизации погребенных. Такие изваяния найдены при исследовании курганов катакомбной культуры близ Никополя и у с. Переяслав под Ногайском¹⁰⁸. К позднесрубной культуре могут быть отнесены примитивные антропоморфные стелы, найденные в северо-восточном Крыму (на месте древней Тиритаки). Крымская стела, хранящаяся в музее г. Варны в Болгарии, имеет шейное украшение типа гривны. Одна из ее грубо намеченных рук держит некий неясный предмет, а другая, по-видимому, лежит на изображенном горизонтально мече¹⁰⁹.

В скифское время посмертная героизация вождя выражалась, как и в предскифских культурах, в определенных чертах погребального ритуала, предусматривавшего парадный костюм и вооружение погребенного, а также умерщвление людей и животных. Необходимая парадность и божественность облика погребенного достигались прежде всего костюмом с множеством нашитых драгоценных украшений, вряд ли мыслимых на хотя бы и парадном, но прижизненном костюме¹¹⁰. Для скифского вождя, как об этом можно судить по захоронению в Кульобском кургане и в III Пазырыкском кургане, характерен башлыкообразный головной убор, видеть который можно и на многих скифских иранизированных и эллинизированных изображениях, в частности на ковре из V пазырыкского кургана, на поздних ассирийских и ахеменидских рельефах и на многочисленных греческих вазовых изображениях.

Башлык III Пазырыкского кургана украшен тирообразным навершием, напоминающим древневосточную согопа muralis, украшавшую головы некоторых восточных божеств и царей, как, например, голову царя Антиоха Коммагенского на рельефах из Нимруд Дага¹¹¹. Найденные во многих царских скифских захоронениях ритоны и навершия жезлов тоже были знаками политического и религиозного достоинства погребенных (их ритуальное значение выяс-

¹⁰⁸ Попова Т. Б. Указ. соч., с. 170.

¹⁰⁹ Мавродинов Н. Старобългарското изкуство. София, 1959, с. 66, рис. 57.

¹¹⁰ Ростовцев М. И. Эллино-скифский головной убор.— ИАК, 1917, № 63, с. 71.

¹¹¹ Там же, табл. X, рис. 20 и сл.

няется из ряда скифских изображений). Так, ритон неукоснительно фигурирует в сценах причащения конного царя конным же божеством (на ритоне из кургана Карагодеуашх) или сидящей на троне богиней (на ритоне из кургана близ с. Мерджаны Кубанской обл.) и на многих золотых бляшках из Кульобского, Чертомлыцкого и других курганов. Церемонии причащения скифского царя божеству мыслимы и как поставления на царство, инвести- тура, и как реальный контакт живого вождя-царя со СБО- ЯМ предком-богом. Они имеют также чрезвычайно разви- тое и распространенное применение в погребальном куль- ге, представлявшем смерть и погребение как приобщение божеству-предку.

Эта идея была еще жива в сасанидскую эпоху, и кон- ный Шапор перед конным Агурамаздой — абсолютно то же, что и (в «Персах» Эсхида) Ксеркс перед тенью сво- его отца Дария, представленного, даже в греческой драме, [в качестве предка-бога, призванного указать живым потом- кам способы отращения от Ирана нависших над ним бед. И подобно Шапору перед Агурамаздой, умерший скифский царь, держа в руке наполненный вином ритон, предстает, как равный перед равным, перед хтоническим божеством — своим предком, которого Геродот отожде- ствляет с конным Посейдоном (Herod., IV, 59).

В скифских курганах Причерноморья с вождем-царем зачастую погребалась женщина (по Геродоту, наложни- ца — IV, 71), обряжавшаяся в костюм жрицы богини пло- дородия. На голове ее был драгоценный калаф или налоб- ник (стленгида), прикрытый полосом — покрывалом с ко- ническим верхом, нередко ушитым золотыми бляшками. В качестве налобника треугольной формы, придававшего вид конуса верхней части полоса, у женского погребения кургане Карагодеуашх служила золотая пластинка с релье- фным изображением культового содержания, истолкован- ным в свое время Ростовцевым¹¹² (в связи с церемонией инвеституры скифского царя богиней плодородия) и не- сколько переосмысленным позднее А. П. Манцевич (на основании сопоставления с росписью Казанлыкской гроб- ницы во Фракии), как воспроизведение ритуального

¹¹² Ростовцев М. И. Представление о монархической власти на Боспоре. — ИАК, 1913, № 49, с. 9 и сл.

загробного пиршества¹¹³ — приобщения к той же богине

Убор матроны-жрицы, в котором захоронены **жеңы** скифских царей, найден во многих причерноморских курганах. Он включал в себя такие необходимые аксессуары, как бронзовые зеркала, ритуальные сосуды и эллинизированные изображения богини, — сидящей на троне Кибелы, Афродиты, Деметры или Афины.

Героизация и обожествление матроны, в качестве богини-прародительницы, прослеживается в скифском погребальном культе с достаточной раннего времени. В рамках этого культа могут быть поняты захоронения матерей-жриц в курганах блюменфельдовской культуры в бассейне р. Урал близ Оренбурга и в более поздних курганах **прохоровской** культуры в том же районе. Курганы **урочища** Башкирское стойло, Горбатый мост и Бис-оба, вытянутые в цепочку, содержали иногда женские захоронения с предметами вооружения — чаще всего наконечниками стрел (иногда также мечом или ножом), зеркалом (нередко разбитым) и каменным блюдом (жертвенником), на котором порой лежали кусочки реального или само блюдо бывало **окрашено** красной краской (как в кургане № 5 в урочище Башкирское стойло). Среди приношений иногда были мел, известь или белая глина. В некоторых случаях в составе инвентаря находили и предметы конской сбруи. Конские кости, как и туши (или части туши) барана бывали лишь в составе приношений **пищи**. В кургане № 2 в урочище Бис-оба над женским захоронением, сопровождавшимся бронзовым зеркалом, круглым каменным блюдом на двух ножках и конским ребром (ft качестве ритуальной еды), на горизонте были положены в кучу череп, бедро, часть берцовой кости и несколько ребер человеческого скелета, свидетельствующие, видимо, о человеческом жертвоприношении, совершенном : **па** могиле **жрицы**¹¹⁴.

В более позднем кургане № 2 урочища Башкирское стойло, могильная яма которого окружена под насыпью

¹¹³ Манцевич А. П. О пластине из кургана Карагодеуаш.— «Археологич. сб. Гос. Эрмитажа», 1964, вып. 6, с. 128 и сл.

Нижняя сцена воспроизводит, по её мнению, ритуально-погребальное пиршество. Выше нее — погребальные ристания: колесница бога со стоящей за нею женской фигурой (Ники?).

¹¹⁴Граков Б. Н. *Γυναικόκρατοίμενοι*, с. 106.

на горизонте каменным кольцом и завалена камнями, над женским захоронением, совершенным на большой глубине на подстилке из пурпурной ткани, положенной на белую глину, был погребен вооруженный мужчина ¹¹⁵. В расположении курганов в этих группах, тянущихся цепочками от захоронений матерей-жриц, Б. Н. Граков усмотрел дополнительную черту погребального обряда приуральско-поволжских скифов, подчеркивавших этим свое стремление к посмертному приобщению к матроне-родоначальнице и жрице. Расположение скифских курганов цепочками или группами вокруг больших курганов более раннего времени отмечается на Алтае, в Казахстане и Причерноморье ¹¹⁶.

Захоронения вооруженных женщин или женщин, погребенных с подчеркнутым почтением, нередко в архаическое время и в других местах скифского мира ¹¹⁷. В одном из курганов близ Херсона, относящемся к VI—V вв. до н. э., найдены женские украшения, бронзовое зеркало с ручкой в виде фигурки богини Кибелы, а также бронзовые наконечники стрел и обломок ножа ¹¹⁸. Перед нами, таким образом, захоронение жрицы богини плодородия, совершенное в Нижнем Приднепровье.

Реальность существования погребального обряда, который может быть назван скифским с большей или меньшей степенью определенности, свидетельствуется на весьма обширных пространствах от Китая до Венгрии. Некоторые существенные черты этого обряда прослеживаются глубоко во времени в рамках евразийских культур эпохи бронзы. Некоторые основные элементы этого обряда: бревенчатый шатер или сруб, ритуальный балдахин и покрывала с нашивными драгоценными украшениями, как и ритуальные захоронения людей и животных — все это, в тех или иных частностях, представлено уже в майкопской, ямной, афанасьевско-андроновской и других древнейших

¹¹⁵ Граков Б. Н. *Гонимократомевот*, с. 113.

¹¹⁶ Бернштам А. Н. *Историко-археологические очерки Саяно-Алтая*. Л., 1952, с. 214.

¹¹⁷ Погребения вооруженных женщин известны, кажется, также и в раннетагарской культуре, в совместных захоронениях мужчин и женщин (Киселев С. В. *Древняя история Южной Сибири*, с. 227).

¹¹⁸ Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э. М., 1959, с. 51

сл.

культурах. Золотая диадема, украшавшая голову царя большого Майкопского кургана, повторяющаяся в соответствующих модификациях в диадемах из эллинизированных скифских погребений Куль-обы и других причерноморских курганов, имеет свою ближайшую параллель в бронзовой диадеме вождя-жреца из погребения пещерной культуры. Границы распространения скифского погребального обряда выходят далеко за рамки каких-либо племенных или этнических границ. Они характеризуют прежде всего распространение определенного бытового уклада, свойственного аристократической военной верхушке общества, строй которого основан на порабощении кочевым «царским» племенем других этнически родственными ему или чуждым, кочевническим или оседлым племен. Эти патриархально-рабовладельческие отношения, свойственные обществу, сохранившему многие элементы родового быта, особенно отчетливо выступают из скифского погребального ритуала, с его многочисленными принудительными захоронениями наложниц, дружинников, челяди, погребальных колесниц, упряжных и верховых лошадей и т. п. Соответственные обряды, в их наиболее полной и яркой форме, демонстрируют могилы Уюка (курган Аржан в Туве), Пазырыка, Прикубанья и Приднепровья.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТРАДИЦИОННО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЛЕДЫ СКИФСКИХ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

Сохранившиеся в древнегреческой литературе легенды и предания о происхождении тех или иных скифских племен, так же как и претендующие на некоторую историчность рассказы о деяниях скифских царей, цариц и жрецов-колдунов не могли быть записаны самими скифами из-за отсутствия у них развитой письменности.

Следует думать, что рассказы Геродота из области скифской истории восходят к эпическим сказаниям. Разумеется, Геродот, не владевший древнеперсидским языком, ни тем более скифскими восточноиранскими диалектами, не мог воспринять эти сказания из первых рук. Онзнакомился с ними лишь в греческой передаче, основывавшейся, вероятней всего, на изустных преданиях, бывших в ходу у эллинизированных скифов или, в лучшем случае, на преданиях, зафиксированных в древнеиранских героико-религиозных песнях типа древнейших гат (ритмованных гимнов Авесты)¹ или древнеиндийских сказаний, составивших ведийские гимны.

Но из пересказов скифских преданий, записанных в сочинениях Геродота, Ктесия, Поллена и других авторов, видно, что в сознании эллинизированных скифов, и тем более греческих мифографов, эти легенды сильно мо-

¹ Скифская древнейшая основа иранского героического эпоса, зафиксированного позднее в *Шах-наме*, сказывается прежде всего в самой теме этих сказаний: о борьбе витязей, символизирующей противоборство Ирана и Турана (т. е. Скифии). При этом герой *Шах-наме*, Рустам, тоже скиф, поскольку эпос характеризует его в качестве выходца из *Сейстана* — Sakastan (см.: *Абасв В. И. Скифо-европейские изоглоссы*. М., 1965, с. 86).

дифицировались, так как происходила их адаптация не только в смысле приспособления скифских имен к греческому уху, но и для сопоставления и отождествления скифских божественных и героических персонажей с соответствующими представителями греческого пантеона и героического эпоса. Возможно, что образцом такого «перепева» на греческий лад ирано-скифских героических песнопений была знаменитая **Аримаспея** — эпическая поэма, возникшая в ионийской среде и сохранившаяся в пересказе Геродота и в незначительных отрывках у Цетца, в его поэме «Хилиады» (Tzetz., ChiL, 683 sq), упоминавшаяся уже в нашем **изложении**². В параллель подобным **сказаниям** приводят позднейшие шаманские гимны о полетах на тот свет с душами умерших. Из геродотова пересказа псевдоаристеевой поэмы, явствует, во всяком случае, что греческая Аримаспея была создана в каком-то из малоазиатских храмов Апполона, и в ней с точки зрения **ионийских греков** пересказывались восточно-иранские сказания о чудесах скифского мира, о борьбе **скифо-киммерийских племен**, приведшей к нашествию их на Малую Азию.

Примерно такого же рода адаптации представляли собой и те сказания, которые излагает, в качестве скифских исторических известий, Геродот: скифские легенды и исторические предания в его устах приспособлены к греко-скифским взаимоотношениям и к греческим взглядам на скифские верования и обычаи.

История Геракла и Ехидны, которую приводит Геродот в рассказе о происхождении скифов (Herod., IV, 8), вероятно, представляет собой эпизод из эпической истории **Таргитая** (Тирегета?), родоначальника скифских племен³.

² Влияние **Аримаспей** угадывается в «Прикованном Прометее» Эхила не только в упоминаниях о грифонах, о конных **аримаслах** (PV, 803 sq), живущих на золотоносной реке Плутоне, о снежных перьях* (**λευκόπτερος νίψος** — PV, 933), но и в общих представлениях* о географии Скифии, и в частности, о Рипейских горах (см.: **Bolton J. D. P. Aristeas of Proconnesus**. Oxford, 1962).

³ Воспроизведение мифико-эпической сцены, связанной с подвигами Таргитая, **Б. Н. Граков** (Скифский Геракл.— КСИИМК, 1950, вып. 34, с. 7 и сл.) видит в антропоморфном изображении на **навершии** из кургана Слоновская близница. Однако если в этом изображении можно различить фантастического зверя типа **грифона**, схватившего лань или какое-то другое травоядное **животное**, то человеческий бюст с кинжалом в левой руке, возвышающийся над туловищем зверя, от него неотделим и вряд ли является особым

О степени искажений, связанных с возникновением иранской, а затем и греческой версий этого рассказа, могут свидетельствовать имена сыновей Таргитая, представляющие собой довольно искусственные конструкции, о чем выше говорилось достаточно подробно.

Легенду о дарах, упавших с неба, имеющую иранские параллели, также следует представить себе в виде эпического рассказа, связанного со скифской «теогонией». Что касается толкования значения этих даров, в смысле их соответствия разделению скифского общества на три социальные категории — воинов, жрецов и земледельцев — то в этом, очевидно, необходимо уже усматривать влияние до-иранских представлений о социальной структуре государства, в рамках которых была осмыслена эта легенда. Эпическая форма может быть угадана как для той именно версии, которой оперирует Геродот, так и для параллельных версий, имевших хождение в ирано-скифской среде и связанных с именами других легендарных прародителей и родоначальников: Гайомарда, Сиявуша и др. Эти имена, при всей их мифологичности и искусственной конструкции, также обнаруживают связь с какими-либо реальными племенными именами; например, Гайомард — с племенным именем мардов, широко засвидетельствованным в различных сочетаниях в Восточном Прикаспии в качестве одного из основных племенных имен массагетского союза.

Об имени Гайомарда можно сказать, что оно принадлежит герою широко распространенного культа, о местах отправления которого сохранилась известная память: «могилу» Гайомарда показывали, в частности, близ г. Ходжейли. В известном смысле, Гайомард может быть сопоставлен Анахарсисом и Абарисом — героями, культ которых был воспринят в Греции в связи с борьбой против эпидемий. «могилой» Гайомарда связаны были также и скотоводческие обряды, направленные против эпизоотий, а сам Гайомард ассоциировался с быком (как Зальмоксис

компонентом этой сцены. Отрывок скифского фольклора видит,3. Н. Граков (там же, с. 16) в геродотовом рассказе о происхождении савроматов от брака скифских юношей с амазонками, хотя в этом рассказе, может быть, естественней видеть греческое осмысление легенды о малоазийско-киммерийском происхождении савроматов — племени, родственного скифам.

с медведем) и самое его имя этимологизируется «чело-
век-бык»⁴.

Подобным же образом, но только в смысле «человек-
конь», допустимо **этимологизировать** племенные имена-
ариасы, **арислы** и **аримасы** и некоторые иранские лич-
ные имена. Из представлений о человеке-коне или о кон-
ном божестве с человеческой головой, — вероятно, доста-
точно популярных среди **фракийско-киммерийских пле-**
мен — возник образ кентавра (это греческое наименовани
имеет, кстати говоря, в виду не коня, а быка). Индо
иранское божество войны — Вайу — ассоциировалось
конем, и с соответствующими эпитетами фигурирует
в гимнах Авесты. Культурно-исторически подобным **ассо-**
циациям — человек-бык и человек-конь, нашедшим опреде-
ленное выражение в **мифолого-эпической** и образитель-
ной традиции, предшествовало, несомненно, представление
о человеке-олене, изображения которого на европейской
почве восходят к палеолиту и связаны, видимо, еще с той
стадией человеческого существования, когда оно опреде-
лялось кочевнически-паразитическим образом жизни при
стадах диких оленей. Необходимо представить себе, **что**
уже тогда наряду с такими изображениями существовали
и вызывавшие эти изображения к жизни, облакавшиеся
в сказочно-песенную форму легенды и культовые гимны
о божестве-прародителе — человеке-олене.

Легендарно-эпическое оформление подобных представ-
лений можно предполагать для глубокой **древности**
в **центральноазиатских** и западносибирских пространствах
где сохранилось до сих пор большое **количество древних**
изображений оленей, человека верхом на олене, а в одно-
случае (на известном пазырыкском ковре) имеется **слож-**
ная композиция крылатого **грифонообразного** животного(
с человеческой головой и оленьими рогами. Для **воз-**
никновения такого причудливого изображения нужна раз

⁴ ТОЛСТОЕ С. П. По следам **древнехорезмийской цивилизации**
М., 1948, с. 87. Имя другого ирано-скифского **вождя-прародит-**
ля — **Хосанга** (Hosang) сохранилось в осетинском эпосе, как и
гиганта, скачущего на коне с двенадцатью ногами (Christensen
Les types du premier homme et du premier roi dans l'histoire légén-
daire des **iraniens**. Stockholm, 1918, p. 163). Что касается **мног-**
ногих изображений древних коней, то одно из них есть на **серебр-**
ном кубке, найденном на Добрудже (Dimitrescu V. L'art **préhist-**
rique en Roumanie. Bucarest, p. 27, tab. XX).

работанная сказочно-эпическая традиция, в которой подобное существо было бы характеризовано с необходимой детализацией и картинностью.

Намеки на существование соответствующим образом оформленных легенд имеются в древнеиндийском эпосе, где мы находим оленей и коней в качестве родоначальников-царей (вождей племен). Сказки об олене-человеке, как прародители ненецких родов, сохранились, и при этом в песенно-эпической форме, та Кольском полуострове⁵. Современные лопарские сказки и песни об оленях-прародителях — отголоски древнего эпоса, распространявшегося среди древнегорских оленеводов Беломорья, Прибалтики и Приуралья. Документацией легенд, излагавшихся в песнях-сказках, могут быть признаны бронзовые прорезные пластинки круга пьяноборской культуры, найденные в Среднем Приуралье и относящиеся ко времени раннего средневековья или даже более позднему.

Лопарские сказки об олене-человеке представляют его в качестве оленя-оборотня по имени Мяндаш, женившегося на женщине и ставшего родоначальником людей. Мяндаш, впрочем, мыслится и в женском роде, как дева-олень. Родственные сюжеты находим в древнем североиндийском эпосе. Представления о людях-зверях вообще довольно разнообразны в древнеиндийской мифологии. Известны люди-змеи (nagas) и люди-птицы (kinnaras)⁶. Древнепенджабское племя сальва, согласно преданиям (Mahabh., I, 67, 2653) состояло в религиозно-мистическом родстве с неким оленем, имя которого оно и носило. Царь этого племени — Salva — был воплощением божественного козла — asura ajaka. Пржилуский отмечает сходство понятий aja и sarabha, обозначающих фантастическое животное, близкое оленю. Salva и Sarabha — одного корня: sal-sar⁷.

включено в имя царя другого древнепенджабского племени — удумбара: Айямитра. Таким образом, сливаются представления о козле (олене) и солнечном божестве (Mitra).

Следует сказать, что племя сальва имело в числе своих редков-родоначальников царей, носивших известные

⁵ Чарнолуцкий В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965.

⁶ Przyluski J. Ancient People of the Penjab. The Udumbaras and the Salvas. Calcutta, 1960, p. 43.

⁷ Ibid., p. 41.

иранские имена: Vyusitasva и Bhadra, чем подтверждается родство этих племен со скифо-иранскими племенами и известное тождество их религиозных представлений и легендарных мотивов в фольклоре. Царь племени сальва, как и царь племени мадрас, был человеком-оленом и оборотнем в древнеиндийской сказке⁸. В ритуал обожествления царской власти на севере Индии входили сцены охоты на золотого оленя, бывшего символом солярного божества⁹ о чем можно судить по тем же сказаниям.

Сходные легенды связаны с царями и других племен. Например, эпитет царей племени Andhra — Satavahana /означает «сын коня» и является некоторым видоизменением древнего предания о происхождении племенного вождя-прародителя от коня¹⁰. В подобных сказках говорится также о получении героями, рожденными от божеств-тотемов, чудесных даров, обладание которыми делает их равными божеству¹¹. Эти последние подробности позволяют связать североиндийские легенды о царях-оборотнях с известными из Геродота скифскими легендами о царях племен, произошедших от Таргитая и также получивших божественные дары.

В эпических сказаниях, записанных Б. Я. Владимирцевым¹² в нынешнем столетии в Монголии, содержатся различные подробности, которые можно увязать с данными археологии о быте скифских племен, обитавших примерно в тех же местах, где находились в обращении поэмы, зафиксированные Владимирцевым и другими собирателями тюрко-монгольского эпоса. Сходство позднейших представлений о героях-царях (их вооружении, одежде и т. д.) с данными скифской археологии отчасти основывается на известном подобии монгольского средневекового кочевнического быта быту более древних времен. Но с другой стороны, сходство увеличивается за счет стремления сказителей-певцов к архаизации создаваемых ими образов. И в архаизации они порой забираются весьма далеко вглубь веков, пользуясь материалом старинных

⁸ Nang tan trai, 14; (ср.: Przyłuski J. Op. cit, p. 45).

⁹ Przyłuski J. Op. cit, p. 58 f.

¹⁰ Ibid., p. 45.

¹¹ Ibid., p. 43.

¹² Владимирцев В. Я. Монголо-ойратский героический эпос Пг., 1923.

сказаний, в свою очередь основанных на более древнем эпосе. Наталкиваясь на следы подобной работы сказителей, современные исследователи тюрко-монгольского эпоса вынуждены были признать, что древнейшая его основа связана с представлениями, выходящими за рамки отношений феодального общества, и принадлежит эпохе дофеодального племенного быта.

Так, доспехи монгольского героя — царевича Бум-Ердени — описаны следующим образом: на груди, у ворота, изображен лев, нападающий на слона; на животе — парящий в небе самец-геруд, волшебная птица, представление о которой заимствовано из древнеиндийской мифологии; на спине, вниз головой, — ужасный черный мангус, фантастическое чудовище; на нижней части кольчуги — вредоносные звери, также обращенные вниз головами (надо вспомнить, что фантастические животные, вытатуированные на теле мужчины, погребенного во II Пазырыкском кургане, также обращены головами вниз). О кольчуге сказано, что она имела 44 пряжки, 4000 привесок и столько же пуговиц¹³. Подобные украшения (в зверином стиле), сказано в поэме, и на луке Бум-Ердени: на крыльях его вырезаны бодающиеся баран и козел, на подставочках — два скачущих барана, на месте захвата — дерущиеся тигр и дракон, на наставных концах — бьющие друг друга крыльями ворон и гусь¹⁴.

Описанные изображения в общем вполне соответствуют украшениям скифских доспехов и оружия. Изображения хищников, терзающих травоядных животных, фантастических зверей в причудливых позах, большого количества бляшек и привесок — вполне мыслимы и в гораздо более позднее время, но все подобные поздние украшения в кочевническом быту так или иначе коренятся в быту скифского времени (так как эти легендарно-эпические картины восходят, видимо, к образцам столь же глубокой древности).

Помимо реминисценций материально-вещественного характера, восходящих к скифской эпохе, эпические поэмы центральноазиатских, иранских и кавказских народов сохранили и другие особенности, берущие начало в древних бытовых и культурно-обрядовых установлениях, вклю-

¹³ Владимирцев Б. Я. Указ. соч., с. 62.

¹⁴ Там же, с. 63.

чая некоторые теофорные и героические имена. Так, имя Урузмаг, Саурмаг-Савромат широко засвидетельствовано в Прикавказье в качестве героического, а на Боспоре и в Древней Иберии — в качестве реального царского имени. Сказания о нартах (по одной из возможных этимологии, уже нам известных по закаспийским ассоциациям, — мардах), распространенные среди многих северокавказских, а отчасти и закавказских, племен, позволяют представить Урузмага героем-прародителем и царедвором богини плодородия, принимающей в некоторых случаях — как и в античной мифологии, — амазонообразный облик.

Нартские сказания знают героическое имя Ахсар, сопоставляемое с именем Апсирт древнегреческого мифа об аргонавтах, которым наделен колхидский царевич, сын царя Ээта. Имя это, в форме Апсар, засвидетельствовано топонимически в древних географических сочинениях и в эпиграфике (оно локализуется на месте ранневизантийской крепости Гония на южном берегу Колхиды)¹⁵. В тех же сказаниях можно найти параллели и к греческому мифу о Прометее, древность которых свидетельствует о локализации эпического мифа именно на Кавказе.

В Нартском эпосе герои Сосуко (Созырко, Сослан) и Батрадаз скальпируют своих побежденных врагов¹⁶, как это делали, по древним сообщениям, скифы. По одному из вариантов, Сослан (или Батрадаз), убив врагов, велит сшить себе шубу из их скальпов, что соответствует данным Геродота (IV, 64) и других авторов об использовании скифами скальпов своих врагов для изготовления плащей, утиральников и т. п. Геродот пишет о чаше (IV, 66), подносившейся только воинам, убившим врагов¹⁷. Нарты знали волшебную чашу (Уацамрнга или Нартамонга), которая сама поднималась к устам убившего, наибольшее число врагов¹⁸. Нартские девушки, как

¹⁵ Ельницкий Л. А. Из исторической географии Колхиды. — ВДИ, 1938, № 2, с. 307 и сл.

¹⁶ Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. М., 1963, с. 158 и 182. Обычай скальпирования, характерный для скифской практики, прослеживается уже в катакомбной культуре (см.: Клейн Л. С. Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы. — СЭ, 1961, № 2, с. 105 и сл.).

¹⁷ Абаев В. И. Скифо-европейские изогlossы, с. 83. К числу мотивов легендарно-эпического характера В. И. Абаев (с. 85) относит сказание о сакском конюхе (и следовательно рабе) Сираке.

¹⁸ Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957, с. 39, 45, 49.

и мужчины, ездят верхом, стреляют из лука и владеют мечом, подобно савроматским женщинам у Геродота и других авторов. Надо сказать, что воинственные женщины типа скифских амазонок — тема не только кавказских, но и центральноазиатских эпических сказаний¹⁹. Впрочем, воинственность женщин кочевнических племен отмечают также и позднесредневековые наблюдатели. Но в нартских сказаниях и в этом отношении есть параллели геродотовой легенде о происхождении савроматов от союза скифов и амазонок: тебердинская героиня Кызы-ханкила в крепости с женским гарнизоном, покуда на ней не женился нарт Сосруко. А черкесское предание о борьбе теркесов с амазонообразным женским племенем еммечь сообщает, что борьба прекратилась лишь после брака предводительницы амазонок еммечь и вождя черкесов Тульме²⁰.

В некоторых нартских сказаниях амазонке подобна и сестра-жена нарта Урызмага — Сатана. В одном из сказаний Сатана носит боевые доспехи и соревнуется в них с другими, такими же воинственными женщинами и мужчинами, докуда ее не побеждает брат Урызмаг.

В тюркском эпосе молодая дочь Кара-кана ведет себя как истинная амазонка и героиня²¹. В саяно-алтайских эпических сказаниях вообще нередки девы-богатыри (Кюмюс Аръд и др.).

К прямым эпическим параллелям Геродотовым описаниям скифского быта можно отнести и то, что в монгольском эпосе витязь-победитель пьет кровь побежденного рага (Herod., IV, 64). В другом случае, в поэме «Дайни

¹⁹ Мелетинский Е. М. Указ. соч., с. 160.

²⁰ Там же. Некоторой параллелью к переданной Геродотом легенде о браках скифов с амазонками, в результате которых возникло племя савроматов (Herod., IV, 111), подтверждающей, в частности, вероятный эпический характер рассказа о происхождении савроматов, может служить киргизская легенда о сорока девушках из земли Хань (т. е. Китая), вступивших в брак с мужчинами племени Усы на Енисее. (Боргояков М. И. Скифо-тюркские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели. — «Народы Азии Африки», 1975, № 6, с. 115).

²¹ Мелетинский Е. М. Указ. соч., с. 282 и 337. См. так же: Ингвицкая М. А., Майногашева В. Е. Хакасское народно-поэтическое творчество. Абакан, 1972, с. 96, где указывается на распространение в героическом эпосе хакасов темы женщины-богатыриши, совершающей героические подвиги. Авторы склонны возводить эту тему к эпохе матриархата.

Кюрюль», побежденный" сам предлагает победителю съесть его мясо и выпить кровь — вероятно, в порядке известной гиперболы, но, возможно, с оглядкой на отмеченный Геродотом кочевнический обычай скифских времен (I, 216). И так же в поэме «Бум-Ердени» упоминается о том, что победитель отделяет голову убитого им врага и забирает ее с собой²², что вновь согласуется с геродотовым описанием, по которому скифы отрубают головы убитых врагов и приносят их своему царю (IV, 64). Этот обычай отмечен и Ксенофонтом в отношении племен моссиников на Западном Кавказе (*Anab.*, V, 4, 17).

В эпосе «Песни о Кан-Турали сыне *Канли-Коджи*»²³ жених предлагает своей невесте отправиться в поход и принести ему голову убитого ею врага. Пожелание жениха (Кан-Турали) перекликается с сообщением Геродота о савроматском обычае: ни одна девушка не выходит замуж, не убив предварительно врага (IV, 117).

Любопытную деталь, обращающую нас еще раз к скифским обычаям, находим в нартском эпосе: *Сосруко* путешествует по царству мертвых верхом на убитом им коне, чучело которого он предварительно набивает соломой. А мы помним, что, согласно геродотову описанию скифского погребального обряда (IV, 72), царская могила обставлялась укрепленными на кольях чучелами убитых и набитых отрубями коней.

Помимо прямых параллелей древним данным, можно найти и некоторые черты эпоса тюрко-монгольских и кавказских народов, несомненно, возникавшие из представлений, близкородственных скифским. Прежде всего должна быть отмечена идеализация коня и общая гиперболизация его качеств (быстрота ума, *прозорливость*, дар речи и т. п.), вытекающая, вероятно, непосредственно из культа коня и поклонения ему как тотему-предку. В подтверждение последней мысли можно привести монгольские сказания, в которых кони были воспитателями и наставниками (завуалированная форма отцовства) *ребенка-героя*²⁴. Это же представление лежит, вероятно, в основе греческого

²² Владимирцев Б. Я. Указ. соч., с. 90.

²³ Книга моего дяди Коркута. Огузский героический эпос Пер. В. В. Бартольда. Л., 1962, с. 63.

²⁴ *Мелетинский Е. М.* Указ. соч., с. 327; Владимирцев Б. Я. Указ. соч., с. 66.

мифа о кентавре Хироне — мудром воспитателе Ахилла и других знаменитых героев. Само представление о кентаврах возникло, скорее всего, из первых впечатлений от вида конных всадников.

В алтайском эпосе «Кан Сулутай»²⁵ в сражении богатырей принимают участие и их верховые кони. Аизооражение сказочной борьбы богатырских коней есть на бронзовых скифских бляхах из Ордоса, Забайкалья и Минусинской котловины²⁶.

Амирани, герой эпоса древнеиберийских и других западнокавказских племен, черты которого имеют немало общего с образом Прометея, — обстоятельство, как уже отмечено повлиявшее на локализацию этого греческого мифа на Кавказе, — до своего появления на свет рос сначала во чреве телки, а затем во чреве быка .

²⁵ Кан-Сулутай. Алтайская героическая сказка. - «Сибирские огни», Новосибирск, 1940, № 4-5, с. 131.

²⁶ Грязнов М. П. Древние памятники героического эпоса Южной Сибири. - «Археологический сб. Гос. Эрмитажа», 1961, вып. 3, с. 1 рис. 4.

²⁷ Чиковани М. Я. Амирани Ани. Тбилиси, 1960; Мелетинский Е. М. Указ. соч., с. 207. Вероятность того, что имя Амирани в какой-либо близкой форме могло быть известно древним грекам, подтверждается упоминанием у Аполлония Родосского «об Антантских горах», с которых берет начало река Фасис — «Αἰθρῶν ὄρη» (Apoll. Rhod., Argon. II, 339). Повторяющийся наименование в объяснениях к книге III, 1220 «Аргонавтики» ссылаются на Ктесия Книдского. Тем самым дата вероятного знакомства греческих мифографов с этим наименованием удлинняется лет на полтора-два. Схолии к Аполлонию знают также местность Амарантиду на Кавказе и племя амарантиев. Наименование же «гора Амирани» (Амиранис мта существует и в настоящее время (см.: Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амирани. М., 1966 с. 34.)

С другой стороны, Геродоту (Schol. Apoll. Rhod., II, 129) приписывается сообщение о мифе о Прометее — по которой Прометей был скифским царем. Его подданные наложили на него оковы за то, что он не мог обеспечить им необходимого пропитания. Версия эта перекликается с сообщением о моносинах (Anab., V, 4, 26) о моносинах, содержащихся в высоких деревянных башнях-моносинах, которые те ни в коем случае не должны были покидать. Аполлонию Родосскому прибавляет к этому (Argon., II, 1030 sq), что за неправый суд моносиникария запирают и морят голодом. Последняя параллель подтверждает вероятное кавказское происхождение версии. Вероятно, что же Филострат (De Apoll. Tyam., II, 3), суммирующий некие более древние данные, говорит, что у кавказских племен существовали сказания о прикованном Прометее и освободившем его Геракле.

Урызмаг **нартского** эпоса, по имени сопоставляемый с древнеиберийским Саурмагом и скифским Савроматом — героическим персонажем и божеством — представлен в нартском эпосе в качестве патриарха и родоначальника. Не менее существенно и то, что имя Уархага (*Waerhaeg*), эпического двойника Урызмага, фонетически связывается В. И. Абаевым с древнеиранским *varka* — волк, что позволяет причислить его к категории племенных имен «волчьего» происхождения²⁸, которым гордились некоторые тюрко-монгольские племена. Как известно, Геродот знает о том, что невры — оборотни, способные превращаться в волков; это косвенным образом говорит о их волчьем тотеме. Люди-оборотни вообще весьма нередки в южносибирских эпических поэмах — например, в алтайском эпосе «Кочутей». В алтайском же эпосе шаманы иногда происходят от птиц и высиживаются в гнезде из **яица**.

В сказаниях северных **народностей**, — в частности, в сказаниях, может быть, еще и поныне бытующих на Кольском **полуострове** — нередки темы, связанные с оленями, домашними и дикими. Обычны рассказы об оборотнях, мужчинах и женщинах, превращающихся в **олений**³⁰.

В более ранних нартских сказаниях основная **пища** людей — оленье мясо ¥ . Небезынтересно, что племя нартов разделяется на три рода: Бората, Ахсартгагата и Алагатта, прозванных так по именам их мифических основателей, сохраненных эпосом со времен родового быта. (Вспомним троичность племен царских скифов и древних гуннов).

Некоторые характерные **эпические** сцены перекликаются с древнескифскими изображениями как южносибирского, так и причерноморского происхождения. Например, из-

Он также говорит о преследовании орлов на Кавказе, якобы из мести за Прометея. На основании всего этого М. Я. Чиковани (Указ. соч., с. 86) полагает, что в древнейших сказаниях Амирани должен был быть представлен как богоборец, похитивший для людей божественный огонь и наказанный за это божеством (в позднейших версиях сказания — Христом). В известной мере двойником Амирани и также героем-богоборцем является древнеабхазский божественный витязь Абрскил, подобно Прометею и Амирани прикованный к скале в пещере (см.: Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966, с 108 и сл.).

²⁸ Абаев В. И. Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957, с. 25.

²⁹ Мелетинский Е. М. Указ. соч., с. 331.

³⁰ Чернолуский В. В. Указ. соч., с. 25.

³¹ Нарты. Эпос осетинского народа, с. 385.

вестное изображение на двух **ЗОЛОТЫХ** бляхах из коллекции Петра I, представляющее сцену охоты на кабана, при которой один из охотников сидит на дереве, а другой — верхом на лошади (или пеший), связывается обычно с геродотовым рассказом о способе охоты с собакой у иириков³², хотя **ПРОТИВ** этого толкования возражал М. И. Ростовцев³³ — на том основании, что, по его мнению, на охотниках не скифская, а сарматская одежда. Вряд ли, однако, этот довод состоятелен: скифо-сарматскую среду нельзя четко разграничивать в общекультурном и бытовом отношении: всадник на пазырыкском ковре одет в короткий «сарматский» плащ. Что же касается того, что бляха относится ко времени, более позднему, чем текст Геродота (против чего возразить, по-видимому, невозможно), то это не препятствует сохранению в ее изображении древнейшей сказочной или бытовой традиции. Как неоднократно можно было убедиться, традицию эту удастся проследить и по совсем поздним памятникам.

Известна другая золотая бляха с изображением сцены под деревом: перед лежащей мужской фигурой сидят мужчина и женщина, на дереве висит лук и колчан, у дерева стоят два коня. М. П. Грязнов³⁴ датирует ее — по сходству одежды и изображенных предметов с находками из I **Пазырыкского кургана** — V—III вв. до н. э. и готов связать ее с эпическим рассказом об оживлении убитого героя другом-побратимом и **невестой**³⁵. В бурятском эпосе, например, сестра нередко оживляет убитого брата³⁶.

С эпическими сценами побратимства, очень нередкими в тюрко-монгольских **сказаниях**³⁷ и в нартовском **эпосе**³⁸, сопоставимы золотые бляшки из кургана Куль-Оба, на ко-

³² Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. Л., 1962, табл. I, 5; Грязнов М. П. Указ. соч., с. 7 и сл.

³³ Rostovtzeff M. The Great Hero of Middle Asia and his Exploits. — «Artibus Asiae», 1930/32, № 2/3, p. 99 f.

³⁴ Грязнов М. П. Указ. соч., с. 23 и сл.

³⁵ Владимирцев Б. Я. Указ. соч., с. 129.

³⁶ Мелетинский Е. М. Указ. соч., с. 335.

³⁷ Владимирцев Б. Я. Указ. соч., с. 137 (побратимство Дейви-Кюрюля с богатырем после безрезультатной борьбы с ним).

³⁸ Мелетинский Е. М. Указ. соч., с. 242 (побратимство Мгера [и Мсра-Мелика]).

торых изображены два скифа, пьющие из одного рога (ри-тона), а также стоящие спинами друг к другу скифы и стреляющие в разные стороны из луков.

М. И. Ростовцев опубликовал и рассмотрел несколько пластин (пряжек) из коллекции Лу, с изображениями, перекликающимися с сюжетами монгольского эпоса. На одной изображена колесница, с находящейся в ней большой собакой. Рядом с колесницей человек убивает мечом человекообразное чудовище со звериной головой. Сцена происходит в лесу³⁹. Убийство чудовища (возможно, фантастического мангуса монгольских поэм) совершается посредством отделения головы — распространенный способ уничтожения чудовищ, описываемых в поэмах⁴⁰.

На бляхе, украшавшей горит⁴¹, представлен человек с прической, заканчивающейся косичкой (характерной для головы конного вождя на пазырыкском ковре, как и для сфинкса с человеческой головой на другом ковре) и с мечом в руке. Перед ним повозка (двуколка) китайского типа, с зонтиком над ней, в которую впряжены три лошади. На спине одной из лошадей — птица (быть может, орел). Сзади повозки — собака. На повозке две человеческие головы, принадлежавшие, видимо, убитым врагам. Сравнение коня с орлом, равно как и участие вещей птиц в героических подвигах, вполне характерно для центральноазиатских эпических сцен⁴².

Упомянем, наконец, еще одно изображение на пластинках из той же коллекции Лу⁴³. Одинаковые сцены представляют борьбу двух безоружных мужчин в шароварах, в характерных прическах с косичками. По сторонам борющихся — оседланные лошади. Над борющимися витает орел. Сцена происходит в лесу между деревьев. Она опять-таки очень сходна с эпическим описанием борьбы двух витязей, отбросивших бесполезное оружие и испытывающих свою физическую силу. Обычно такая борьба заканчивается примирением и побратимством⁴⁴.

³⁹ Rostovtzeff M. Op. cit., p. 103.

⁴⁰ Владимирцев Б. Я. Указ. соч., с. 68 (ср. с. 90).

⁴¹ Rostovtzeff M. Op. cit., p. 102.

⁴² Владимирцев Б. Я. Указ. соч., с. 66 и сл.

⁴³ Rostovtzeff M. Op. cit., p. 101, fig. 5, 6.

⁴⁴ Владимирцев Б. Я. Указ. соч., с. 137 (Дейни-Кюрюль).

Еще одно интересное изображение (хотя уже совершенно в другом роде) — на серебряном фаларе из Ноин Улы, на котором представлен бык (мускусный бык, по мнению А. Альфёльди⁴⁵), с опущенными вниз рогами, стоящий на схематически изображенных вершинах гор или холмов, с высокими деревьями по сторонам. Попутно Л. Альфёльди приводит уйгурскую легенду о пяти князьях (вождях), которых звали Бык-царь, Сокол-царь и т. п. Деревья были их родителями. Буку-тегин, он же Бык-царь, считался главным вождем уйгуров. Изображение этого Буку-тегина Альфёльди и угадывает в быке, представленном на гуннском фаларе из Ноин Улы.

Изображения, навеянные сказаниями о героях и позволяющие предполагать существование в эпоху их возникновения героического эпоса, известны на Кавказе. Их находим на керамике из Ганджи, с охотничьими и военными сценами, на предметах (поясных и нагрудных бляхах) из Калакента и Ходжал, с изображениями сказочного и, как полагал А. А. Миллер, космологического характера⁴⁶. Некоторые сцены, например, на бронзовой поясной пряжке из Чми, представляют героя наподобие Геракла, стреляющего из лука в фантастического хищника. На топоре из кобанского могильника нацарапано изображение того же, вооруженного луком, героя в борьбе со змеями⁴⁷.

Геродотовы сообщения о героических скифских царях (Иданфирсе, Скиле и др.) и царицах Томирис и Тиргатао (у Поллена) сохранили на себе известный эпический налет. Имеют его, несомненно, и сообщения китайских летописей ханьской эпохи, повествующие о знаменитом гуннском Моде-шаньюе, образ которого несет в себе собирательные черты, свойственные многим скифским и гуннским вождям той эпохи и значительно более поздних вре-

⁴⁵ Alföldi A. Die theriomorphe Weltbetrachtung in den hochasiatischen Kulturen.— «Archaeologischer Anzeiger», 1931, H. 1-2, S. 393 f

⁴⁶ Миллер А. А. Элементы «неба» на вещественных памятниках.— ИГАИМК, Л., 1933, вып. 100.

⁴⁷ Hancar F. Kaukasus — Luristan.— ESA, 1934, Bd 9, S. 95, Abb. 36a, S. 96, Abb. 39; Idem. Zum Problem des «kaukasischen» Tierstils.— «Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte», 1935, Bd 9, S. 12, Taf. III.

мен. Сообщения **Приска** Панийского, основанные на его собственных впечатлениях, рисуют нам Агтилу во многом похожим на **Моде-шаньюя**. Совершенно ясно, что и рассказы (часто достаточно легендарные) об **Огуз-хане**, содержащиеся в китайских и тюркских источниках, основаны в значительной мере на эпических данных, не всегда, вероятно, даже и **связанных первоначально** с его **именем** ⁴⁸.

⁴⁸ Легенда об Огуз-кагане, обнаруживающая известные черты героического эпоса, в качестве исторического прототипа имеет в виду, видимо, именно **Моде-шаньюя**. Легенда рассказывает о борьбе Огуз-кагана и его отца Кара-кагана. Отец, дядя и другие родственники напали на Огуз-кагана, и между ними произошло сражение, в котором Кара-каган был ранен и умер. По уйгурскому варианту легенды Огуз-каган выказал геройство в борьбе с дикими зверями. По мнению А. Н. Бернштама (Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 64 и сл.), эти звери — скорее всего тотемы племен, покоренных **Моде-шаньюем**, которому приписывается китайскими источниками подчинение 24 гуннских родов своей державе (ср.: Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960, с. 73). Отголоски кочевнических героических сказаний могли проникать в Китай и находить там соответствующую почву. Во всяком случае, в Китае были распространены изображения на темы восточноскифских сказаний о героях. Так, в могиле № 140 в К'е шен шан (**Шенси**), относящейся к периоду **Шан-кун** (480—222 гг. до н. э.) найдена бронзовая пластина с изображением двух лошадей в геральдической позе, между которыми два героя, одетые в скифскую одежду (штаны), борются на монгольский образец. На их головах прически, повторяющиеся на человеческих изображениях из V Пазырыкского кургана (Chang Te—iv'un. *Chou China. Archaeology in China*, vol. 3. Cambridge, 1963, p. 61, fig. 4). Совершенно подобная сцена на двух табличках из коллекции Лу, рассмотренных нами несколькими строками выше (**М. Rostovtzeff**. *Op. cit.*, p. 101).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предшествующие страницы отчасти позволяют сопоставить древние данные о евразийских степных кочевниках из китайских, индо-иранских и древнегреческих источников. Это сопоставление выявляет не только родственные племенные наименования, а также топо- и гидронимы, но и — что гораздо важнее — обнаруживает значительное единообразие бытовых, социальных и политических установлений, поддающихся наблюдению (где более, а где менее детально), на огромном пространстве от Северного Китая до Средней и Южной Европы.

Самое существенное в хозяйственном быту евразийских кочевников — коневодство и кочевое пастушество, с преобладанием мелкого рогатого скота, при тесных связях с оседлыми земледельческо-пастушескими обществами, расположенными преимущественно на периферии кочевнического мира. Социально-политические условия подобного кочевogo образа жизни возникли на стадии разложения патриархально-родового быта. Будучи обусловлены развитием техники обработки железа, они в значительной мере были подготовлены предшествующей стадией общественного развития, осуществленного в эпоху бронзы, когда было положено начало использованию лошади (а также быка и верблюда) в качестве тягловой силы и (позднее) для верховой езды, когда были выработаны устойчивые формы металлических орудий и оружия и когда на основе этого хозяйственно-технического прогресса возникли первые союзы племен, с их военными вождями, которые стали предводители племен, с их военными вождями, — предводителями дружин, совершавших отдаленные грабительские рейды.

О том, что эти рейды (а стало быть, и необходимая для их осуществления военно-политическая организация кочевников) имели место уже в эпоху бронзы, свидетельствует появление в месопотамской клинописи наименования *umman manda*, возникшего еще в III тыс. до н. э. и впервые объединившего и как бы осмыслившего исторически северо-восточные (при взгляде на них из Месопотамии) кочевнические орды, устремившиеся преимущественно из прикаспийских местностей в тогдашние цивилизованные приморские страны. Вполне вероятно, что касситы в Вавилонию, гиксосы в Египет и хетты в Малую Азию пришли с северо-востока — во главе победоносных кочевнических племен.

В VIII ст. до н. э. клинописные тексты конкретизируют безлично в этническом отношении наименование *um-man manda* именем гимирраи, звучащим собирательно-этнонимически и подтвержденным в качестве такового древнееврейскими, древнеиранскими и древнегреческими источниками. Киммерийский вопрос, ввиду придания ему в науке широкого археологического аспекта, обратился в сложную и многостороннюю проблему и поныне далекую от ее разрешения, поскольку в археологической литературе она связывается с различными бытовыми комплексами, объединяющимися в основном лишь хронологически, как непосредственно предшествующими скифским. Вопрос о «киммерийской культуре» ставился применительно к северобалканскому (фракийскому), северопричерноморскому и прикавказскому ареалам.

И хотя по историческим данным для VII ст. до н. э. резкое разграничение киммерийцев и скифов представляется невозможным потому, что в клинописных и греческих источниках нередко одни и те же имена толкуются то как киммерийские, то как *скифские*, — в археологии все более утверждается мнение о возможности известного культурного (и этнического) разграничения киммерийцев и скифов: по наличию у последних украшений в зверином стиле, отсутствующих! у первых. Время возникновения звериного стиля относится обычно при этом к концу VII — началу VI ст. до н. э.

Однако данные, полученные за последние десятилетия, все более убеждают в том, что если указанная дата возникновения звериного стиля справедлива для Северного Причерноморья, то она должна быть удревнена для Малой Азии, Северного Ирана, Прикаспия и Южной Сибири. Достаточно сказать, что при раскопках Гордиона украшения в зверином стиле зафиксированы уже в «докиммерийском» слое.

В этой работе сопоставлены исторические и археологические факты с данными этно- и топонимическими, что позволяет как проследить некоторые перемещения киммерийских племен от их исходных пределов (чаще всего прикаспийских, *прикавказских* и причерноморских пространств), так и выявить в ряде случаев конкретные племенные имена, распространение которых из названных областей прослеживается вплоть до Эгеиды и Северной Адриатики.

Вряд ли было бы ошибкой сказать, что скифы выделились из киммерийского мира, который они затем и поглотили полностью, подобно тому как позднее имя сармат покрыло собою имя скифов, а сами сарматы в значительной мере оказались поглощены готами и гуннами. Не следует забывать, что все эти этнонимы в эпоху их широкого распространения в значительной мере утрачивали реальное этническое содержание.

Хотелось бы думать, кроме того, что об иранизме киммерийцев и скифов можно говорить лишь применительно к какой-то части племен, носивших эти собирательные имена. Впрочем, из сказанного в соответствующих главах вытекает, что политическая (а также, вероятно, социальная и военная) терминология, как и некоторые политические установления и порядки, подобно значительному **общекультурному** влиянию, исходили преимущественно из Ирана.

Если древнекитайская официальная этнонимика — по крайней мере для **позднеэллинистического** времени — знает **применительно** к кочевникам несколько имен, распространявшихся на Южную Сибирь, Монголию, Алтай и Казахстан (отчасти, видимо, и на Среднюю Азию), то древнеахеменидские официальные тексты называют лишь имя саксов, — прилагавшееся к племенам арало-каспийских степных пространств и вплоть до Северного Причерноморья, — с кое-какими дополнительными эпитетами, главным образом географического характера. В этом единообразии именованья всех евразийских кочевников сквозит та же мысль, что и в общем наименовании «скифы» (у греческих географов и историков) для многочисленных и известных под реальными индивидуальными именами евразийских кочевнических племен.

В стремлении иранцев и **греков** охватить одним именем племена, для которых археология устанавливает ряд локальных особенностей, подчеркнулось, несомненно, представление об их значительном культурном (а во многих случаях и этническом) единстве. Деление же греческими этнографами (преимущественно Геродотом) евразийских кочевников на скифов и не-скифов определяется, как мы это стремились показать, чисто политическими соображениями, отчасти исходившими из самой же скифской среды, точнее из среды причерноморских «царских» скифов.

Киммерийско-скифская активность в Передней и Ма-

лой Азии, приведшая к падению (наряду с другими факторами) Ассирию и Лидию и к возвышению индийского и персидского царств, оказала влияние и на судьбу ванской державы. Уничтожение скифского могущества в Передней Азии на рубеже VII—VI ст. воспринято было малоазийскими греками как «возврат» скифов на их исконные северочерноморские территории, где в это время начался расцвет скифской культуры на основе взаимодействия кочевников с земледельческо-пастушескими племенами лесостепного Приднепровья и Подонья, а также Прикавказья, с одной стороны, и с греческими колониями берегов Черного моря, с другой. (Такого же — в известной мере — рода отношения складывались у закавказских и прикаспийских племен с ахеменидским Ираном. Для кочевников Монголии и Южной Сибири существенны также связи с Китаем эпохи династии Чжоу.)

Подчинение и эксплуатация оседлых (а то и более слабых кочевнических) племен, политические и торговые связи с цивилизованными странами, взимание с них дани и грабительские рейды в них — это в значительной мере определило политическую структуру скифского общества, состоявшего из нескольких непрочных союзов племен, с военными вождями-царями во главе, опиравшимися на боевые дружины в делах войны и на племенную аристократию — в делах мира.

Наряду с порядками, всецело характерными для кочевнического племенного быта, несущими в себе весьма древние традиции, приходится сталкиваться с элементами государственности, возникшими не без влияния Ирана (позднее — Македонии), выраженного, в частности, в наличии (зачаточного) института военно-административных функционеров (царских эмиссаров и наместников), зачаточной письменности, в развитии генеалогических легенд и царского культа, подобных иранским.

В эллинистическую эпоху, а иногда и раньше, тесные отношения скифов с иранцами и греками привели к возникновению гибридных политических образований: Боспорского царства в Приазовье, Колхидского — в Западном Закавказье и скифского — в Западном Крыму. Все они строились отчасти по типу соответственных малоазийских политических образований — прежде всего Понтийского и Пергамского царств.

В археологии на протяжении некоторого времени наблюдалась тенденция к приурочению имени скифов лишь

к памятникам кочевников причерноморских степей — от Днестра до Дона — с выключением из пределов Скифии таких наиболее характерных для нее в культурно-историческом отношении археологических объектов, как курганы и поселения Среднего Приднепровья и Прикубанья, отнесенных было к нескифским племенам. Но эта тенденция, кажется, сильно подорвана исследованиями недавних лет, установившими, что скифский архаический материал (VII—V вв. до н. э.) сосредоточен преимущественно в Прикубанье, Среднем Поднепровье и Подонье, а степные курганы относятся главным образом к IV—II вв. В связи с этим все более выясняется, что построенная в значительной мере под влиянием представлений о Скифии в рамках степной части Украины) древняя география Северного Причерноморья основана на предвзятом и одностороннем истолковании древних географических и этнографических данных, не соответствующих их реальной локализации.

✓ **Замечательные** памятники кочевнической культуры в Приаралье, Казахстане, Туве, на Алтае, открытые лишь в недавнее время и демонстрирующие скифскую культуру в ее азиатских вариантах, с настойчивостью обращают нас вновь и вновь к древней письменной традиции, распространявшей имя скифов на все только что названные территории.

В Скифии господствовали зачастую самые примитивные формы рабовладения, имевшего (как, впрочем, и в различных, гораздо более развитых, рабовладельческих странах) характер коллективного и домашнего рабства. Оно выражалось порой в недостаточно определенных и изменчивых условиях зависимости, довольно легко обостряясь и ожесточаясь продажей пленников или неполноправных сородичей в иноземное рабство и отправлением на тот свет ритуальным порядком наложниц, слуг, телохранителей и всякого рода других приближенных, но **зависимых** лиц. Подобное рабство, будучи не всегда достаточно существенным фактором в чисто хозяйственном смысле, чтобы определять собой характер производственных отношений в скифском обществе, имело, однако, очень большое значение в общекультурном и психологическом отношении.

✓ **Пережитки** скифской культуры долго и упорно удерживались в культуре тюрко-монгольских (а в несколько меньшей мере — славянских и финноугорских) народно-

стей, нередко при этом довольно далеко за пределами собственно скифского ареала. И это обстоятельство лишь подчеркивает существенную культурную роль, сыгранную кочевническими обществами в процессе сближения и асимилиации многочисленных и разнообразных этнических образований на территории древней Евразии. В нем нельзя не увидеть начала стойкой тенденции к культурному и политическому взаимодействию,— тенденции, все более отчетливо проявлявшейся на протяжении многовековой истории народов-, населявших все, некогда покрывавшиеся скифским именем, пространства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— Вестник древней истории.
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского государственного университета.
ГМИИ	— Государственный Музей изобразительных искусств.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
КБН	— Корпус боспорских надписей.
КНИИ	— Кабардинский научно-исследовательский институт.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
МАР	— Материалы по археологии России.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
РАН	— Российская Академия наук.
СА	— Советская археология.
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия.
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
AJA	— American Journal of Archaeology.
CIE	— Corpus inscriptionum Etruscarum.
CI	— Corpus inscriptionum Italicarum.
ESA	— Eurasia septentrionalis antiqua.
FHG	— Fragmenta historicorum graecorum.
IUSPE	— Inscriptiones antiquae orae septentrionaris ponti Euxini.
PWRE	— Pauly-Wissowa. Real-Enzyklopädie der Altertumswissenschaften.
RLV	— Real-Lexikon der Vorgeschichte.
SIG	— Sylloge inscriptionum Graecarum.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев В. И.** 21, 26₉, 140₁₆₂,
230₁₇, 227
- Абии** (Ἀβίοι, ᾿Αβίοι, Γα᾿β-
ίοι, Abi) 82 сл., 82₁₉, 168
- Авеста** 21, 57, 62, 81, 82₁₈,
83, 84, 96₅₂, 105₇₆, 106,
148₁₇₂, 156, 168, 177₄₁,
178, 182₄₆, 210, 223, 226
- Агафирс** 131, 148, 150
- Агафирсы** (агатирсы, акаати-
ры) 50, 72, 105, 148, 148₁₇₂,
149, 150, 167, 204, 204₈₀
- Ададнрари I** 30
- Азиатская** (Закаспийская)
Скифия 65 (на карте Пто-
лемея), 66, 69
- Алазоны** (ализоны) 136, 137,
146, 182₄₇
- Аланы** (алано-сарматы) 3, 67
(алан-орсы), 104 (а. цар-
ские) \
- Алача гейюк** (некрополь) 9 сл.,
44
- Александр Македонский** 63,
79, 81, 96₅₂, 179
- Амадоки** 145, 146
- Амазонки** 45, 48, 52 (на Кав-
казе), 51, 53, 92, 106 (как
предки савроматов), 107₈₁
(савроматиды), 128—130,
137 (ам.-киммер. происхож-
дение савроматов), 167, 231
(в нартском эпосе)
- Амирани** 233, 233₇₂
- Амиргии** (амиргские скифы)
13, 60, 75, 75₄₁, 169
- αργύριον (λεδρίον)** 93, 96
- Аморг** (Амарг) 96_{κπ}, 181₄₅
- Анареи** (санареи, апариаки)
67, 179, 203
- Анау** 12, 28, 79₁₅
- Анахарсис** 182_{1α}, 215
- Андроновская культура** 12, 19,
88, 99, 104, 157, 163, 188₅₅,
215 сл., 217
- Андрофаги** 145, 167
- Антандр** 49, 55
- Аорсы** 67, 106₈₀ (верхние),
128
- Апарны** (парны, пари) 60,
61, 96₄₉, 104₉₅, 170₂₆ (п-
даи)
- Апасиаки** (пasiаны, пасиаки)
60, 83, 83₂₁ (апа-саки), 103,
170 (речные саки)
- Апи** 83, 83₂₁
- Аполлоний Родосский** 51,
233₂₇
- Ашпан** 102, 171
- Аракс** (Яксарт) 78₁₄, 90, 9₆₅₂,
169
- Аргиппей** (аргимпей, аримфей)
75, 78, 91 сл.
- Арес** (Вайу) 51, 175, 181 (Арес-
меч)
- Аржан** (курган) 11, 90, 223
- Ариапейт** 182₄₆, 202
- Ариарман** 27, 170₂₆
- Ариаспы** (ариспы) 46, 78, 79₁₅,
226
- Аримаспея** 59 76, 77, 171,
224

- Аримаспы 46, 47, 59, 75, 92, 202, 224, 226
 Аримы (ʿArīmat, arīma, arme) 46 сл., 47, 79¹⁵, 80
 Арицы 132¹²⁵, 179⁴³
 Аристей скифы 79, 79¹⁵
 Аристей из Прокопнуса (Пс. Аристей) 17, 59, 77, 171, 224
 Аристотель (Пс. Аристотель) 49, 55, 58 (азиатская Ск.), 204⁸⁰
 Ария, арии (arī, Arīa, Arīana) 27, 47, 51 (Фракия), 78, 79¹⁵
 Армении (урарты) 106⁸⁰, 121, 121¹⁰⁷
 Арриан 50, 96⁴⁹, 129 (перил)
 Артамонов М. И. 18, 35³⁶, 68, 74, 10⁶⁹⁸, 136 сл., 159, 161, 164 сл., 174³⁶, 176, 195, 214
 Асаргаддон 24², 25
 Асии (асианы) 60, 67 (асиоты), 75⁴, 170
 Ассирия 26, 200⁷⁷
 Ассурбанипал 24², 26⁹, 58 (анналы)
 Атей 69, 133¹³⁸, 151, 153, 154, 162, 174, 190, 211 сл.
 Атилла 174, 184, 211
 Афанасьевская культура 11 сл., 69, 156, 157, 216, 221
 Ахемениды 5, 27, 27¹², 60, 93, 97⁵⁴, 101, 121¹⁰⁷, 159, 164, 171 (надписи), 201, 206, 211
 Бактры (Бактриана) 8, 75, 87, 207
 Басовское городище 125, 176, 181⁴⁵, 208
 Бегистунская надпись 93³⁸, 141¹⁶³, 170²⁶
 Белогрудовская культура 12, 18, 134, 135
 Вельское городище 125, 132, 134, 173, 181⁴⁵ • 208
 Бернштам А. Н. 16, 73², 74,
 Беросс 22⁹, 96 (равнина даев)
 Богазкей 28, 45
 Борисфен 146, 172 сл., 176 (как божество)
 Бородинский (Бессарабский) клад 37, 37⁴¹, 217
 Боспорское царство 159, 198 сл.
 Брильский могильник 32
 Будины (бодины, будий) 4, 45, 68, 72 (локал.), 118, 128 сл., 136 (граница), 167, 209
 Булавки бронзовые 37 (ср. типа), 38
 Бум-Ердени 229, 232
 Бычьи скалы (княж. захорон.) 151 сл.
 Вайнштейн С. И. 16
 Вальчитранский клад 37⁴¹, 40
 Вани 120, 209
 Венеты (генеты, энеты) 49, 50, 54 (соседи кавканов)
 Вифины 49 сл.
 Галактофаги 43⁵⁵, 168, 177⁴¹
 Галун Г. 80¹⁶, 86²⁷
 Гальштатская культура 12, 33, 37, 39 (зап. гальштат), 42⁵² (керамич. формы), 135, 139, 148 (ранне-г. формы), 149¹⁷³, 153
 Gamirra (Гамирк) 20, 45, 70²
 Ганжа-карабахская культура 30
 Ганчар Ф. 30, 42⁵²
 Гаргарей 53, 56, 128, 129¹²⁵
 Гаргары (Гаргары, Гаргар) в Троаде 53, 56
 Гарматта И. 26⁹, 30, 114⁹⁵, 133¹³⁸, 170²⁶, 177⁴¹

- Гекатей Милетский 45, 46, 51, 55, 62, 70—72, 76, 77, 78₁₃, 93₄₀, 109, 112, 118, 122, 147, 167 сл.
- Гелланик 96 (равн. саков), 110, 111, 145
- Гелон (эпоним племени гелонов) 118, 130, 131
- Гелон (город) 69, 118, 129—132₁₃₁, 190, 209
- Гелоны 45, 68, 72 (локализация), 75, 118, 129, 130, 132, 134 (будино-гелоны), 142, 167, 209
- Гелы 45, 52, 129, 130₁₂₇
- Геракл 27, 27₁₁, 119, 130, 148, 150, 176, 214, 233₂₇
- Герман А. 105, 144
- Геродот 5, 8, 13, 19, 20, 22 сл. («Скифский рассказ»), 24, 25л, 27, 36 (границы Скифии), 46, 47, сл., 55, 58—63, 71—81, 91 сл., 95 сл., 105—109₈₇ (лок. савром.), 114—121, 128—131, 136—139, 141—148, 150, 152, 156, 158, 160, 165 сл., 169—184, 186, 196, 201, 206, 211—214, 223—225, 230 сл., 232, 235, 237
- Героический эпос 223 (скифск. основа), 230
- Геррос (река) 72 (локал.), 115—117, 173
- Геррос (местность) 69, 105—117, 173, 201, 213
- Герры 72, 116, 182₄₇, 184
- Геты (гетск. племена) 47, 48 сл., 80, 97, 133, 146, 150, 152—154, 170 (вел. геты)
- Гимиррай (gimirrai) 13, 24, 25₇
- «Гинайкократия» (у савром.) 137, 163 сл., 192₆₀
- Гипакирь, р. 105 сл., 141
- Гипанис, р. 116, 137, 141, 147
- Гипербореи' 77₁₂, 78, 92, 145
- Гипшмоалги 43_{кк}, 168
- Гиппократ (Πε. Гиппократ) 19, 92, 120
- Гипсикрат 52, 184
- Гирпшан Р. 28₁₆, 200₇₆
- Голиградская культура 37₄₁ (керамика), 40₄₅
- Гомеровский эпос 43_{кк} (ким-мерийцы), 46, 76 (абии)
- Гордион 43, 44, 46
- Городцов В. А. 17, 75, 125
- Граков Б. Н. 16, 18, 35₃₆, 68 сл., 74, 108, 114₉₅, 159, 162, 173, 176, 180₄₄, 181₄₅, 182₄₇, 185, 192₆₀, 224, 224₃
- Грязнов М. П. 16, 74, 89, 235
- Гуннская (протогуннская) культура 18, 87, 91
- Гунны (уну, хун-ну, сюнну, hunu) 3, 10, 16, 59₇₁, 62, 81, 83, 83₂₂, 86, 87, 90, 114 (г. царские), 167, 170, 181₄₅, 182₄₈, 186, 189, 196₆₈ (полит. организация), 205, 234 (троичн. племени), 237
- Даг (даги, даки, daga, daza, 'Даци) 4, 48, 56, 60, 61, 81, 82, 84, 96, 96₄₉, 97, 97₅₃, 102 (Давань), 114₉₅ (ксандии), 133, 145, 150, 151 (дии), 168, 179₂₆, 177₄₁ (д. парии), 205
- Дарий Гистасп 69, 93, 94, 111, 121₁₀₇, 141, 163, 168, 169, 171, 179, 181₄₅, 206, 206₈₇, 219
- Да-хья 84, 208
- Декрет в честь Протогена 94, 152, 199
- Демодант 96₅₂, 178
- Дербики (дрибики, driwika, drbhika) 81, 82₁₉, 97

- Диодор Сицилийский 48, 79 сл., 152, 178, 184, 200₇₆, 202₇₈
- Дионисий Милетский 71, 72
- Домитий Каллистрат 141, 202₇₈
- Дугдамме (Тугдамме, Лигдамме) 24₂, 25₇, 26, 26₂, 58
- Европа (как местожит. скифов) 62, 63, 147 (у Гекатея)
- Ехидна 72, 118, 176, 224
- Женщины воительницы 163 сл., 192₆₀
- Зальмоксис 150, 225
- Звериный стиль 17, 21, 30, 35 сл., 44, 46 (в Гордионе), 88 сл. (вост.-ск.), ЮО (в Чиликт. мог.), 101 (Иссык. к.), 108 (у савром.), 112 (у синд.), 123 (Зап. Кавк.), 127 (Сев. Кавк.), 134 сл. (Бельск. гор.), 135, 153 (Волг.), 213 сл. (погреб. культ)
- Земледелие (земл. племена) 135, 136 сл., 156, 162, 172, 173, 179, 184 сл., 187 (у туарегов), 207 сл. (в Бактр.), 209
- Змейское поселение 124, 127
- Знаменско-серогозские курганы 115, 117
- Зольники 125 сл., 134, 138, 208
- Иберы 121₁₀₇, 178
- Иданфирс 117, 162, 174, 179, 180₄₄, 184, 211, 237
- Иссен А. А. 17, 29—33, 36, 102, 131₁₂₉
- Иеттмар К. 161₁₂
- Иирки 68, 75, 105, 105₇₆
- Ильинская В. А. 115₉₇, 136, 139, 193₆₁, 214
- Имав 65, 65₂, 78₁₄, 81
- Имущественное неравенство 161, 165
- Индейцы 76, 106₈₀
- Иранская культура 108, 108₈₆ (искусство), 206 (ск. влияние)
- Исмар (Исмара, Исмариды) 56, 57
- Исседон Серический 78, 80
- Исседон Скифский 78, 80
- Исседоны (исседы, асседоны, эседоны) 59, 75, 77—80 (отожд. с усунями), 96, 169, 202
- Истр, р. 146, 150, 151₇₅, 167, 172, 179
- Истрия 151, 151₁₇₅, 152
- Кавконы (кавкиониаты, киконны) 56, 57, 177₄₀ (сопост. с кавказианами)
- Кадусии 30, 45, 130₁₃₇
- Калипиды 136, 137 сл.
- Каменные ящики (дольмены) 41, 142 (тавр.)
- Каменское городище 41, 162, 172, 173, 207, 208
- Кашадокия 43, 45, 48, 121₁₀₇, 132₃₁
- Карагодеуашх, кург. 176, 219, 220
- Карасукская культура 12, 19, 42, 88, 91, 104, 108, 157, 188₅₅, 215
- Карийцы 52, 54
- Картлис Цховреба 128, 177₄₀
- Карты Скифии (древние) 71 сл., 73
- Каспапир (Кашмир) 76, 78₁₃, 96
- Каспии 30, 96
- Касситы 4 (к. дин.), 5
- Катакомбная культура 18, 35₉₆, 75 (связь с афан. к.), 143 (в Крыму), 157, 215
- Келермеские курганы 116₁, 117, 213
- Кельты, бр. 32, 37, 37₄₁, 148

- Керамика 132 (предскиф.), 137¹⁵¹, 140, 142 (тавр.)
- Керкеты 107⁸¹, 111, 118
- Киаксар (Каштарита, Умакиштар) 24², 25⁷, 27¹², 200⁷⁶
- Кизилкобинская (тавр.) культура 41, 127, 142 сл.
- Киммериды 45, 49, 55, 58
- Киммерийская культура 25, 42⁵², 49
- Киммерийская (кимерская) стадия 25, 149¹⁷³ (эпоха), 160
- «Киммерийская» топонимика 35, 49 сл., 51 сл., 58 сл.
- Киммерийские миграции 47 сл., 52, 55, 66 сл., 106 сл., 200⁷⁶ (кимм.-скиф.)
- Киммерийский Боспор 58, 122
- Киммерийско-скифские племена 4, 30, 58, 106
- Киммерийско-скифские проникновения в Переднюю Азию 4, 58 сл., 200⁷⁶, 214
- Киммерийцы (Κιμμεριοι) 3, 4, 17, 24 сл. (проблема в целом), 34 (захорон.), 35, 43 (историч. кимм.), 57 (на Кавк.), 106 (тожд. с амаз.), 106¹, 123, 141, 146, 153, 159 (фрако-кимм.), 168, 201 сл.
- Кинжалы (акинаки) 28—30, 32, 34 (позд.-ср. типа), 37, 37⁴¹, 133, 149 (в Трансильв.)
- Кир I 24², 27¹², 78, 82¹⁹, 96, 106⁸⁰, 162, 179
- Кираты (kiratas, Kıradaş) 82, 84, 85
- Классовое общество (у скифов) 160 сл. (в сарм. эпоху), 210, 210⁹⁵
- Коб (Καρος) 21, 25⁷, 47, 49, 152
- Кобанская культура 12, 19, 30, 36, 42, 42⁵², 124
- Колаксай 147, 177, 180
- Колесницы (погреб.) 39, 214
- Колхи 118, 120 сл., 121¹⁰⁷, 122, 148, 177
- Колхида (Колика) 120—122, 209, 230 (к. царство)
- Колы 118, 122, 148, 177
- Комаровская культура 37, 37⁴¹, 39, 149¹⁷³
- Коневодство 121¹⁰⁷
- Конные дружины 62, 114, 159
- Конские захоронения 30, 32, 42, 44, 99 (у саков), 101, 113 (у синд.), 125 (на Сев. Кавк.), 151 (в Быч. скал.), 163, 187⁵⁴, 215
- Конский убор (скиф.) 12, 28, 29, 31 (Новоч. кл.), 34, 41, 96, 124 (в Арм.), 125 (на Сев. Кавк.), 131¹²⁹, 133 сл., 149, 153 (Бедняково), 215
- Кораксы 67, 122, 129, 148, 177
- Котлы бронзовые 28, 31, 33, 41 (в Горд.), 91 (у гунн.), 131¹²⁹
- Кочевнические племена 3, 5 сл., 123 сл. (проникн. на Кавк.), 133 (пересел. на Запад), 149
- Крушнов Е. И. 30, 35, 126, 128, 129
- Ксантии (ксандии) 50, 60, 61, 96⁴⁹, 114⁹⁵, 170²⁶ (даи-кс.)
- Ксенофонт 22, 108⁸⁶, 119, 121¹⁰⁷, 200⁷⁶, 232
- Ксеркс 75, 93, 94 (персеп. надп.), 121¹⁰⁷, 206, 219
- Ктесий Книдский 26, 77, 80, 85, 96⁸⁰, 170²⁶, 180⁴⁴, 206, 223
- Kulundas, kulinda 84, 85
- Кульобский курган 218 сл., 235
- Курганы, ст. Воронежской 116⁹⁸, 117
- Куро-аракская культура 28,
- Курций Руф 82, 82¹⁹

- Кушаны 5, 103 (куш. эпоха)
 Куштановидкая культура 39, 41
- Лаппо-Данилевский С. А. 17, 158—160⁷, 165
- Легенды о дарах 178—180, 225
 Легенды о происхождении скифов 130, 150, 176, 178, 180, 223
- Леги 52, 56, 130, 177⁴⁰ (леки)
- Лелеги 52, 55, 56
- Литвинский В. А. 94^{2,3}, 97²
- Луговой могильник и поселение 124, 129
- Лузицкая культура 18, 135 сл.
- Мадий 25⁷, 58, 200⁷⁶
- Майкопская культура 8 сл., 156, 156⁴, 221
- Майкопский курган (большой) 8 сл., 156, 221
- Майкопский серебряный сосуд 8³, 22 (изобр.)
- Майэмирская культура 79¹⁵, 88 (курганы), 100 (связи с Казахст.).
- Макроны 120, 122, 122¹⁰⁸
- Манцевич А. П. 149¹⁷³, 219
- Марды (амарды, maredha) 81, 225 (Гайомард), 230 (нарты)
- Мариандины 49, 56
- Маркварт И. 103, 176
- Марр Н. Я. 67, 160
- Марсагет 170²⁶, 206
- Массагеты 18, 27, -, 50, 59—61, 67 (массаи), 77¹², 78, 81—82¹⁹, 96—98 (больш. саки), 104, 109, 150, 170
- Матиены 46, 121¹⁰⁷
- Матриархат 166 (перезж. у савром.), 192⁶⁰ (у носу и алт. скиф.)
- Маас Титиан 64, 66, 80
- Мегастен 76, 85, 85²⁶
- Меланхлены 119, 122, 167
- Меотиды 61, 100, 122, 170²⁶
- Меотская культура 18, 118 (культ. среда)
- Меоты (меотск. племена) 107⁸⁴, 110, 144 сл.
- Металлургия 33, 173 (на Кам. город.), 207
- Мигдоны (Мигдония, Мигдо-нида, р. Мигдоний) 54, 55
- Мидия 5, 8, 95 (мид. сатрап.), 107⁸², 95⁴⁷, 121, 200⁷⁵, 200⁷⁶ (М. царство), 213 (скиф. господство)
- Мидяне (мадаи, меды) 24³, 25⁷, 27¹⁷, 154 (у берегов Эгеиды)
- Микенская культура 37⁴ (позд.-м.), 40
- Миннз Э. 16 сл., 19
- Миргеты 93⁴⁰, 128, 147, 147¹⁷¹
- Митанни 28, 46
- Михалковский клад 37, 37⁴¹, 149¹⁷³
- Моде (Маодунь, Мотун) шаньюй 86²⁷, 162, 196⁶⁸, 237, 238⁴⁸
- Моздокский могильник 117, 124
- Московское городище 33, 173
- Моссины (моссиники) 54 сл., 120, 129, 209³, 232, 233²⁷
- Мосхи 46, 120, 121
- Мюлленгоф К. 50, 107⁸², 145
- Наконечники копий 28, 32, 37, 39, 124 (в Армении), 133
- Наконечники стрел 28, 30, 34, 41 (кост.), 43 (в Гордионе), 45, 99, 103 (Чирик Рабат), 131¹²⁹, 149 (кост.)
- Нактд-и-рустемская надпись 94⁴¹, 169
- Наложницы (поллэκκη) царские (в погреб.) 9, 165
- Наместник (царский) 182, 182⁴⁶
- Нашей 125, 178, 202⁷⁸

- Нарты 181⁴⁵, 230 (н. сказания),
234 (троичность плем.)
- Невры 68, 119, 132, 132^{49к},
134, 135, 145, 167
- Немировское городище 125,
138, 173
- Нестеровский могильник и по-
селение 117, 124, 129
- Новосвободная станица 10, 156¹
(курганы)
- Новочеркасский клад 31, 34,
36
- Ножи 30, 41, 99 (у саков)
- Огуз-каган (хан) 192⁶⁰, 237,
238⁴⁸
- Одризы 145, 154 (о. царство),
175 (династия), 183 сл.
- Ольвия 50, 69, 132, 137, 182⁴⁶,
197, 203⁷⁹ (Борисфен), 209,
212
- Ортокорибантис 95, 97⁵⁴
- Пазырыкские курганы 13, 20,
88 сл., 94, 100 сл. (св. с
Казахст.), 176 (V кург.),
188 сл., 218 (III и V кург.),
222, 226, 229 (II кург.),
235 (I и V кург.)
- Палеи 133, 178, 202⁷⁸
- Паралаты (шарадаты) 106⁸⁰
114⁹⁵, 177, 177⁴¹
- Партатуа (Прототий) 25⁷,
200⁷⁶
- Парфяне 5, 61, 176 (ан-си),
186 (парф. Иран)
- Пастерское городище 137⁵⁴,
138, 173
- Патриархально-родовой строй
159 сл., 162
- Пафлагония 43, 50, 56
- Пеласги 52, 56
- Персепольская надпись Ксерк-
са 94, 97⁵³
- Писсуры 60, 96⁴⁹
- Плиний Старший 54, 55, 66,
81, 85, 111, 128, 172, 177,
178, 200⁷⁵
- Плиточные могилы 87, 91
- Погребальный обряд 37
(предск.), 38, 39, 41 (сожж.),
45 сл. (скорч.), 99 (у саков),
102 (на Памире), 104 (в
Тагиск.), 110⁸⁸ (у савром.),
117 сл., 140 (катак.), 149
(у агафирс.), 150 (у готов),
153 (в М. Скифии), 157 (в
Майк. кург.), 163 (у савр.),
184 (царск.), 188, 188² (соц-
разд.), 213 сл.
- Полиен 80, 100⁸⁰, 112, 147,
174, 181⁴⁵, 223, 237
- Помпей Трог 170, 177
- Предметы вооружения 30, 39,
41, 65 (единообр.), 91 (у
гунн.), 121 (у зап.-кавк.
племен)
- Предскифская культура 24, 28,
34, 37, 38, 39, 41 (керам.),
124 сл. (Сев. Кавк.), 134
(Ср. Днепр.), 148 сл. (Тран-
силъв.)
- Приск Панийский 8, 211, 237
- Прометей 230, 233, 236²⁷ (как
скиф. царь)
- Птолемей, Клавдий 62, 64 сл.,
69, 78, 78¹⁴, 80 сл., 84,
106⁸⁰, 109⁸⁷, 115 сл. (лок.
р. Герра), 128, 147
- Рабовладение 159—162, 164,
167, 173 (у ск. царск.),
183—186, 187 (у туар.), 189
(у гунн.), 190 (у носу), 191,
193 сл., 194⁶⁵ (работорг.),
207 (в Бактр.), 210
- Рабство 7 сл. (древн. призн.),
10 (пораб. ремесл.), 141,
158 (рабство и крепости.),
165 (рабыни), 166 сл. (по
Геродоту), 167, 178, 183—
185 сл., 187 (в С. Афр.),
193 (у казах.), 205, 206 сл.
- Равдоникас В. И. 159 сл., 160⁷
- Ремесло 10 (пораб. ремесл.),
127, 128, 166, 182 (на Алтае),
189 (у гунн.), 207, 208
- Ренгай (ранха, ranha) 83,
96⁵², 109⁸⁷

- Решнов К. 85
 Ритуальные принудительные захоронения 8 сл. (Майк. кург.), 11 (в Афан. культ.), 99 (у саков), 152 (Бычьи ск.), 156, 163, 187, 187₅₉, 188₃₅, 193₆, 198 (на Босп.), 202₇₂ 214
 'о.
 Родо-племенная организация кочевников 195 сл., 196₆₈, 208 сл., 210₉₅ (усуни)
 Ростовцев М. И. 16 сл., 19, 158, 206₈₇, 212, 219, 235 сл.
 Руденко С. И. 16, 161 сл., 164, 188, 192₆₀
 Савдараты 119₁₀₃, 182₄₇
 Савромат (Саурмаг) 107, 230, 234 (сопост. с. Урузмагом)
 Савроматская культура 18, 104, 290
 Савроматы 48, 53, 59, 68 сл. (локализация), 80, 105 (на карте Геродота), 107, 107₈₁ (в Закасп. стр.), 110, 113 сл. 128, 164, 171 (с. царские), 224₃
 Саи 4, 50 (саиксаи), 57 (киконы), 67 (сайтаны), 94 (скифы с.), 114₉₅, 133, 151 (на Эгеиде), 152 (фракийские), 212
 Сайрима (sairima, sarima) 81, 106, 107 (как савром.), 107₈₁
 Сай-уань (царские саки) 80₄₂, 87₂₈, 92 170
 Saka haumawarga 93, 97₅₂, 97₅₄, 102, 169, 171, 201 (амиргии)
 Saka para sugda 93, 94, 201
 Сакаравки (сакаравлы) 60, 87gg, 106₈₀, 170 (царские саки)
 Сакасена 95, 200₇₆ (сакасаны)
 Saka tigrachauda 93—95, 171 201
 Saka tyaiy paradraya 93, 94 97₅₃, 171, 201
 Сакесфар 180₄₄, 181₄₅
 Саки (Σακαί, sakas) 16, 48 (на Кавк.), 59₇₁—61, 73, 75 (амирг. скифы), 81 (царск. с), 94 сл. (Ῥορθοκοριβαντιοι), 94₉₁ (с. амирг.), 95 (в Закавк.), 96, 96₅₀, 98 (царск.), 108 (с массаг.), 114 (ск.-саки), 121₁₀₇, 169, 201, 202 (подч. усуйями)
 Саккыз 200, 200₇₆, 205 (скиф. письм.)
 Сакская культура 98 сл. (кург. и посел.), 100 сл. (царск. с), 102 сл. (Ферг. дол.)
 Сандон 27, 27₁₁ (Заден)
 Саргон И, 25, 28₁₆
 Сарматская культура 36, 109 (становл.), 204 (сарм. знаки)
 Сарматы (sairima, сарм. племена) 66, 80, 81, 107, 107₈₁ (Σαρμαται), 107₈₂, 113, 171 (язиги ц.), 185 (сарм.-герм. плем.), 201, 211
 Сасиры 121, 121₁₀₇
 Састар (σαστηρ) 62, 66, 182₄₆
 Сатархеи (сатархи) 141, 187, 202₇₈
 Сейминская культура 12, 37, 75 (могильн.), 108, 124 (в Арм.)
 Семенов-Зусер А. С. 150 сл., 159, 160₇, 195, 196
 Сентеш Векерзуг (могильник) 39, 187₅₄
 Синдика 111, 209
 Синды (синдоны) 51, 59, 107₈₁, 110₁₁₁ (Культура), 112
 Сирак 106₈₀ (сакск. конюх)

- Сираки 100, 107⁸¹ (в Мидии), 118, 128
- Скил 196⁶⁸, 202, 237
- Скилак из Карианды (Пс. Скилак) 69, 71 (перипл), 72, 77 (как ист. Геродота), 78⁷³, 107⁸¹, 118, 128, 167
- Скилур 197, 212
- Скиф (эпон. племени) 131, 150, 178
- Скифины 122, 200⁷⁶
- Скифия 167 (как геогр. пон.), 168 сл., 169 (М. Скифия), 170 (союзы пл.), 173 (столица), 175 (общин.), 180 (деление)
- Скифская государственность 160 сл., 162 (у евр. ск.), 167, 180⁴⁷, 195 сл., 197, 202, 206 (иран. вл.), 208, 210 (неравн. разв.)
- Скифская керамика 125 (лощ.), 133 (груб.)
- Скифская культура 5,7(призн.), 12 (ск.-сак.), 17 сл. (ср. с местн. культ.), 66 (к. азиатск. ск.), 67 сл. (неравн. разв.), 73 (компл.), 87 (восточн.-ск. к.), 123 (Зап. Кавк.), 126 сл., 134 (на Ворскле), 148 (в Трансильв.), 150 сл. (у гетов), 156 (становл.), 175, 199 (центры с. к.), 203 сл., 204 (идеогр. письмо)
- «Скифская» и «сарматская» стадии 25, 67, 160
- Скифские военные дружины 133, 180, сл., 202 сл.
- Скифские культы 13 (ареал), 127 (археол. сл.), 175 сл. (царск. к.), 211 (к. меча), 215 (героиз. царей), 218
- Скифские поселения 89 сл. (на Алтае), 134 (на Ворскле), 181⁴⁵, 207 сл.
- Скифские цари-военачальники 7, 154 (царская власть), 161 (по Геродоту), 174, 180 сл.
- Скифские царские некрополи 13, 88 (вост.-ск.), 90 (Аржан), 116⁹⁸, 117, 199 сл. (множ. ц. н.), 213 (захор. в катак.)
- Скифские «царские» племена 8, 13, 61 сл., 81, 82¹⁹, 98, 110, 112, 115, 166 (по Геродоту), 168, 170, 170²⁶ (дащ.), 171, 174 (гунны Д.), 187 (ц. туареги-имаджеги), 205, 234 (троичн. племен)
- Скифский погребальный обряд 13 сл. (катак. захор.), 88 (на Алтае), 116 сл., 188, 198 (к. босп. знати), 214 сл., 219 (героиз. царик), 220 сл. (героиз. жриц), 221
- Скифский этногенез 16 (расовая принадл.) 19 сл.
- Скифский «этнос» 14, 16, 73, 167, 199 (смеш. черты)
- Скифский язык (ираноязычность) 13 (индоевропеизм), 17, 20, 167
- Скифское царство 158, 180 сл. (троичность), 183, 187 (в Крыму), 200⁷⁶ (на Кавк.), 202, 237
- Скифы (Σκυθαι, iskuzā, askuzā) 1 (перез. имени), 5 (в С. Индии), 20 (выд. из кимм. ср.), 56 (кавконы), 60 (в Ср. Азии), 72 (аз. по Геродоту), 81, 81²⁷, 87²⁸, 93 (с. амирг.), 93³⁸ (skuda, sknz), 105 (родс. с савр.), 13 сл., 146, 151 (в Задун.), 159 (ирано-с.), 167 сл., 169 сл. (с. царские), 171 (среднеаз.), 201 сл. (подч. сарм.), 206 (в перс. войске)
- Скифы земледельцы (Γεωργοί) 138—142, 172, 173, 173³⁴
- Скифы кочевники И3, 113⁹⁴, 137 сл., 171 сл. (приш. из Азии)

- Скифы пахари (*ἸΑροτινῶες*) 7, 68 (локал.), 136, 138—141, 172
- Скифы царские 8, 13 (множ. ч. плем.), 69, ИЗ сл., 115 (локал.), 116 сл., 118, 166, 173 сл., 180 (держава), 183, 199
- Сколоты 7, 122, 136, 148, 166, 171 (ск-ск.), 177, 201
- Скотоводство (ск. племена) 158, 162, 172 сл., 185, 187 (в С. Афр.), 207 сл.
- «Слепые» (*τυφλοὶ*) 141 (рабы ск. царек.), 166 (по Геродоту), 186, 202⁷⁸
- Смирнов А. П. 160, 161^а, 165
- Смирнов К. Ф. 108, 110, 110⁸⁸, 118, 159, 163 сл., 192⁶⁰
- Сосруко (Сазырко, Сослан) 230, 232
- Социальная борьба в скифском мире 202, 202^а
- Социальная и политическая эволюция в скифском обществе 88 сл., 207 сл. (соц. дифф.), 209 (на З. Кавк.), 211 (у гунн.), 215 (отр. в легенде)
- Спицин А. А. 17 сл., 139
- Срубная культура 18, 32, 35—37, 102 (св. с савром.), 143 (в Крыму), 204 (тамги), 204^а, 215 (героиз. ст.-рейш.)
- Старая Скифия 36 (кимм. эпоха), 52, 72, 146, 172 («Древн. Ск.»)
- Стефан Византийский 50 сл., 62, 70, 77, 148
- Страбон 24, 25⁷, 26, 45—56, 58, 60—63, 67, 69, 81, 96⁴⁹, 97, 106, 106⁸⁰, 107⁸¹, 110, 114, 114⁹⁵, 121¹⁰⁷, 128—130, 138, 141 сл., 144, 168, 178 сл., 199, 200⁷⁶, 213
- Страленберг Ф. И. 132¹³⁵, 179⁴³
- Струве В. В. 94, 94⁴⁴, 170²⁶
- Субботовское городище 33, 125, 173
- Сулимирский Т. 30, 37, 38, 79¹⁵, 136
- Сэ (ти, ди) 4, 8, 83 сл., 92 сл.
- Табити (Гестия) 185, 182 (множ.)
- Тавры (тавро-скифы) 142, 144
- Тагарская культура 88, 89, 91 (у протогунн.), 100 (в Казахст.), 188⁵⁵
- Тагимасад 175, 176
- Талльгрэн А. М. 22³³, 204⁸²
- Тальши 29, 30, 37⁴¹
- Танаис, р. 63 (гр. Европы и Азии), 64 (Яксарт), 68 (Дон), 147, 169 (вост. гр. Скифии), 171
- Таргамос 128, 177
- Таргитай 27⁴¹, 128, 147, 148, 176, 177, 177⁴⁰, 180, 214, 214³, 228
- Таскин В. С. 196⁶⁸
- Тафрии 141, 187
- Теисп 27, 27⁴²
- Теофан Митиленский 52, 178
- Тепе Сяалн 28 сл., 37⁴¹
- Тереножкин А. И. 17 сл., 34, 139, 139¹⁵⁷, 162, 165, 192⁶⁰, 203, 203⁷⁹
- Теушна (Теусра) 24², 27
- Тибарены 55, 120, 122¹⁰⁸
- Тира, р. (и город) 147, 177, 197
- Тирамба 146, 177
- Тирамбы 128, 146
- Тиргатао 128, 147 сл., 177, 237
- Тирегеты 49, 128, 146 (тирангеты), 147, 147¹⁷¹, 152, 177
- Тиритака 177, 218
- Тиссагеты (тирсагеты) 50, 68, 80, 97, 105, 109, 149
- ТОЛСТОЕ С. П. 74, 103, 108⁸⁶, НО, 125